

КАРАВАН

женских историй

5 ЛЮБИМЫХ ЖЕНЩИН ВЫСОЦКОГО

ИЗЯ ЖУКОВА, ЛЮДМИЛА АБРАМОВА,
МАРИНА ВЛАДИ, ТАТЬЯНА ИВАНЕНКО,
ОКСАНА АФАНАСЬЕВА

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

«Идеал женщины?» – «Секрет...» Так ответил Владимир Высоцкий на один из вопросов знаменитой анкеты, распространенной среди актеров Театра на Таганке в июне 1970 года. Болгарский журналист Любен Георгиев однажды попытался спровоцировать Высоцкого: «Вы ненавидите женщин, да?..» На что получил ответ: «Ну что вы, Бог с вами! Я очень люблю женщин... Я люблю целую половину человечества». Не тая обиды на бывшего мужа, его первая жена Иза признавала: «Я... убеждена, что Володя не может некрасиво ухаживать. Мне кажется, он любил всех женщин». Юрий Петрович Любимов отмечал, что Высоцкий «рано стал мужчиной, который все понимает...»

Предлагаемая книга не претендует на повторение легендарного «донжуанского списка» Пушкина. Скорее, это попытка хроники и анализа взаимоотношений Владимира Семеновича с той самой «целой половиной человечества», попытка крайне осторожно и деликатно подобраться к разгадке того самого таинственного «секрета» Высоцкого, на который он намекнул в анкете.

- Юрий Сушко

- От автора

- Иза Жукова

- Людмила Абрамова

- Марина Влади

- Татьяна Иваненко

- Оксана Афанасьева

Юрий Сушко

**5 любимых женщин Высоцкого. Иза
Жукова, Людмила Абрамова,
Марина Влади, Татьяна Иваненко,
Оксана Афанасьева**

© Сушко Ю.М., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

От автора

«Идеал женщины?» – «Секрет...».

Так ответил Владимир Семенович Высоцкий на один из вопросов знаменитой анкеты, распространенной среди актеров Театра на Таганке в июне 1970 года.

Болгарский журналист Любен Георгиев однажды попытался спровоцировать Высоцкого: «Вы ненавидите женщин, да?» На что получил молниеносный ответ: «Ну что вы, бог с вами! Я очень люблю женщин... Я люблю целую половину человечества». Не тая обиды на бывшего мужа, его первая жена Иза признавала: «Я... убеждена, что Володя не может некрасиво ухаживать. Мне кажется, он любил всех женщин».

Добавлю еще одно наблюдение далеко не постороннего для Высоцкого человека. Выступая в телепрограмме ОРТ «Фрак народа» в мае 1999 года, Юрий Петрович Любимов отметил, что Высоцкий «рано стал мужчиной, который все понимает...».

Валерий Золотухин также не отрицал: «Да, был не прочь погулять. Но разве это грех – любить женщин?! Главное ведь не то, с кем он спал, а какой дар был послан ему свыше. Вот что отличало его от всех остальных смертных...».

В свое время меня чрезвычайно заинтриговала фраза Вениамина Смехова о гиперсексуальности Высоцкого. И впрямь, коль человек был способен покорять огромные концертные залы в несколько тысяч слушателей, целые стадионы, дворцы спорта, то вряд ли какая-то одна «слабая, беззащитная» или даже самоуверенная женщина могла бы представлять для него неприступную цитадель, способную устоять перед темпераментным напором и сногшибательным обаянием.

Партнерша Высоцкого по многим таганским спектаклям Алла Демидова подтверждала: «Он абсолютно владел залом, он был хозяином сцены... Он обладал удивительной энергией, которая, саккумулировавшись на образе, как луч сильного прожектора, била в зал. Это поле натяжения люди ощущали даже кожей. Я иногда в мизансценах специально заходила за его спину, чтобы не попадать под эту сокрушающую силу воздействия...».

Одна из жен Владимира Семеновича Людмила Абрамова с жаром говорила: «Пусть меня найдет и плюнет в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать...».

Судьбы любимых женщин Высоцкого – сами по себе не просто любопытны. Это сложнейшие, загадочные, трагические

жизненные новеллы. Утаить их, предать забвению просто грешно.

Владимир Семенович Высоцкий (25 января 1938 – 25 июля 1980) – русский советский поэт, актер и автор-исполнитель песен, автор прозаических произведений.

Лауреат Государственной премии СССР (1987, посмертно)

Иза Жукова

*Но мы с тобою сразу стали
жить,
Не опасаясь пагубных
последствий...*

Свою первую большую любовь Высоцкий встретил юным студентом, когда учился в Школе-студии. Он был «...симпатичен, обаятелен. Так что неслучайно многие девушки нашего курса, как говорится, положили на него глаз. Была и я среди них...», – признавалась Иза Жукова (см. М. Захарчук. Босая душа, или Штрихи к портрету Владимира Высоцкого // Радуга. № 2. 1991). Она училась уже на третьем курсе. Муж, авиационный техник, прозябал в далеком Таллине, родители скучали в Горьком. Как утверждает один украинский журналист, «к тому времени у нее уже был ребенок от первого мужа» (Л. Кудрявцев. Женщины в жизни великого барда // Ктевскш ТелеграфЪ. № 01 (143). 20–26 января 2003). Но, как рассказывала сама Иза, ее единственный сын Глеб появился лишь в середине 65-го года. И не от Высоцкого.

Но тогда именно на Изе-Изольде-Изуле Высоцкий и остановил свой выбор. Близкому знакомству помог случай. «У нас в студии очень почитались старшекурсники, просто была такая традиция. Не важно, какого ты возраста, – если ты старше курсом, все равно перед тобой снимают шапку, – рассказывала Иза. – А они, Володин курс, для нас были «мальчики и девочки». И их курс был такой «хулиганский», озорные ребята – в общем, не «бомондные». Юного студента старший курс пригласил поучаствовать в своем дипломном спектакле «Гостиница «Астория»». А потом случился какой-то праздник, и старшекурсники снизошли к «мальчикам и девочкам», пригласили к себе. Не совсем к себе – на квартиру Греты Ромадиной: «салонная» девочка по тем временам. Накрыли очень красивый стол, но явился Володин курс и как устроил там «живые картинки!» Они нам там сломали этот салонный стиль. Привнесли свою свежую струю...» (см. Л. Грабенко. Перед смертью Владимир Высоцкий хотел обвенчаться... // Факты и комментарии. 21 июля 2000). На той вечеринке за Изой настойчиво приударял молодой преподаватель Виктор Карлович Монюков и успешно зазывал ее на чашечку кофе с пирожными. Это в три часа ночи-то! Но Виктор Карлович не на того соперника

напал, хотя и Высоцкий был его студентом. Но все же Владимир решительно и настойчиво взял большеглазую девушку за руку и пошел провожать в общежитие.

– Шустрый, хулиганистый, немножко конопатый, влюбленный, как мне показалось, сразу во всех девушек, – говорила Иза. – ...Этот мальчишка потащил меня гулять. Возмущение, искренний протест и главный козырь: «Я, между прочим, замужем!» – не помогли...» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2006). Он ее просто не пустил, крепко держа за руку. Они пошли бульварами на Трифоновку «...и всю дорогу ругались, – рассказывала Жукова. – Мне было досадно и обидно, что не поехала на кофе. Да и зачем он идет за мной? Я замужем! Хотя брак продержался всего две недели, но я не была разведена. Я даже не помню, о чем мы говорили, но факт тот, что с этого дня он вообще был при мне, со мной...» (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого // www.lady-club.com).

Что было дальше? «Потом мальчик с торопливой, чуть вздрагивающей походкой, дерзкий, смешной, стал родным и любимым...» (И. Высоцкая. Когда был Володя, замечательно было жить! // Владимир Высоцкий. Человек. Поэт. Актер. М.: Прогресс, 1989). Она говорит, что он был «по-особенному ярок... В свои 19 лет он был мужчиной, по-настоящему, по-большому, по-крупному...» (Е. Красикова. Иза Высоцкая – жена, мать, актриса // Сегодня. № 185. 23 сентября 1998). С того дня, точнее ночи, «он вообще был при мне, со мной, – хвалилась затем Иза Константиновна. – Я приходила в столовую, а мне несли обед и не говорили от кого. «Я не буду, я не буду!» – возмущалась я. «Да ты не бойся...». Или я заболела, и моментально появлялись лекарства. В Москве тогда невозможно было достать цветы, а он находил. Таскал еду из дома. Этот ребенок в 19 лет... Дай бог так себя зрелым мужчинам вести...» (М. Райкина. Странная женщина Владимира Высоцкого // Московский комсомолец...) *«Помню, он принес мне спелый апельсин и туфли, от которых оторвал каблук. Володя сделал это, чтобы на прогулках мы были одного роста и меня можно было держать за шею – это тогда было модно... «Шпильки» создавали лишние проблемы, и Володя без сожаления от них избавился...»* (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2006).

Настала прекрасная пора романтических прогулок при луне от студии до общежития на Трифоновке, где Иза жила со своими подружками – Маргошей (Маргаритой) Володиной и Галиной Грозиной в девятиметровой комнате. Затем ее соседкой стала

Рита Жигунова. Симпатичные студентки мечтали, конечно, о сцене и кино. Все страшно завидовали Володиной, которая уже успела сняться в фильме «Огненные версты» (ее, правда, бедняжку, за несанкционированные съемки строгий ректорат лишил стипендии имени народного артиста Хмелева).

Но главные мечты были, конечно же, о любви... Вон, за Риткой Жигуновой какой красавчик-танцовщик ухаживает, да еще с таким загадочным заграничным именем – Марис Лиепа!

Она очень скоро убедилась, что Володя не может некрасиво ухаживать. *«Мне кажется, – говорила Иза, – он любил всех женщин... Он носил их на руках. Дарил, бесконечно дарил – что угодно. Я сама не заметила, как вдруг мне стало его не хватать. А потом случилось то, во что я очень верю, – два человека превращаются в одного. Если мне поначалу казалось, что это мальчик, то очень быстро я превратилась в маленькую девочку. Благодаря ему мне всю дальнейшую жизнь хотелось быть маленькой, беспомощной и глупой. Но не пришлось...»* (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

Иза Жукова – первая большая любовь Владимира Высоцкого.
Фото 1954 г.

Весной 57-го студенческий спектакль по пьесе Исидора Штока «Гостиница «Астория»» был наконец сдан и принят строгими экзаменаторами, а осенью Володя увел Изу с Трифоновки на Первую Мещанскую. Маме и ее тогдашнему возлюбленному Жоре сказал просто: «Познакомьтесь, это моя жена». *«Получилось как-то*

все очень естественно и просто, – вспоминала Иза Константиновна. – *Без этих вопросов: почему, да не рано ли и зачем это надо...*» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2006). А может быть, просто маме было не до того? Не берусь судить.

Молодым по договоренности с соседями – Яковлевыми – отдали общую комнату в коммуналке, именуемую столовой. «Стало немножечко тяжелее принимать знакомых, друзей, а там без этого не проходило ни дня...» (М. Рыбьянов. Л. Штурман: «Я вырос в одной коммуналке с Высоцким, а знаменитый герой его песни Мишка Шифман – муж моей сестры» // Комсомольская правда. 14 декабря 1996). Комнатка эта была проходная, на ночь приходилось ставить ширмочку...

Володя с Изой взалхлеб зачитывались супермодными в ту пору романами властителей дум – Ремарка и Хемингуэя. Встречались с друзьями, посещали модные выставки, вечера поэзии. (Кстати, то был еще и год первого Международного фестиваля молодежи и студентов, умы будущих актеров будоражила неделя французского кино... В конце концов, первый киновизит на свою «историческую родину», в Россию, Марины Влади в роли «Колдуньи»...). «Володя, – вспоминала Иза, – просыпался и сразу включался в жизнь. Он знал, чего хочет, любил всех людей. Любил общаться с детьми, со стариками – с кем угодно. Жизнь во всех проявлениях была для него чрезвычайно интересна...».

Но, «*в основном, была проза, а стихи были реже...*». И вскоре семейные отношения подверглись первому испытанию на прочность. В 1958 году Иза, получив диплом, очутилась по распределению в Киеве, в Театре русской драмы имени Леси Украинки. В столичные театры ей пробиться было трудновато.

А до этого она повезла своего нового мужа на смотрины к родителям в Горький. Иза дала телеграмму, но на вокзале их никто не встретил. Владимир помчался искать такси, но в этот момент появилась Изина мама и сестра Наташа. Мама окинула взглядом нового родственника: «Этот клоун не твой ли муж?» Ее насторожил буклистый пиджачок, таких в Горьком еще не носили.

Хотя, в общем-то, отношения с родными Изы сложились неплохо. Бабушку и вовсе пленил тем, что однажды за чаем уничтожил целую пол-литровую банку земляничного варенья. Жить ему у Мешковых было негде, и Высоцкий снял каюту на дебаркадере. «*У нас в доме, – оправдывалась Иза, – негде было раскладушку поставить – да и самой раскладушки не было...*» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!»...).

«Он был балагур, – вспоминала Изина школьная подружка Фаина Масунова, – сплошь – шутки-прибаутки, какое-то бесшабашное веселье... Бренчал на гитаре, пел, но не свое, а что-то популярное в студенческой среде, смешное и философское тоже. В общем, веселил нас, был «своим парнем». Мы гуляли по набережной, любовались видами Волги... Они часто ходили в театр, поскольку студентам театральных училищ разрешалось бесплатно посещать спектакли...» (В. Родин. Ф. Масунова: «Он запомнился мне балагуром» // Нижегородская правда. № 30. 18 марта 2003).

Летом следующего года чета молодых актеров вновь приехала в Горький. Не только погостить у родных, но и подзаработать на съемках фильма «Фома Гордеев». Жора Епифанцев, однокурсник Высоцкого, снимавшийся в главной роли, соблазнил: поехали! Впрочем, Владимир и Иза были заняты лишь в массовке, поэтому много времени проводили на Волге, купались, дурачились. Когда съемки закончились, гурьбой – Епифанцев, Иза, Высоцкий, Фаина и еще кто-то из киногруппы – отправились в местный ресторан «Москва». Масунова рассказывала: «Тогда Высоцкий показался мне более озабоченным. Он, конечно же, был внимательным и галантным с нами, дамами, но чувствовалось, что деловой разговор с Епифанцевым и тем, другим мужчиной занимает его больше, чем наше общество...» (там же).

Но вернемся на Украину. Жить в Киеве дебютантке, естественно, было негде. Дирекция пристроила новенькую традиционно – в свободной комнатухе (то ли бывшей гримерке, то ли обустроенной кладовке) непосредственно в помещении театра.

В подобных же условиях (вернее, вовсе без оных) по соседству обретался еще один начинающий член труппы Паша Луспекаев – будущий знаменитый таможенник Верещагин из «Белого солнца пустыни». В один из своих приездов к молодой жене еще более юный и пылкий Высоцкий едва не подрался с темпераментным Луспекаевым (гремучая смесь кровушки мамы-хохлушки и отца-армянина), когда тот, изрядно «заложив» от скуки, одиночества и неопределенности, стал ломиться в двери к симпатичной рыжеволосой соседке, ласково называя ее то «киской», то «рыбкой». Словом, ситуация анекдотическая. То есть нет, с точностью наоборот. Или, как в будущей песне Высоцкого:

Потом, я помню, бил друзей твоих,
Мне с ними было как-то неприятно,
Хотя, быть может, были среди них

Наверняка отличные ребята....

Знакомство Владимира Высоцкого и Павла Луспекаева началось с анекдотической ситуации. Володя приревновал Изу к Павлу

Примерно таковым было нечаянное знакомство Высоцкого с Луспекаевым, переросшее затем в крепкую дружбу.

Как рассказывает Иза Высоцкая, рядом с ее «жилплощадью» был кабинет заведующего группой, в которой имелся телефон. И молодые люди, само собой, вели ночами длинные и нежные разговоры. Нина Максимовна Высоцкая вспоминает, что в их коммуналке телефон находился в прихожей, и сыну при долгих

междугородних переговорах приходилось накрываться подушкой, дабы не потревожить Яковлевых. Может быть, с тех самых лет Высоцкий питал особо трепетные чувства к безымянным телефонисткам междугородней связи – 07?

Как приняли ее в театре? По-разному. Актриса Александра Захаровна Смолярова сегодня с трудом припоминает «угловатую девчушку с острым носиком», которая «ничем особенным никого не сразила». Тогдашняя прима Мальвина Швидлер утверждает, что Жукова была «совсем не пижонкой, не высокомерной и в то же время, держась особняком, никогда не вникала ни в какие театральные дразги, сплетни». К этой характеристике Изабелла Павлова добавляла: «Несомненно, очень талантливый человек». В памяти нынешнего хранителя театрального музея Сергея Ивановича Филимонова отложилось, что Иза каждый день приходила на репетиции с новой прической и режиссеры всякий раз встречали молодую актрису ехидным вопросом: «Какой же прической вы нас сегодня порадуете?» (см. Н. Влащенко. Ушла. Очень жаль... // www.kulichki.com/vv/ovys).

Говорят, стремясь «к воссоединению семьи», Высоцкий попытался устроиться в киевскую труппу. В свой первый визит в Киев, после прослушивания у директора театра Виктора Мягкого Иза робко заикнулась: «Я не одна. Послушайте моего мужа – артиста Владимира Высоцкого, он там на порошке сидит...». На что раздался грозный директорский рык: «Какой еще муж?! Какой еще Высоцкий?! Скажи спасибо, что мы тебя взяли!» Наблюдательной Мальвине Зиновьевне Швидлер отчетливо запомнился муж Изы: «Небольшого роста, с румянцем со всю щеку, совершенно незаметный... Но уже тогда можно было догадаться, что это не такой простой мальчик, как могло показаться на первый взгляд: не было в нем зависимости, улыбочек, этакого актерского желания понравиться» (там же). В общем, не сложилась киевская карьера Высоцкого, и слава богу.

Киевлянка Наталья Мельниченко, тесно дружившая с двоюродной сестрой Владимира Ирэн Высоцкой, утверждала: *«Девушек у него было много: парень видный, бойкий, веселый, остроумиями так и сыпал, великолепный рассказчик, анекдотов знал несчетное количество...»* (И. Осипчук. И. Высоцкая: «Магнитофонные записи Володиных песен делались в нашем доме» // Факты и комментарии. 28 января 2006).

В 1960-м, когда Владимир уже заканчивал училище, молодые люди решили в конце концов узаконить свои отношения. Тем более что к тому времени Изе удалось в конце концов расторгнуть с помощью влиятельной Володиной бабушки (лучший косметолог Киева!) свой предыдущий брак с таллинским наземным

авиатором и возвратиться из «киевской ссылки» в Москву. В книге регистраций напротив записи об увольнении актрисы Изольды Жуковой из Театра имени Леси Украинки рукой заведующего труппой было приписано: «Ушла. Очень жаль...» (там же).

С собой из Киева Изольда привезла чемодан писем от Высоцкого. Он писал ей чуть ли не каждый день (а в памяти почему-то возникают написанные им позже поэтические строки: *«Не пиши мне про любовь, не поверю я...»*). Или такие: *«Я сжал письмо, как голову змеи. Сквозь пальцы просочился яд измены»*).

На 25 апреля 1960 года была назначена официальная церемония бракосочетания. Поначалу Иза с Володей собирались отметить это событие более чем скромно, тихо: пригласить самых близких друзей – Свидерского, Яловича и Акимова – посидеть в ресторане. По другой версии, был и иной вариант – «домашний». Отпраздновать опять-таки впятером, но в другом составе: молодожены, Володины родители и жена Семена Владимировича Евгения Степановна Лихалатова. Потом решили воспользоваться гостеприимством Акимова. Нина Максимовна даже сходила туда и вымела из-под мебели два ведра окурков и фантиков.

Выросшей и воспитанной на Востоке Евгении Степановне подобные сумасбродные идеи будущих молодоженов показались полным бредом, вопиющим нарушением традиций, едва ли не кощунством. Она тотчас принялась названивать мужу в Питер, где в Академии связи постигал премудрости армейских наук Семен Владимирович. Высоцкий-старший с мнением жены, разумеется, тотчас согласился, сказав, что молодежь в этой жизни ни черта не смыслит, ветер в их головах гуляет, и повелел провести свадьбу как следует, с размахом, то бишь по-нашему, по-настоящему, а то будет как-то не по-людски... Места мало? Соберем гостей в их более просторной квартире на Большом Каретном. Все хозяйственные хлопоты взяла на себя Евгения Степановна.

Следуя существующим традициям, жених в канун свадьбы созвал мальчишник в своем излюбленном кафе «Артистическое» (в их кругу именуемом на французский манер – «Артисток»). А куда же еще, как не в «Артистик», податься бедному студенту театрального вуза?!

Когда вечеринка затянулась не на шутку, разгневанная невеста явилась в кафе. Подгулявший жених ей честно признался, что «пригласил всех!». На трезвый и резонный Изин вопрос: «Кого «всех»?» – последовал маловразумительный ответ: «А я не помню, я всех приглашал...».

Словом, на свадьбе гуляли действительно все: два курса – и Володин, и Изин, друзья, родственники, соседи. Вот только

родители невесты на торжество не пожаловали. Но и без них двухкомнатная квартира Семена Владимировича оказалась тесноватой. Гостям пришлось располагаться даже на подоконниках. Было весело, шумно, бесшабашно. Само собой, много пели и плясали. Невеста была в сногшибательном платье, приобретенном на улице Горького, в магазине «Наташа» – в палевых розах, очень пышное. Материал назывался перлон, такого сейчас нет. Туфли, естественно, были без каблуков, бледно-лимонные... Жених был просто в рубашечке, хотя накануне они купили ему костюм. Колец тоже не было. Все, что мы зарабатывали, объясняла Иза, уходило на поездки друг к другу. *«Нам бабушка Володина дала три тысячи, – делилась семейными тайнами невеста, – большие деньги по тем временам, и написала: купите Изе шубу. А я купила не шубу, а все, что не надо: вошла в магазин – и глаза разбежались...».*

Иза и Володя в парке Сокольники. 1957 г.

«Наша с Волчонком свадьба – отдельная история, – с удовольствием вспоминает Иза Константиновна. – У нас не было ни колец, ни фаты, в руках я держала подснежники... В Рижском загсе, где нас расписывали, вместо марша Мендельсона звучала музыка из фильма «Укротительница тигров». Хохотали все. От смеха я дважды роняла цветы...» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе...»).

Самым оригинальным подарком молодоженам стал... громадный дог, которого церемонно преподнес друзьям по студии шутник Гена Ялович. Гостям (в отличие от жениха и невесты)

подарок жутко понравился, все хохотали и норовили погладить страшилище по короткой шерстке, а кое-кто, шутки ради, против... (Спустя пару дней Владимир позвонил дарителю и взмолился: «Что мне с ним делать?! Слушай, заведи его к черту!» Пришлось Яловичу забрать пса). Друзья, кстати, говорили, что Высоцкий, в общем-то, любил животных, но... на расстоянии.

Свадьба в самом деле удалась на славу. Гуляли до утра. Часа в четыре, «весенней гулкой ранью», законные супруги вместе с Ниной Максимовной возвращались к себе домой, на 1-ю Мещанскую. Там Высоцкий взгромоздился на подоконник и стал зазывать каких-то работяг отметить «лишение его свободы»...

А затем настали «суровые будни»...

Сегодня Иза наделяет бывшего мужа всевозможными добродетелями: «Выйдя за Володю замуж, я попала в совершенно необыкновенную атмосферу. Он был как-то ближе к своему отцу. У Семена Владимировича тогда уже была другая семья. Его вторая жена Евгения Степановна – армянка, и у них были сильны традиции гостеприимства. Постоянно большие компании, совершенно удивительные застолья с восточными блюдами, теплое, заинтересованное отношение к людям. И Володя вырос таким ласковым, великодушным... Нельзя было не любить – за доброту, нежность какую-то к людям. Мои мама и бабушка тоже были в него просто влюблены...» (В. Сергеева. И. Высоцкая: «Володю было невозможно не любить» // Труд-7. № 115. 26 июня 2003).

Поначалу супруг-выпускник попытался самостоятельно устроить дальнейшую карьеру жены. Его приглашали в Театр имени Маяковского. Он ставил условие: только с женой. Но, как признает Иза Константиновна, «по своему амплуа я не подходила для него» (А. Соколов. И. Высоцкая: «Высоцкий начинался так» // Социалистическая индустрия. 31 марта 1988). Может быть. На вариант работать в разных театрах Высоцкий не соглашался. Попробовал договориться с Борисом Равенских, который только-только возглавил Театр имени Пушкина и активно зывал Высоцкого к себе, суля златые горы.

О начинающем актере новому главному режиссеру уже все уши прожужжала Светлана Аннапольская, которой было поручено обновить труппу «Пушкинского»: «Он не был похож ни на кого. Он был очень богатый внутренне парень... Он действительно поразил меня как актер...» (М. Филимонов. Бабушка Высоцкого была моложе его родителей // Экспресс-газета. 24 сентября 2002). Когда они познакомились ближе, оказалось, что Светлана близко знала семью Высоцких – ее отец работал главным виноделом на заводе «Узбеквино», а дед Высоцкого работал там

юрисконсультом. Знала она и Семена Владимировича.

Словом, сосватала Аннапольская Высоцкого в театр к Равенскому.

А вот Иза на просмотре умудрилась поскандалить с придиричивым главным режиссером. И, естественно, получила отказ.

Помимо профессиональных неудач у Изы стали возникать проблемы и на личном фронте. Дико мучила ревность к Володиным друзьям. Раздражала иезуитская манера мужа по вечерам звонить от кого-нибудь из приятелей и говорить: «Я еду». Потом перезванивать минут через пятнадцать и сообщать: «Я уже выезжаю». Проходило еще какое-то время, и раздавался очередной звонок: «Я уже еду». И так он мог «ехать» часами. Черт знает что!

Тогда Иза пустилась на элементарную женскую хитрость. По ее просьбе на вечерний телефонный звонок Володи отзывалась соседка – Гися Моисеевна Яковлева (да-да, та самая – из «Баллады о детстве». – Ю.С.) – и невинным голосом говорила, что Изочки нет, она, дескать, оделась «как экспонат» и ушла. «А куда, Володечка, мне неизвестно». Тогда ревнивец обзванивал всех подруг Изы, немедленно мчался домой и, конечно же, заставал жену, устроившуюся на диване с книжкой в руках (см. И. Высоцкая. Молодые годы Владимира Высоцкого // Звезда. 2 октября 1987).

Она не отрицает, что они частенько ссорились. Наговорив друг другу благоглупостей, Иза обычно выскакивала на улицу и ловила такси: «Прямо, пожалуйста!» При этом знала, что муж едет следом. Потом такси Владимира обгоняло беглянку и становилось поперек. Машина останавливалась. Ревнивец вытаскивал Изу из такси, что-то объяснял шоферу, расплачивался и вез жену назад. Однажды в Изину машину ввалился какой-то парень и уселся прямо ей на колени. Высоцкий вытащил парня, пару раз хрястнул его дверцей по голове и аккуратно положил рядом с автомобилем. А однажды Владимир так увлекся слежкой за ветреной супругой, которая прогуливалась с подружкой, что им самим заинтересовался милиционер и задержал его. Пришлось выручать...

Однажды Владимир так увлекся слезкой за Изой, что им заинтересовался милиционер и задержал его

Хватало и других проблем. Он не был ангелом. Однажды, вспоминала молодая жена, мне принесли его «бревнышком, а наутро, поднявшись, он попросил: «Изуль, дай шампанского». Не помню уж, какие пламенные монологи произносила. Он слушал-слушал, а потом сказал: «Изуля, ну ладно, только не сутулься». «Для него самое главное – распусти волосики, возьми кофточку и

не сутулься, – говорила Иза. – Кофточку он мне подарил из американской посылки (кто-то получил), ни у кого такой не было – пуховая сиреневая кофточка. И вот жара не жара, а Володя за свое: «Возьми кофточку». И волосы надо обязательно распустить...» (М. Райкина. Странная женщина Владимира Высоцкого // Московский комсомолец...). Аукнулась потом эта «кофточка» в стихотворных строках: *«Потому что я куплю тебе кофточку, потому что я люблю тебя, глупая...»*.

С деньгами, само собой, было не ахти. *«Женщина не должна занимать деньги. Пусть Володя попросит у меня, и я дам»*, запомнились молодой жене слова соседки Гиси Моисеевны. Она поплакалась в жилетку мужу: *«Володя, нет денег»*. Жилетки, впрочем, тоже не было. Но он кротко сказал: *«Ничего, Изуля, добудем»*. *«Как он добывал, меня это не очень интересовало, – признавалась она. – Вот какой он был муж? Он меня даже к портнихе возил. Помню, привез отрез – серебряный, под березку. А пальто кораллового цвета с начесом... Сам одел, сам обул, сам причесал...»* (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

В то же время Иза с горечью признает, что «в семье не все было в порядке. Мы не могли... быть втроем – я, Володя и Нина Максимовна. В то же время я не имела права уехать, хотя это не значит, что мы тогда бы не расстались. Наверное, расстались бы. Но я со своим горем носилась, жалела себя. А ему-то каково было? За что он-то брошенный? Вот это было мерзко и подло, но я тогда этого не понимала...» (Л. Рубина. Известная жена известного поэта // Семь Я. № 4 (216). 25–31 января 2005). Она по сей день не может простить бывшей свекрови, которая встала на дыбы, узнав о том, что Изольда забеременела: *«Я не собираюсь становиться бабушкой!»* Был страшный скандал, после которого у Изы случился выкидыш. Бывшая свекровь извинится много лет спустя, когда Иза тоже станет бывшей женой.

Она вспоминала грустную осень 60-го года: *«Сплошные огорчения. Мы пытались что-то сыграть с Володей, но у нас ничего не получилось, как не получалось танцевать или быть на людях рядом... Начались мои безработные муки. Володя маялся. Он получил обещанную ему центральную роль в «Свиных хвостиках», верил, что сыграет, фантазировал, но ему не дали даже репетиций. В конце концов ходил Володя из кулисы в кулису с барабаном в массовке. Позже сыграл Лешего в «Аленьком цветочке». Вот, пожалуй, и все. Было горько. Мы так наивно верили в святое искусство...»* (И. Высоцкая. Короткое счастье на всю жизнь).

Спустя год, весной 61-го, безработная, никому не нужная, обиженная на весь белый свет, непризнанная и разнесчастная

Изольда Высоцкая отправилась из столицы искать свое актерское и житейское счастье в далекую провинцию – ростовский Театр имени Ленинского комсомола. Было ли это лучшим выходом? Для нее, видимо, да.

Как считала Аннапольская, в Театре имени Пушкина у Высоцкого сразу не заладилось. Сплелось все разом. С одной стороны, семейные проблемы. С другой, отношения с режиссером не складывались. «Володя начал сильно пить, – признавала Аннапольская. – И в этом в какой-то мере был виноват Борис Равенских... Он тоже почувствовал, какой у Володи большой потенциал. И сразу дал ему главную роль в чешской комедии «Свиные хвостики». Володя начал репетировать. Ну, не может все сразу получаться у молодого актера! А тут кто-то сказал, что на эту роль в Свердловске есть хороший комедийный актер Раутбарт... Равенских вызвал его, снял Высоцкого с роли и отдал ее Раутбарту. Мало того – он назначил Володю в массовку в том же спектакле. Высоцкий должен был играть в оркестре на огромном барабане. На премьере он напился. И, проходя по сцене, упал в оркестровую яму. Слава богу, музыканты подняли руки и удержали его. После этого Высоцкий называл Равенских не иначе как «фюрером»...» (М. Филимонов. Бабушка Высоцкого было моложе его родителей...).

Владимир пытался как-то склеить рушащиеся брачные узы: то прилетал, то приезжал в Ростов-на-Дону (однажды даже на крыше вагона). И один, и с друзьями. Пел, шутил, балагурил, очаровывая окружающих. Всех поражал своей щедростью. *«У него все – на раздачу, – сокрушалась жена. – Мы как-то с Ниной Максимовной купили ему дюжину рубашек, все было моментально роздано. Он уезжал в новой, а приезжал в чьей-то старой...»* (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

«Володя, – рассказывала Иза, – всерьез строил планы театрального завоевания этого города. Помню его письмо: «Все телевидение будет наше!» Он собирался работать в нашем театре, и главный режиссер Лейкома Константин Христофорович Шахбазиди что-то, по-моему, предусмотрел для Володи при распределении ролей на спектакль «Красные дьяволята» (см. О Владимире Высоцком. М., 1995).

Перекрестимся, что все эти планы так и остались прожектами. Иначе кто знает, говорили ли бы мы сейчас о Высоцком как о Высоцком?

Итак, что, «любовная лодка разбилась о быт»? А может быть (и даже наверняка), были и другие причины. Как с той, так и с другой стороны. К чему теперь судить, *«по чьей вине, по чьей вине»?*

Сама того не желая, Иза (так и оставшаяся Высоцкой) своими воспоминаниями о супружеских днях выдает себя с головой: «... Трудно себе представить, какой это был кошмар – первые Володины шаги в постижении игры на гитаре. Часами он мог сидеть, выбивая всего лишь ритм, и заунывно тянуть одну и ту же цыганскую песню, где были такие «бессмертные» слова: «Ны-ны-ны, есть ведро, в нем нет воды, значит, нам не миновать беды» Это была в ту пору его песня-конек, которую кто-то показал ему, как надо исполнять. Только когда по ночам зудело его бесконечно «ны-ны-ны», мне на самом деле начинало казаться, что беды какой-то точно не избежать...».

Володя и Иза дома. Фото 1958 г.

«Он... мучил меня своим бреньканьем. Песням, которые он тогда сочинял, я не придавала никакого значения и время от времени злилась, что гитаре достается больше внимания, чем мне...» (там же).

Правда, она (на всякий случай) добавляла: «...Я, как примерная супруга, приносила ему кофе и старалась не мешать его упражнениям...» (см. М. Захарчук «Босая душа...»). Иза простодушно признавалась: «Я не придавала никакого значения этим песням, они для меня были каким-то терзанием. Куда мы ни приходили, начинались эти песни. Причем, люди их слышали впервые, а я их слышала в сто первый раз. По-моему, иногда даже поднимала бунт... Мне казалось – нельзя заниматься никакими песнями! Надо заниматься только женой! В те годы мне так

казалось...» (см. Живая жизнь. М., Московский рабочий, 1988).

«Ошибка вышла, вот о чем молчит наука...», так?

Плюс ко всему всевидящие «доброхоты» не дремали. Оперативно донесли Изе в Ростов «все-все-все» про Ленинград, про съемки «713-го...» и про Люсю Абрамову, естественно, тоже.

«Моя московская подруга, – печально вспоминает Изольда, – сообщила мне, что некая Люся Абрамова беременна от Высоцкого. Я немедленно позвонила ему, а он мне наврал. Сказал, что свято хранит верность...» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2004).

Словом, в расстроенных чувствах Иза, тотчас *«собрал вещички и закрыв кавычки»*, укатила из Ростова в другой, не менее «крупный российский театральный центр» – Пермь.

Это теперь на вопрос о причинах расставания с Высоцким Иза Константиновна кротко отвечает: «Честно говоря, я и сама не знаю. Нет конкретной причины. Расстались, и все. Наверное, это судьба: встретились, какое-то время побыли вместе и пошли дальше, в другую жизнь...» (см. Е. Красикова. Иза Высоцкая – жена, мать, актриса // Сегодня. № 185. 23 сентября 1998).

Некоторые свидетели утверждали, что спустя десяток лет в своей скороспелой и явно неудачливой женитьбе Высоцкий винил прежде всего свою мать, которая, даже не успев толком разглядеть Изу, тут же стала уговаривать своего непутевого сына наконец остепениться и жениться на такой славной девушке.

Возможно.

Хотя, на мой взгляд, юноша женился от одиночества и нетерпеливого желания поскорее стать наконец совсем самостоятельным, взрослым, избавиться от прилипчивого дружеского, но обидного прозвища Шванц («хвостик» – по-немецки). Тем более перед глазами были уже примеры душевного и прочего благополучия окольцованных друзей с Большого Каретного.

Напомню, роман Высоцкого и Изы стартовал в 57-м. Спустя десяток лет, весной 1967 года, из-под пера поэта появились строки:

...Я женился с завидной поспешностью,
Как когда-то на бабушке дедушка.
Оказалось со всей достоверностью,
Что была она вовсе не девушка...

Да нет, ни в коем случае я не провожу никаких узнаваемых параллелей, аналогий, ей-богу. Но ведь такие грустные строки все

же выплеснулись на бумагу. И их уже не вымарашь...

Дальнейшая судьба Изы Константиновны в профессиональном смысле сложилась вроде бы удачно. Все-таки до звания «заслуженный артист» ее бывший супруг Высоцкий так и не дослужился, а вот ей удалось! Для этого, правда, пришлось изрядно помотаться по провинциальным театрам. Чтобы разыскать Изу и развестись с ней для официального оформления будущего брака с Людмилой Абрамовой, Высоцкому пришлось приложить немало усилий. Впрочем, Иза в затянувшейся процедуре развода винит Владимира: «Я не могла там (в Перми. – Ю.С.) даже прописаться, потому что нам с Володией никак не удавалось оформить развод – он все время терял документы... Мы с ним встречались, общались, но не получалось добратся до загса. И только в один из приездов мы, как лучшие друзья, взявшись за руки, сходили и развелись...» (В. Сергеева. И. Высоцкая: «Володю было невозможно не любить» // Труд-7. № 115. 26 июня 2003).

Позже Иза вышла замуж, родила сына и окончательно бросила якорь в нижнетагильской труппе.

В Москве бывшие супруги при случае встречались. В основном, дома у Изиной студенческой подруги Карины Диодоровой. Порой Высоцкий приглашал Изу на свои выступления. В августе 1970 года, когда Владимир Семенович был уже известен и, по ее понятиям, всесилен, Иза обратилась к нему за помощью в решении каких-то актерских проблем своего нового спутника жизни (впрочем, эта ее просьба Высоцкого несколько ошарашила и очень расстроила).

С плохо скрываемой ревностью Изольда Константиновна как-то обмолвилась: «Когда мы расстались, у меня было такое ощущение, что его женщины должны быть очень счастливы. Потому что у него был дар – дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно. То есть обычный будничный день не мог пройти просто так, обязательно должно было что-нибудь случиться. Вот даже такое: он не мог прийти домой, чего-нибудь не принеся. Это мог быть воздушный шарик, одна мандаринина, одна конфета какая-нибудь – ну, что-нибудь! – ерунда, глупость, но что-то должно быть такое. И это делало день действительно праздничным. И потом, он тоже умел всякие бытовые мелочи: выстиранную рубашку, жареную картошку, стакан чаю – любую мелочь принимать как подарок. От этого хотелось делать еще и еще. Это было приятно...» (И. Высоцкая. Молодые годы Владимира Высоцкого // Звезда. 2 октября 1987).

После развода с Высоцким Иза выйдет замуж и родит сына.
Фото 1970 г.

Словом, ни единой строкой он не лгал в своих стихах:
«Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной...».

В последний раз они встретились в 1976 году. Иза приехала в Москву. Владимир Семенович предложил: *«Пойдешь на «Гамлета»?»* Друзья стали Изу отговаривать: *«Куда ты пойдешь?! Он на «мерседесе», а ты в таком виде в калашный ряд. Видок у нее в тот день впрямь был непрезентабельный: свитер-самовяз, брюки за*

пять рублей, туфли невозможные. Но она не комплексовала. Высоцкий выскочил из машины, потащил к служебному входу. Вокруг толпа: «Володя! Высоцкий! Владимир Семенович!» Он пристроил ее у вахтерши: «Посиди, сейчас билет принесу». Это был утренний «Гамлет», потом три концерта в Коломне. В перерывах между ними съедает кусок колбасы, глоток кофе и поет за кулисами то, что не может петь со сцены. После едет поздравлять Ахмадулину...».

Иза Константиновна очень трогательно вспоминает, как они пробивались сквозь толпу в грим-уборную, где уже были... приготовлены бутерброды, чай, кофе, пирожные: «Торопят с началом. «Какие, Владимир Семенович, просьбы?» – «Только одна. Устройте Изу поудобнее». На меня смотрят подозрительно и озабоченно и уводят в переполненный зал. С грехом пополам усаживают в центре дополнительного ряда прямо перед сценой. Володя выходит, я оказываюсь у него в ногах, запрокидываю голову, чтобы видеть его, и растворяюсь в общем порыве любви. Перерыв между концертами минут десять, не больше. Мы снова одни. По просьбе Володи к нам никого не пускают. Володя кормит меня, сам съедает несколько ломтиков колбасы, прихлебывает кофе и поет мне... Второй и третий концерты я слушаю за кулисами, где мне поставили стул. Володя поет другие песни, почти не повторяясь, и ставит микрофон так, чтобы мне было лучше видно. – «Тебе удобно?» Я плачу, не скрывая слез...» (И. Высоцкая. Короткое счастье на всю жизнь...).

Потом они встретились на дне рождения Семена Владимировича Высоцкого. Он приехал, как рассказывает Иза, в черном лайковом пиджаке. Она не удержалась, ехидно заметив: «Володька, ты как черный таракан». Он не обиделся: «Щас сниму». Предлагал ей деньги, она отказалась: ни в коем разе (там же).

Вот и вся история. «Я – бывшая жена, – с горечью говорила Иза Константиновна. – Вот уже жизнь подходит к концу. Ни мужей, ни мужчин давно уже нет. А Володя – это Володя. Если бы не было песен, ролей, а он был просто Володя, просто актер, он для меня все равно бы остался самым значительным из всего, что произошло в моей жизни» (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

Людмила Абрамова

Я любил и женщин, и проказы...

А они любили его. Я имею в виду женщин.

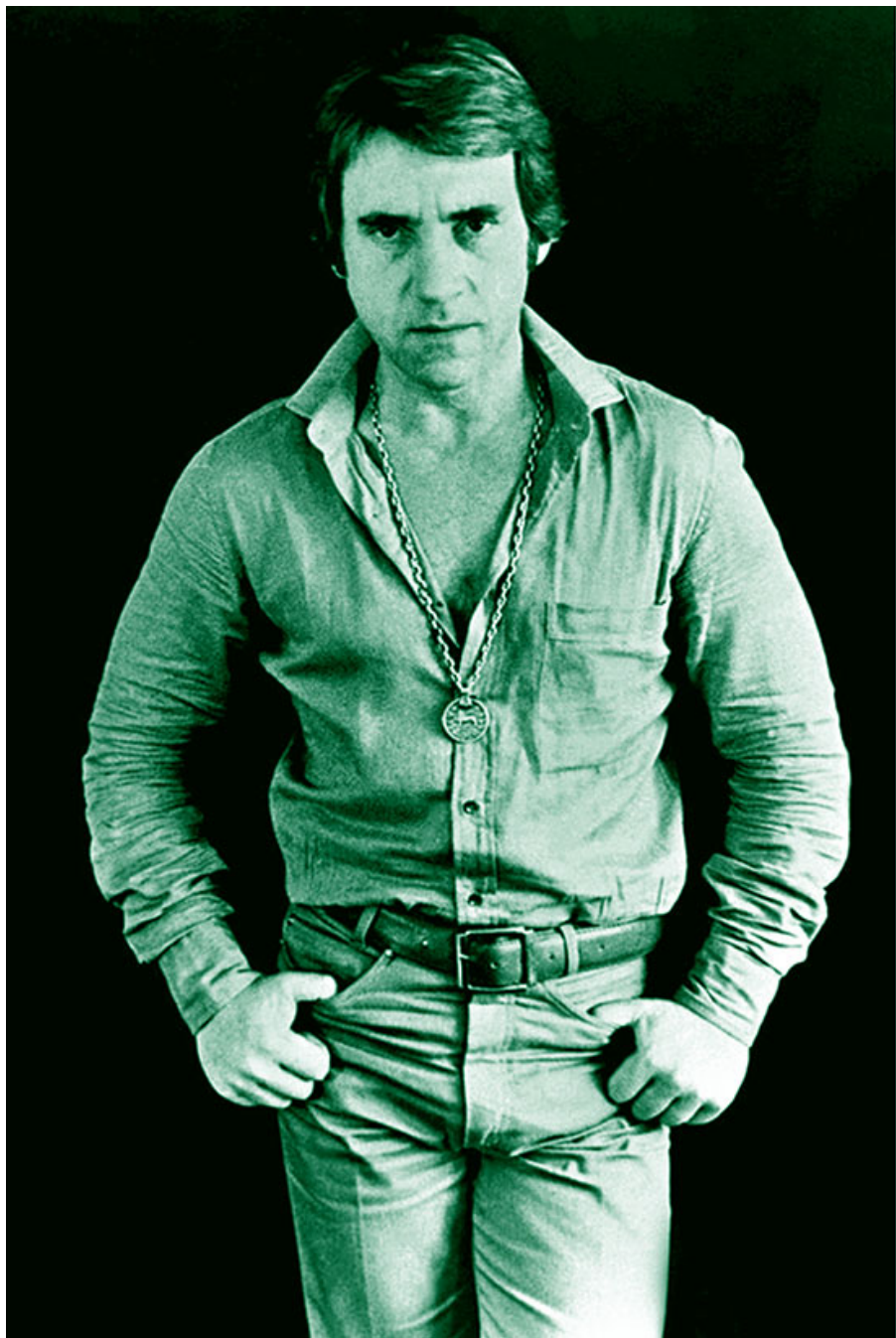
Это подтверждал неумолимый летописец Павел Леонидов: «У Володи за жизнь его было множество женщин. Он их любил, и они любили его...» (П. Леонидов «Владимир Высоцкий и другие. Средство от себя» // Красноярск. – 1992).

Сам Владимир Высоцкий на эту тему никогда не распространялся. И даже наоборот – стремился закрыть флигельный разговор сразу, щадя чувства возлюбленных и гася возможные поводы для ревности. Например, в письме из заснеженного весеннего Свердловска он писал Людмиле Абрамовой: «Завтра 8 Марта... Очень он (праздник. – Ю.С.) солидарный и охватывает всех баб на земле. А среди них не так уж много стоящих...» (В. Высоцкий. Собрание сочинений в семи томах. М.: Вельтон Б.Б.Е. – Т. 6. – 1994).

Ну, и в песнях порой каялся:

Когда в душе я раскрываю гранки
на тех местах, где искренность сама,
тогда мне в долг дают официантки
и женщины ласкают задарма...

Молодой Высоцкий был признанным королем любых компаний. Искрометно шутил, пел, дурачился, провозглашал красивые тосты, балагурил, изящно ухаживал за девушками, показывал фокусы, травил анекдоты и актерские байки, искусно пародировал речи вождей. Порой грустил и уходил глубоко в себя, не замечая вокруг никого. Но это – редко. Чаще – удержу ему не было...

Павел Леонидов: «У Володи за жизнь его было множество женщин. Он их любил, и они любили его...»

В 1961 году, случился молниеносный, как и многое другое в жизни Высоцкого, роман с Людмилой Абрамовой, будущей матерью двух его сыновей. История их знакомства и последующих

отношений достаточно хорошо известна, скажем так, из первых уст. Но все же позволю себе напомнить ее основные вехи.

Многоопытная Анна Давыдовна Тубеншляк, работавшая вторым режиссером лентфильмовской картины «713-й просит посадку», из Питера «десантировалась» в Москву в поисках будущих исполнителей. Просматривала картотеки на студиях, ходила по театрам. В Пушкинском обратила внимание на молодого актера: «У него было очень любопытное, неординарное лицо». Познакомились, обменялись координатами, условились о будущих пробах. Хотя тогдашний мэтр кино и театра Борис Чирков довольно скептически отнесся к ее выбору: смотри, Аня, натерпишься с ним, хотя парень и одаренный (см. Владимир Высоцкий в кино // М.: ВТПО «Киноцентр», 1989).

Но Анна Давыдовна была упряма и все же отстояла свой выбор. Не подвела – летом Высоцкий был вызван на пробы в Питер. А осенью – на съемки. Такое событие, естественно, друзья отметили дома у Гарика Кохановского. Аркадий Свидерский добыл для Володи денег на поездку. После застолья приятели отправились на Ленинградский вокзал провожать Володю в киноэкспедицию. На вокзале Михаил Туманишвили в окне вагона заметил красивую молодую женщину. Толкнул локтем приятеля: смотри! Стоявшая рядом Тубеншляк сообщила ребятам, что это тоже актриса, Люся Абрамова, будет сниматься в этом же фильме вместо отказавшейся от роли Нинели Мышковой. Миша взял да и ляпнул в шутку: «Ты смотри, Володя, чтобы эту девочку из Ленинграда обязательно привез!»

Впрочем, Люся, девушка гордая и независимая, к знакам внимания давно привыкшая, глаз поднять на подвыпившую компанию не пожелала. И в своих позднейших воспоминаниях зафиксировала: «Если верить тому, что Володя видел меня на вокзале в Москве и запомнил, – он-то знал... А я не знала» (Людмила Абрамова о Владимире Высоцком. Факты его биографии. М.: издательский центр «Россия молодая», 1991).

Как рассказывал Свидерский, дальнейшие события на вокзале развивались по стандартному сценарию. Кохановский рванул в вокзальный буфет за «посошком». Пока гонец отсутствовал, в купе травили анекдоты, появилась гитара. А Кохановский все задерживался неведомо где все дольше. Аркадий выглянул в коридор, вышел в тамбур, и тут проводница его «успокоила»: «Милочка, да мы уж полчаса как едем...».

В поезде Владимир с Люсей, к счастью, не встретились. Почему «к счастью»? Да потому, что известно, чем обычно заканчиваются купейные знакомства – по окончании путешествия возникает жгучее желание поскорее раз и навсегда распрощаться

с попутчиком. Или попутчицей. Хотя, возможно, в данном случае я и ошибаюсь, самонадеянно опираясь на собственный опыт...

Впервые увидев Люсю на съемочной площадке, режиссер-постановщик фильма Григорий Никулин сразу понял: это – то, что нужно! Он вспоминает: «Была необыкновенно красивой – с огромными, от переносицы до ушей, серо-голубыми глазами...» (Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 19).

Молодая, изящная, со сногшибательной внешностью, начинающая актриса, признанная «мисс ВГИК», мгновенно попала в поле зрения околокиношных ленинградских сердцеедов. Вокруг нее тотчас образовался круг «постоянных друзей-поклонников» – драматург Александр Володин (впоследствии нежно полюбивший песенное творчество Высоцкого), художник Гера Левкович, молодой питерский актер Карасев... Они понимали толк в женской красоте, были галантными, остроумными и... нищими.

11 сентября 1961 года, просадив последние деньги в «восточном» зале ресторана в «Европейской», кавалеры поздним вечером проводили свою московскую гостью на окраину города, до гостиницы «Выборгская», опаздывая на последний перед разводом невских мостов трамвай. У каждого оставалось как раз по три копейки на брата...

У входа в гостиницу Людмила увидела перед собой хорошо подвыпившего человека. «И пока я думала, как обойти его стороной, – он попросил у меня денег, чтобы уладить скандал в ресторане. У Володи была ссадина на голове, и, несмотря на холодный, дождливый ленинградский вечер, – он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь». Абрамова обратилась к администраторше гостиницы – та сварливо отказала, мол, дашь денег, а потом ищи-свищи. Обратилась к знакомым по киногруппе – все на бобах... У самого состоятельного актера Левика Круглого в кармане оказалась одна-единственная трешка... У Кости Худякова тоже. Тогда Люся решительно сняла со своего пальца золотой с аметистом перстень (бабушкин, фамильный!) и отдала страдальцу. Тот отнес перстень ресторанному мэтру, предупредив, что завтра непременно выкупит.

Люся удалилась к себе в номер на третий этаж, переполненная собственным благородством и чувством выполненного долга. А вскоре раздался стук в дверь, и в номер ввалился бывший потерпевший, вооруженный гитарой и бутылкой коньяка. «Сдача», – пояснил он.

«Потом Володя мне пел. И даже чужую песенку «Вышла я да ножкой топнула», которую Жаров в фильме «Путевка в жизнь» пел

как шутливую, он пел как трагическую, на последнем пределе. Еще секунда – и он умрет. Я видела гениальных актеров уже... Круг общения был такой, что я, еще ничего не зная о Володе, смогла понять: это что-то совершенно необыкновенное... Этот человек может немыслимое, непредсказуемое, запредельное...» (И. Руденко. Не приближаясь, стороной, идет по кромке... // Комсомольская правда. 15 января 1998).

Григорий Никулин: «Людмила была необыкновенно красивой – с огромными, от переносицы до ушей, серо-голубыми глазами...»

Далее «жертва ресторанного скандала» предложила своей спасительнице руку и сердце. И им не захотелось расставаться.

Она даже не думала спросить его, кто он такой и откуда. Когда утром они вместе вышли из гостиницы, оказалось, что им по пути. Приехали, подошли к проходной киностудии, одновременно достали пропуска. Он удивленно спросил, из какой она группы. Люся ответила – и Высоцкий остановился как вкопанный. У нее тоже был легкий шок...

Вечером Люсино кольцо было выкуплено и возвращено на изящный палец законной владелицы.

Вскоре в киногруппе их роман ни для кого не был секретом.

Они поселились в одном номере. В свободное время гуляли по городу. С аппетитом поглощали «кривые» пончики в ближайшей «Пончиковой». «Кривыми» местные кулинары окрестили некондиционные, продававшиеся за полцены. В другом заведении, классом повыше, защищая честь своей дамы сердца, Высоцкий буквально летал по ресторанному залу, расшвыривая ненавистных соперников. А восхищенные музыканты стояли на сцене и аплодировали. Победителю схватки был выставлен весьма приличный по тем годам обед.

«Люду он очень ревновал, – вспоминает Г. Никулин. – К любому. А выражалось все это в том, что он был жесток. Если он видел, что она не так на кого-то посмотрела или не то сказала... Володя был парень жестковатый, он мог ей и врезать» (см. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 19).

Некоторые дамы кинематографического Питера были убеждены, что как раз именно Григорий Никулин положил глаз на Люсю. *«В киногруппе думали, что у них роман, – делилась своими воспоминаниями Людмила Шагалова. – Когда я узнала, что у Люси роман с Володи́ей, я обалдела: «Что, она не могла себе найти кого-то попритичнее? Ну и видок у него! Настоящая шпана!»»* (см. В. Желтов. Как Высоцкий был американским морпехом // Смена. 25 января 2005). Шагалова помнит свою первую встречу с юным Высоцким: *«Как-то вечером мы собрались у него в номере. Что-то отмечали. Пили вино. Высоцкий не производил на меня никакого впечатления, вел себя как мальчишка... Чего нельзя было не отметить, так это его музыкальности. Володя пел какие-то песни, не свои, своих у него еще, по-моему, не было. Михаила Ножкина пел – «А на кладбище все спокойненько...». Но когда начинал петь, преображался. Однажды что-то запел на английском языке. Английский-то я немножко знаю, а тут ничего не разобрать, абракадабра какая-то! «Володь, признайся, это же не по-английски». Высоцкий рассмеялся: «Нет, конечно. Но правда ведь похоже?!» – «Очень»»*. Свое «знание языков» Высоцкий еще раз успешно использовал в дуэте с Шагаловой. В перерыве между съемками актеры полагалось обедать в ресторане в зале для для интуристов. Сунулись туда – не пускают! Владимир был в форме американского морячка, Шагалова в накидке из чернобурки. Они двинулись ко второму входу, при этом Володя что-то лопотал на своем «английском», а Людмила только поддакивала в ответ: «Йес!» Актеров усадили за столик, проявили максимум российского гостеприимства. Высоцкий, увидев рядом иностранцев, завелся: «Я им сейчас спою!» И спел свою абракадабру под Армстронга, потом начал что-то им говорить. Те только извинялись: «Сорри!». Но Высоцкий был доволен: «Теперь

они будут долго разбираться, что к чему!» (там же).

В те годы Людмила Александровна уже была заслуженной артисткой РСФСР, лауреатом Государственной премии. И ее, естественно, шокировал и даже оскорбил наивный вопрос Высоцкого: «А вы уже где-то снимались?» Это она-то! Едва сдерживаясь, Шагалова спокойно ответила: «Да, в «Молодой гвардии», например». «А я не видел эту картину. А кого вы там играли?» Для актрисы это была по меньшей мере дикость. Ей казалось, что не было в стране человека, который бы не видел на экране ее Валерию Борц. А вот Высоцкий не видел, ну что тут поделаешь?

В киногруппе паре Высоцкий – Абрамова покровительствовали. Выдающийся питерский актер Ефим Копелян, сдружившийся на съемках «713-го...» с Высоцким, проводил молодую пару на спектакли в БДТ. И из-за кулис они любовались «Скованными одной цепью». Консультант фильма – летчик Спартак Гриневич – несколько раз брал их с собой, когда летал из Ленинграда в Москву, пряча влюбленную парочку в кабине экипажа.

А потом Толян Утевский неожиданно-негаданно получил от друга телеграмму из Питера: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза». Люся долго пребывала в неведении, откуда как снег на голову в Ленинграде объявился некто Утевский, которого Володя представлял ей как своего старшего брата.

Хотя далеко не все шло гладко, без сбоев. Особенно когда Люся отсутствовала в Ленинграде. Тогда в гостиничном номере собирались друзья-приятели – неутомимые Игорь Пушкарев, актер Театра имени Пушкина Саша Стрельников, которые снимались тут же, на «Ленфильме», в так и не состоявшемся фильме «Самый первый», и, естественно, Высоцкий. Болтали, пели, пили... Одна из таких посиделок особенно запомнилась Пушкареву – «день открытия XXII съезда КПСС. Потому что накануне вечером я в милицию угодил...». Пушкареву нужно было задержаться на съемках. «Девочки, естественно, должны были подъехать». Словом, когда «самый первый» появился в номере, его ждала удручающая картина: «Сквозняк! Фрамуга открыта. На столе – принесенная из ресторана еда в железных тарелочках: сардельки, горошек, еще что-то. Водка. Володя сидит в кресле, глаз у него зеленый и стеклянный – он всегда становился таким, когда Володя сильно пьянел. Смотрит он этим стеклянным глазом на меня, не мигая. Я понял: спит! Сашка пытается забраться на кровать... Подхожу к столу, наливаю водяру в «станкам»... беру сардельку. Только начал пить – скрип

двери...». В общем, в номере появились администраторша и дежурная по этажу в сопровождении милиционеров. Пушкарева взяли под локотки и препроводили в участок. Оказалось, что в ожидании приятеля и дам Высоцкий и Стрельников несколько перестарались со спиртным. И, разобидевшись на запаздывающих, стали швырять в окошко «лишние» тарелки. Бросали метко – как раз «на головы беспечных...» горожан. Когда все разъяснилось, Пушкарева отпустили восвояси, тот вернулся в гостиницу.

Бракосочетание. 1965 г.

Свидетели И. Кохановский и Е. Щербинская

Закончилось все прозаически: «Высоцкий и Стрельников как ни в чем не бывало сидят за столом, водку разливают по стаканам. Володя оборачивается: «...Твою мать, где ты ходишь?! Мы тебя два с половиной часа ждали! Где ты ходишь, б...?!» Рассказываю, как дело было, а они мне не верят! После этого случая администрация долго не селила киношников в гостинице...» (см. В. Желтов. Владимир Высоцкий – ошибки молодости // Смена. 23 января 1998). Были, были, были... Действительно, ошибки.

Сообщая Люсе о своих первых песенных успехах, Высоцкий пишет ей из Свердловска: *«Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю так. Я считаюсь очень крупный специалист-песенник, во всех областях этого жанра: блатной, обыкновенный и Окуджавы. Идут пачками, мешают мыслить,*

учатся, переписывают, перенимают... Платные уроки сделали бы меня миллионером. Я стал бы богаче Шагаловой...» (письмо В. Высоцкого Л. Абрамовой 04 марта 1962). Почему Владимир приводит в качестве примера Шагалову, понятно. Незадолго до уральских гастролей Театра миниатюр юные супруги побывали в гостях у, как теперь уже удостоверился Высоцкий, действительно заслуженной артистки РСФСР, и ее квартира показалась им верхом зажиточности и благополучия...

* * *

После затянувшихся съемок в Москву Люся и Владимир возвращались уже вместе. Люсина двоюродная сестра – литератор и киносценарист Елена Щербиновская – рассказывала, как она пришла к ней на Беговую, в двухкомнатную квартирку, в которой обреталось сразу три поколения Абрамовых: бабушка с бабушкой, сестра бабушки Аллочка, мама и, собственно, любимая дочь. Отец Владимир Аркадьевич, работавший главным редактором издательства «Химия», чаще жил у своей тяжелобольной матери.

У Люси был выгороженный уголок – нечто вроде своей «комнаты», в которой Елена и познакомилась с Высоцким. «Он держался очень просто, одет был бедно: старенький свитер, простенький пиджачок. Он играл на гитаре и пел «Вагончик тронется...». Пел здорово – мурашки по коже! Общаться с ним оказалось сразу очень легко, так, словно давно уже мы знакомы. Я поняла, что этот человек очень дорог моей сестре, и это с первой же встречи определило мое к нему отношение... Говорил простым, отнюдь не литературным языком, казался немного грубоватым, чем поначалу шокировал нашу «профессорскую» семью» (см. Студенческий меридиан. № 12. 1989).

Впрочем, Елена Владимировна совершенно напрасно иронизировала над своими родственниками. Дед их действительно был профессором, известным специалистом в области энтомологии, заведовал лабораторией по защите растений от вредителей в институте в Луговой. Одновременно он слыл большим знатоком и поклонником восточной культуры, самостоятельно переводил с фарси. Его жена, то бишь Люсина бабушка Евгения Евгеньевна Абрамова (кстати, единственная из всей семьи сразу и безоговорочно принявшая и понявшая Владимира) занималась переводом стихов Киплинга, наизусть читала внукам запрещенного в ту пору Николая Гумилева...

Но в том, что приняли Высоцкого в семье Абрамовых, мягко говоря, прохладно, Щербиновская абсолютно права. Это

подтверждает и сама Людмила Владимировна: «Может быть, у них было какое-то тщеславие: я – студентка, снимаюсь в главной роли! Может быть, они ждали чего-нибудь необыкновенного... Человек высокого роста, в шикарном костюме придет с цветами и сделает препозицию насчет их дорогого дитяти...».

С другой стороны, Володина мать Нина Максимовна поначалу к появлению Людмилы отнеслась тоже весьма сдержанно. Хотя и признавала: «Действительно, она была красива». Но были и сдерживающие моменты – Володя ведь официально был все еще женат на Изе... (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

В «довысоцкой» биографии Люси, кстати, тоже имелся кое-какой супружеский опыт. Пережив стресс после пылкой девичьей влюбленности, она в 10-м классе ушла из дома, перешла учиться в вечернюю школу, стала подрабатывать кем-то там во МХАТе и сняла комнату. От одиночества и безысходности позволила влюбиться в себя сыну хозяйки квартиры. Тот был немного старше, непременным завсегдатаем богемных вечеринок, атмосфера которых и помогла вскружить голову романтической Люсе. В восемнадцать она вышла за него замуж. Впрочем, этот их союз продлился недолго. Спустя три года она оставила мужа – и ушла. Но разводиться оба не спешили, отметка в паспорте им не мешала – никто из них не собирался обременять себя новыми брачными узами. Так что в том, что Владимиру Семеновичу в будущем пришлось усыновлять своих собственных сыновей, не только его вина. Только в 62-м, когда Людмила уже ждала Аркашу, с Дальнего Востока после долгой путины в столице наконец объявился ее бывший муж и они быстро и спокойно развелись.

Людмила Владимировна никогда в своих интервью не называла имени этого человека. Не знаю, в силу каких причин. Между тем, он в 70-80-х годах был хорошо известен читателям журнала «Новый мир», либеральной «Литературной газеты» и других престижных изданий – Игорь Дуэль. Он много писал о море, проблемах рыболовецкого флота, в последние годы нашел неисчерпаемую, как нефтяная скважина, тему – топливно-энергетический комплекс. Работал в корпоративной газете небезызвестной компании «ЮКОС» «Нефтяная параллель».

В «довысоцкой» биографии Людмилы имелся кое-какой супружеский опыт

О своей личной жизни Игорь Ильич распространяться не любит. О знакомстве с Высоцким поминает мельком. Накануне развода их познакомила Люся. Они хмуро кивнули друг другу и больше никогда в жизни не встречались.

А народонаселения на Беговой все прибавлялось – через два года после Аркадия на свет появился еще один сын – Никита. В общем, условия жизни тут стали хуже, чем в общежитии. Потому молодые начали жить как бы на два дома – то в квартире Абрамовых, то у Нины Максимовны, получившей в конце концов отдельную квартиру в Черемушках, на улице Шверника (позже Телевидения). Осенью 65-го они окончательно переехали к ней, оформив, как требовалось, свои официальные отношения. Даже свадьба была. Нешумная, в общем-то, и не очень многочисленная. «Вышли из Театра Маяковского, где играли и репетировали

«Героя нашего времени», сели в три такси и... в узковатой комнате, – припоминал Вениамин Смехов, – сбив стол и тумбочки, отметили брачный союз... Человек двадцать было, и очень весело сидели. Сева Абдулов пел «Кавалергардов» Юлия Кима, Володя гордо сиял. Коля Губенко пел «Течет реченька», Володя громко восторгался. Пели вместе, острили, анекдотили, а потом – пел сам поэт, прикрыв глаза, с какой-то строчкой уходя в никуда, в туннель какой-то... Меня прошибла песня... «А счетчик щелкает...» (В. Смехов. Новосибирск, Академгородок, 17 января 1981).

«Было человек пятнадцать, – утверждал дружка со стороны жениха Игорь Кохановский. – Из театра только Коля Губенко. Он так исполнил «Течет речечка по песочечку», что потряс даже жениха...» (И. Кохановский. Летнее время // Московский комсомолец. 24 мая 1987). Можно вспомнить еще одну гостью – Галину Польских, Недавно она с горечью сожалела: «С кем хотелось бы общаться, тех уж нет в живых. Я дружила с семьей Высоцких, с Шукшиным. Первая (? – Ю.С.) жена Высоцкого – Люся была моей однокурсницей. Я была на их свадьбе...». Первый муж Галины кинорежиссер Фаик Гасанов «иногда приводил Володю к ним в дом: он записывал на бобины его первые песни...» (см. С. Новикова. Г. Польских: «Женщин обижать не рекомендуется!» // zamri.narod.ru/damal4). «Фаик не уставал повторять, что Володя гений» (Е. Ульченко. Г. Польских: «Актрисой меня сделала вахтерша» // Трибуна. 27 ноября 2004). Правда, этого мнения не разделяла бабушка Галины, которой казалось, что так, как Высоцкий, петь умеют все. Тем не менее семьями они дружили, не забывали о днях рождения детей. Галина Александровна с благодарностью вспоминает, как Люся всячески помогала ей, когда из-за рождения ребенка пришлось взять академотпуск. Но затем отношения Польских с Высоцким кончились с появлением на горизонте Марины Влади.

Да и Фаика в ее жизни не стало – он трагически погиб на съемках в Одессе. Потом у Галины Александровны случился роман с режиссером Александром Суриным. Правда, об этом она рассказывать не любит: барская атмосфера семьи директора «Мосфильма» ее угнетала, а особенно – «кремлевские пайки». Год выдержала – и ушла.

Людмилу Абрамову по-доброму вспоминает еще одна ее однокурсница Светлана Светличная: «Мы звали ее «мамой». Она была самая умная, очень красивая и очень терпимая... Она учила нас этикету, давала какие-то советы. Она знала, что мы голодные, приезжала к нам в общежитие с полной сумкой продуктов. Были в Москве такие калачи, и Люда любила их, и мы все...»

(www.kulichki.net/ovys/people).

Тогда, в середине 60-х, рассказывала Людмила Владимировна Абрамова, в их доме частенько бывали сблизившиеся на съемках фильма «Я родом из детства» друзья – сценарист Геннадий Шпаликов, режиссер Виктор Туров, захаживал писатель-фантаст Аркадий Стругацкий, ночевал бездомный актер Николай Губенко. Художник Борис Диодоров отчетливо помнит, что разносторонне одаренный Шпаликов для всех неожиданно тоже увлекся рисованием и даже сделал портрет Людмилы Абрамовой... (otblesk.com./vysotsky). Высоцкий с удовольствием общался и с Люсиными институтскими друзьями – Игорем Ясуловичем, Валерой Носиком, Женей Харитоновым... Курс у Люси был замечательный, особенно ребята с соседнего отделения – режиссерского.

Словом, двери для друзей были открыты. Но, как признавался сам поэт, *«как нас дома ни грей, не хватает всегда новых встреч нам и новых друзей...»*.

Гастролируя сибирско-азиатскими маршрутами с театром миниатюр Владимира Полякова, Высоцкий шлет клятвенную эпистолу жене (пока гражданской, правда), заверяя ее в своем безусловном благонравии: «Я – отшельник, послушник, монах. Нет! Просто я – отец Сергей. Пальца, правда, не отрубил – не из-за кого... Недавно принято было решение порадовать наших бабов 8-го марта капустником... Там есть такая песня:

Как хорошо ложиться одному –
Часа так в 2, в 12 по-московски,
И знать, что ты не должен никому,
Ни с кем и никого, как В. Высоцкий.

*(В. Высоцкий. Собрание сочинений в семи томах.
М.: Вельтон. Б.Б.Е., 1994. – Т.6.).*

«Семья, – считает Игорь Пушкарев, – не мешала ему продолжать вольную жизнь... Как мне говорили некоторые женщины, Володя был очень темпераментным мужчиной. Когда они с Люсей только начали жить вместе, он очень часто у знакомых ночевал...» (Л. Черняк. Владимир Высоцкий. Как все начиналось... // АиФ. Суперзвезды. № 02 (08). 20 января 2003).

Кадр из фильма «Я родом из детства»

Конечно, не только «*новых встреч и новых друзей*» не хватало в те годы Высоцкому. Не случайно же он признавался: «*Все нас из дому гонят дела, дела, дела...*». Катастрофически не хватало денег. Поэтому он хватался за любое предложение подзаработать. Ездил с концертными бригадами, соглашался на любую – даже самую малюсенькую роль. Карина Диодорова (тогда еще Филиппова) помнит, как он пытался вести где-то на стороне самодеятельный театральный кружок за какие-то жалкие гроши. Но долго не продержался – бросил...

В письмах к Люсе то и дело проскальзывают строки: «Завтра три спектакля. Гоним рубли – разоряем Мосэстраду...», «... Артисты все про деньги, и про налоги, и про кто сколько получит...», «Сегодня у меня 2 спектакля и 2 спектакля-концерта (есть у нас и такое). Читаю «Клопа» и тут же взмокший бегу в другой театр на «Хвостики» и так утром и вечером...», «... Пока моя ставка 16.50, а в месяц 130 р., т. к. договор аккордный и 20 % получу только в конце...», «Совсем нет денег. Гостиницу мне не оплачивают полностью, и я доплачиваю рупь с чем-то. Уже много набежало...», «Сегодня вышлю тебе 40 р., т. к. 35 Радомысла (театральный режиссер Радомысленский. – Ю.С.) выгрызает. Он думает, что мы тут миллионеры, и требует проценты...», «Вчера нам дали по 5 рублей квартирных...», «Пожалуйста, отдай маме мои 2 пары ботинок, пусть отдаст починить, а то ходить совсем не в чем. Пальто мне дает Толя, так что с этим все хорошо, а ботинок Толя не дает, у Толи нет ботинок, у него только пальто, и

это плохо!», «Деньги я передал, ты их, наверное, получила. Если мало, прости, больше нет...», «Почему, интересно, из Минска не шлют постановочных? А? Безденежье, лапа, это плохо, но это временно...» (там же).

Верный друг и «милый дедушка Левон Суреныч» Кочарян прилагает максимум изобретательности, чтобы пристроить своего юного горемычного друга в картины, где работал сам, или в фильмы своих друзей. Так Владимир оказался, например, на съемках фильма «Увольнение на берег». Мужская компания в киногруппе подобралась подходящая: сам Кочарян, естественно, Лева Прыгунов, Володя Трещалов, Игорь Пушкарев...

Кочуя из одной киноэкспедиции в другую, Высоцкий не забывает сообщать жене: «Я, лапа, ужасно положительный. Все спрашивают, что со мной, почему я серьезный. А я их не удостаиваю и пренебрегаю...» (Айзкраукле (Латвия), 18 июля 1964).

В другом, то ли шутя, то ли всерьез, признавался: «Глядя на всех встречающихся мне баб, я с ними не якшаюсь, чуждаюсь их, и понимаю, лапочка, всю массу твоих достоинств, и горжусь, что ты моя жена... Романов, повторяю, нет. Ни платонических, ни плотоядных. Мне очень трудно, но я терплю и настоятельно рекомендую тебе то же самое. По поводу твоего отдыха – поговорим в Москве. Я не думаю, что тебе было бы здесь лучше...» (Одесса, 9 августа 1967).

Когда у Владимира уже начал складываться более-менее устойчивый статус актера Театра драмы и комедии на Таганке, он начал получать стабильную ставку – 70 рублей. Впрочем, все они уходили на няньку, чтобы Люся «постоянно могла быть рядом с ним. Во-первых, я сама хотела постоянно быть рядом, а во-вторых, и Володя в этом нуждался. А иногда в этом был смысл и для театра: я хоть как-то гарантировала, что Володя будет на спектакле, не опоздает и не пропадет...» (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

Люся прочно «прописывается» на Таганке. Бывает на репетициях, спектаклях, участвует в послепремьерных банкетах и дружеских вечеринках. Ездит вместе с мужем в гастрольные поездки (в Грузию, в Ленинград), на съемки (в Белоруссию, Одессу)... Высоцкий писал своему приятелю в далекий Магадан: «Жена моя Люся поехала со мной и тем самым избавила меня от грузинских тостов алаверды, хотя я и сам бы при нынешнем моем состоянии и крепости духа устоял. Но – лучше уж подстраховать, так она решила...» (И. Кохановский. «Письма Высоцкого» и другие репортажи на радио «Свобода». М.: Физкультура и спорт, 1993).

Костюмер фильма «Я родом из детства» Алла Грибова

рассказывала, что впервые на кинопробах Высоцкий у них в Минске появился ранней весной 1965 года: «Приехал с женой. Жили они в общежитии... Там же мы и собирались, в основном «киряли». Это потом Володя чаще пел. Володя показался тогда очень мягким в общении человеком. Мы все очень удивились, что у него двое детей. Все шутили: «Что у вас, света не было?»... Абрамова тогда, в первый приезд, все время была вместе с Володей...» (см. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: АльфаПресс, 1999).

Потом Людмила вместе с сыновьями приезжала уже на съемки. «Остановились они в гостинице «Минск». Мы (Туров, Княжинский, Каневский), – рассказывал каскадер Борис Сивицкий, – пришли к ним в гости в номер. На наши просьбы спеть Володя ответил отказом. Отказался он и сесть за стол... Но тут выяснилось, что надо провожать Люсю на поезд. Володя попросил втихаря, чтобы налили ему выпить и спрятали в ванной. Заскочив туда, Высоцкий тут же расправляет крылья и берется за гитару... Поехали на вокзал. Люся с детьми уезжает в Москву. А мы начинаем гулять. Высоцкий уже был страшно взбудоражен... Сделал заказ в номер и начал импровизированный концерт...» (там же).

Работавшая ассистентом режиссера Виктора Турова Роза Ольшевская говорила, что «после своих срывов Володя приезжал к нам как стеклышко, весь подтянутый, готовый к работе. А когда мы звонили Люсе Абрамовой в Москву и Высоцкий бывал вне формы, то Туров велел никому об этом не говорить...» (там же).

В Театре на Таганке Людмила Абрамова всегда сидела в первом ряду, и, как говорили, актеры по выражению ее лица, а главное – по глазам – узнавали, как они сегодня работают. Борис Хмельницкий говорил о ней: «Люся брызгает слезами нам на колени». Юрий Петрович Любимов видел в ней свою союзницу и надежную помощницу в непростом деле соблюдения трудовой дисциплины актером Высоцким. Он же ценил ее и как интересную актрису. И однажды даже предложил ей вступить в труппу театра. Но что-то там не сложилось. Вполне возможно, что эту идею и сам Владимир не очень-то одобрял: на кой ему нужно и днем, и ночью, и дома, и на работе недремлющее око (*«пришел домой – там ты сидишь...»*)? Пусть уж лучше пацанами занимается, верно?

С сыном Аркадием, который родился в 1962 году, еще до бракосочетания Людмилы и Владимира. Фото Н. Гузанова

Люся была очень привлекательна, фотогенична. В описании Вероники Халимоновой Людмила Абрамова – «длинная девочка с огромными глазами, Красивая, очень мне понравилась. И видно было, что очень любит Володю» (www.aviso.kiev.ua). Ее мнение подтверждал и Игорь Пушкарев: «Мы, друзья Володи, все были в нее влюблены: высокая, стройная, глазищи! Мы плохо знали его

первую жену Изу, и Люда для всех нас стала как бы первой Володиной женой» (Л. Черняк. Владимир Высоцкий. Как все начиналось... // АиФ. Суперзвезды. № 2 (8). 20 января 2003). Самому Высоцкому не очень нравилось то, что Людмила была выше него ростом. Золотухин слышал, как «Володя иногда говорил ей: «Да не ходи ты рядом. Иди чуть-чуть сзади...» (Н. Дардыкина. Бумбараш в роли Маркиза // Московский комсомолец. № 184. 26 сентября 1998).

Ну, а писатель-фантаст Борис Стругацкий в свойственной ему манере и вовсе называл Люсины глаза «марсианскими»...

Подруги Люси часто вспоминают, что в те годы ей часто предлагали роли в кино. Она столь же часто отказывалась, ссылаясь на семейные обстоятельства. В итоге о Людмиле Абрамовой как актрисе практически забыли. Правда, в 1965-м вгиковец Борис Ермолаев сочинил сценарий для телевидения, который, по мнению автора, был обречен на «мировую сногшибательную славу». Участник сего теледействия Вениамин Смехов вспоминал, что «все это называлось «Комната», и весь текст поместился бы в спичечную коробку – двое любят, нет квартиры, но вот появилась, и друзья это отмечают... И вот Эдик (Арутюнян, бывший артист Театра на Таганке и близкий приятель Высоцкого самого изначального таганского периода. – Ю.С.) меж слов и меж умствований поет и даже называет Володю автором – «Где твои семнадцать лет?» и «Жил я с матерью и батей...», что-то еще...» (Новосибирск, Академгородок, 17 января 1981). По замыслу Ермолаева, Высоцкий играл в телеспектакле отрицательную роль – художника, а Люся – стюардессу, его возлюбленную, немножечко более положительную. Она не была в восторге от этой работы, в силу интеллигентности мягко замечая: «...Не помню, чтобы мы получили много радостных впечатлений...» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988).

Последний раз Л.В. Абрамова мелькнула на киноэкране в 1969 году в совместном с немецкими кинематографистами фильме «Мне не забыть тебя, Юсте». А потом со служением музам она покончила раз и навсегда.

* * *

Как же, в конце концов, оценить отношения Людмилы Владимировны и Владимира Семеновича? В собственной-то семейной жизни порой непросто разобраться, а в чужой уж – и подавно. Но все же позволю себе некоторые наблюдения. Может,

повезет, и в чем-то окажусь близок к истине.

Первое: на Водолеев ни в коем случае нельзя давить. Как считают толкователи знаков зодиака, Водолеями правит Уран – планета независимости и изменений, что делает их жизнь похожей на смерч. Еще один признак – непредсказуемость, могучая устремленность вперед. Инструкции и строгие предписания не для них.

Люся, хотя и осознававшая масштаб таланта мужа, необычность, неординарность личности, тем не менее старалась сковать его стандартными рамками «приличной советской семьи». В чем-то ее устремления можно понять. Но у Высоцкого иной был нрав, иной характер, иное воспитание, иные взгляды, жизненные нормы. Спорить со всем этим было бессмысленно. И главное, Людмила Владимировна не хотела признавать, что переделать, перебороть его было невозможно. Все попытки были тщетны. Он просто был другой. Иноходец, одним словом.

Сын Высоцкого Никита рассказывал: *«Отец очень быстро водил машину. Однажды разогнался в узком переулке и в самый последний момент, заметив яму, резко затормозил. Он крепко и остроумно выругался и дал задний ход. Потом я со смехом рассказал об этом маме. Она заплакала и сказала: «Вы еще не понимаете, а он из-за своих скоростей умрет...»»* (О. Шеметова. Женщины Владимира Высоцкого // Меридиан. № 34 (137). 23 августа 2005).

Вне всяких сомнений, у Люси и Владимира были счастливые дни. Он окутывал ее нежными, бархатными словами. Для него она была «Люсик, любимая, солнышко, лапик мой хороший, лапа, малышек, любимый пупсик, Люсенок...». В любви у них родились два сына.

«Как он Люду свою любил – это поразительно, – рассказывала старый администратор «Москонцерта» Нина Николаевна Обухова. – Идет какая-нибудь девица с причесочкой: «Да, девчоночка-то ничего, да только лака больно много, у моей Людки волосы сами так лежат». Идет другая: «Да, платице богатое, не то что у моей Людки – хлопок, дерьмо, а все ж на Людке сидит лучше. Она у меня ходит как королева». «О! У нас дома хоть шаром покати, а гости придут – Людка всегда чаю найдет, а то и бутербродов. Не стыдно людей позвать». От него уже отмахивались: «Да отстань ты со своей Людкой!» А сам часто повторял Яну Спарре, спортивному телекомментатору: «Ян, я – сволочь, я знаю – денег у меня нет, но ты пойми, ну нет работы, но я же не могу пойти просить, унижаться. Ну, что-нибудь придумаю, придумаю, придумаю...» (М. Мелкая. В тени звезд советской эпохи // Смена. Санкт-Петербург. № 228. 13 декабря

Людмила с сыновьями Аркадием и Никитой

И ведь придумывал! Нина Николаевна рассказывала, как в 1968 году в ресторане «Якорь» Высоцкий сочинил и тут же продал уркам за 25 рублей стилизованную для них песенку типа «Я вот вышел на свободу, отсидел за вас срок, мать, я не смог тебя похоронить, буду помнить, поставлю чуть ли не обелиск...».

У Люси и Владимира были серьезные совместные увлечения, скажем, той же фантастикой, летающими тарелками, пришельцами. С помощью старинного студийного приятеля Георгия Елифанцева они знакомятся с популярнейшими фантастами братьями Стругацкими. Аркадий Натанович Стругацкий даже становится другом дома. Это происходит в 1966 году, после возвращения Высоцкого с «орбиты» съемок «Вертикали».

А чутьку ранее, в октябре 65-го, Люся и Володя через другую тогдашнюю мэтрессу этого жанра Ариадну Григорьевну Громову знакомятся с легендарным польским фантастом Станиславом Лемом. Он, оказывается, уже слышал песни Высоцкого, «навеванные чтением, конечно, западной фантастики», – «Гимн космических негодяев», «Тау Кита» и, будучи в Москве, изъявил желание познакомиться с их автором. Как рассказывал драматург, знаток и большой любитель авторской песни, Михаил Львовский,

«Ариадна Григорьевна... очень любила Высоцкого и дружила с ним. У нее было огромное количество его пленок – он их сам ей давал. Она собирала и распространяла его записи; четырехдорожечный магнитофон «Комета», который я ей подарил, стоял у нее раскаленный, потому что она писала на нем круглые сутки» (см. Вагант. № 40. 1994).

Жена драматурга Елена Константиновна Львовская во время памятной вечеринки у Громовой стала невольной свидетельницей разговора Лема с Людмилой Абрамовой: «Лем ее спрашивал: «Не хотелось бы вам самой быть актрисой и работать в театре?» На что жена Высоцкого очень гордо отвечала: «Я категорически против того, чтобы женщины играли в театре. Я за то, чтобы в театре, как во времена Софокла и Еврипида, играли одни мужчины: надевали женское платье, выходили на сцену – это было прекрасно. Поэтому мне и в голову не приходит быть актрисой». На второй вопрос Лема: «А что вы делаете в жизни, помимо того, что вы – жена Высоцкого?» – она сказала: «Призвание женщины – быть матерью. Я за это. Я воспитываю своих детей. Это то, чем я занята в жизни». Сам Высоцкий этого разговора не слышал, общался с каким-то другим собеседником. И вообще, стол был большой, компания шумная...».

Львовская также рассказывала, что Высоцкий «был человек очень жесткий – как говорится, где сядешь, там и слезешь... Он сказал: «Нет, я пить не буду. И есть не буду». Ариадну Григорьевну Высоцкий очень любил, был расположен к ней, ценил ее отношение к себе (в то время он как раз сочинял «фантастический» цикл песен, общаясь с фантастами, впитывал все, как губка... Когда Ариадна сказала: «Ну, как же мы не послушаем ничего?» – он ответил: «Вот Михаил Григорьевич принес записи Окуджавы – вот это я с удовольствием послушаю!» Мы включили магнитофон, зазвучали песни Окуджавы, все разговоры как-то прекратились. Высоцкий очень хорошо слушал. Очень. Он сел совсем близко к магнитофону, подставил руку под подбородок и слушал очень цепко, как собака, которая сделала стойку на дичь...» (там же).

Людмила Владимировна по сей день хранит в памяти дорогие черты характера Владимира Семеновича: «Он любил, когда я ему читала вслух» (И. Руденко. Не приближаясь, стороной идет по кромке. По самой кромке от взрывной его воронки... // Комсомольская правда. 15 января 1998); «Володя любил, когда я быстро решала кроссворды, хотя разгадывал их намного быстрее меня... Память на события и факты у Володи была невероятная. Если он хотел что-либо вспомнить, то у него это получалось с трудом, начинал нервничать, а в расслабленном состоянии

память Володи фиксировала все с невероятной точностью: слова, жесты, интонацию – все это он мог повторить. Когда он писал песню, он перебирал огромное множество рифм, какие-то формулировки, варианты, множество юридических терминов, редко употребляемых слов...» (А. Шарунов, А. Щуплов. Струны вещие // Российская газета. 25 июля 2002).

Людмила буквально из-под земли добывала ему нужную для работы литературу. Например, у кого-то выпросила на время редкую тогда книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции», и Владимир Семенович по ней сверял, не ошибся ли он в чем в своей «Кассандре». Люся, воспитанная бабушкой на стихах поэтов Серебряного века, школьницей посещавшая занятия литературного объединения «Юность», сама писавшая интересные стихи, была для мужа, конечно, бесценным источником литературных познаний.

Но безоговорочно утверждать, что источником единственным, неверно. Школьный приятель Владимира Игорь Кохановский рассказывал, что они и подружились именно на «любви к литературе, в частности к поэзии... К нам в 1953 году пришла новая учительница литературы. В то время период расцвета русской литературы в 20-х годах был не то чтобы под запретом, но никто нам не говорил, что были такие русские поэты, как Велимир Хлебников, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Крученых и всякие там ничевоки. И вдруг эта учительница стала нам рассказывать об этих поэтах и писателях... Я помню, одно время мы очень увлекались Игорем Северянином, потом Гумилевым, читали его взапой... Володя был очень начитан. Он говорил: «У меня взапчит». Это означало, что он взапой читает...» (Вечер памяти ВВ – олимпийская база в Новогорске Московской области. 8 апреля 1981).

Аза Лихитченко подтверждает, что их преподаватель литературы во мхатовском училище Александр Сергеевич Поль, эрудит и знаток словесности, особо «выделял Володю за большую любовь к своему предмету». Я уже не говорю о преподавателе Школы-студии Андрее Донатовиче Синявском, высоко ценившем талант своего студента, чьи магнитозаписи были успешно конфискованы сотрудниками КГБ.

Людмила, воспитанная бабушкой на стихах поэтов Серебряного века, школьницей посещавшая занятия литературного объединения, сама писавшая интересные стихи, была для мужа бесценным источником литературных познаний

По всей вероятности, Высоцкий крепко-накрепко усвоил уроки, которые преподала ему в Школе-студии замечательный педагог, настоящая, кстати, графиня Елизавета Георгиевна Волконская. Как вспоминал сокурсник Высоцкого Роман Вильдан, она настоятельно советовала: «Володя, не пытайтесь делать из себя графа, постарайтесь стать Высоцким, может быть, тогда у вас и появится благородство» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988). Вчерашние школьники подхихикивали и одновременно благоговели перед Волконской. Высокая, статная, худая, в старинных украшениях, в перстнях, с неизменной папироской, она всегда сидела, возложив ногу на ногу. «Она просто замечательно с нами общалась, – вспоминает Тая Додина, – ее стиль был – доброжелательная ирония. Как войти в комнату, как отодвинуть стул, сесть за стол... Она учила мелочам, но столь важным мелочам...»

Я никоим образом не собираюсь умалить роль Людмилы Владимировны Абрамовой в интеллектуальном просвещении мужа. Тем паче, что Борис Диодоров однозначно утверждал: «Она Володю обожала, формировала его: разыскивала какие-то серьезные книги. А у него уже началась неупорядоченная кино-гастрольная жизнь. И рядом с Володей Люся мне представляется глубоко трагическим человеком...» (Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 3).

Ему вторил известный альпинист Леонид Елисеев, знавший Высоцкого еще со времен «Вертикали»: «...Поездка в Рублево. Володя был с Люсей. С первых минут знакомства она располагала своей простотой... Все пребывали в превосходном настроении, все было душевно, просто и вкусно, и Люся как человек оставила неизгладимое впечатление...» (см. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 10).

Поначалу и вплоть до середины 60-х годов Владимир живо интересовался творческой карьерой жены, внимательно следил за ее работой в экспериментальном театре пантомимы Александра Михайловича Румнева.

Там собралась компания однокурсников Людмилы Абрамовой по ВГИКу. Люся Марченко уже поминалась. Служила там еще и актриса Виктория Радунская, которая, впрочем, вскоре переметнулась на «Таганку». Кроме сцены, они частенько встречались в общих компаниях. Застолья той поры были, как рассказывает Радунская, «небогатые, потому что мы не очень-то много зарабатывали. Володиных «переборов», как, впрочем, и ничьих других, в тот период я не помню... Во-первых, в этих наших компаниях с Люсей интеллектуальный уровень был значительно выше пьяни, потому что и сама Люся, и все остальные – это люди совершенно другого ранга. И Володя был таким же. В других компаниях он, возможно, бывал другим. С кем как, наверное» (Вагант. № 11–12. 1995).

В дневниковых записях друзей Высоцкого то и дело проскальзывали свидетельства того, что Володя озабочен трудоустройством Люси. Например, 23 января 1967 года Валерий Золотухин записывает: «ВТО. Я и Венька отпросились у жен. Банкет устроен Высоцким. Говорили: о сказке, об устройстве на работу Люси, о каком-то сценарии для нее – может быть, самим его придумать. Новое дело у меня в жизни – долг перед Люсей, надо что-то сделать для нее» (см. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

Думаю, подспудно в душе Людмилы Владимировны зрела скрытая обида на мужа за то, что он как бы испортил ей в конце концов ее судьбу как актрисы (я уж не говорю, как женщины).

Такой блестящий старт – будучи еще студенткой ВГИКа, получить главную роль в «713-м...», потом преподавать и выступать с пантомимой в модном театре... И вдруг – одна беременность, следом другая, неустроенный быт, безвестность, вечное безденежье и косые взгляды родни: дескать, говорили мы тебе... Наконец, просто неопределенный статус гражданской жены аж до 25 июля 1965 года. А ведь еще 4 марта 1962 года Высоцкий письменно клялся Люсе: «Я – Высоцкий Владимир

Семенович, по паспорту и в душе русский, женат, разведусь...» (см. Владимир Высоцкий. Собрание сочинений в семи томах...).

Период 65–67-х годов у Владимира был абсолютно «сухим». Он избегал даже пива и кваса. Люся ему помогала – даже надкусывала шоколадные конфеты, дабы убедиться, что там нет начинки с ликером или ромом...

Это сейчас она находит объяснение безудержным запоям Высоцкого: он пил, «чтобы ликвидировать «духовный спазм». Я внутренне чувствовала его «уходы в пике». Дня через два-три он возвращался. В силу внутреннего чутья я открывала дверь, встречая его на пороге... Непредсказуем он был для тех, кто его не знал, а иногда он сам удивлялся своим поступкам...» (А. Шарунов, А. Щуплов. Струны вещице // Российская газета. 25 июля 2002).

У Людмилы Владимировны всегда присутствовал сильный, возможно, даже не совсем дамский характер. Ну, а у мужа-то и вовсе. Словом, нашла коса на камень, да и только. Ныне она считает: «Несбывшееся – это школа» (И. Руденко. Не приближаясь, стороной идет по кромке...). И одновременно признает, что поняла это, когда стали подрастать дети...

Что касается семейного быта, то многое объясняет запись в золотухинском дневнике от 26 июля 1967 года: «Ночевал Высоцкий. Жаловался на судьбу:

– Куда деньги идут? Почему я должен вкалывать на дядю? Детей не вижу. Они меня не любят. Полчаса в неделю я на них смотрю, одного в угол поставлю, другому по затылку двину... Орут... Совершенно неправильное воспитание...» (Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

И еще одна цитата от Валерия Золотухина: «24 февраля 1968 года. Отделился от жены. Перехожу на хозрасчет... Я сам буду себе и жена, и мать, и кум, и сват... Высоцкий смеется:

– Чему ты расстраиваешься? У меня все пять лет так: ни обеда, ни чистого белья, ни стиранных носков. Господи, плюнь на все и скажи мне. Я поведу тебя в русскую кухню: блины, пельмени и пр. – И... повез в ресторан «Центральный»» (там же).

Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин. Фото А. Гаранина 1966–1967 гг.

Бытовые проблемы, естественно, были дополнительным раздражающим фактором в отношениях Владимира с женой. Но существовали и другие. Инна Кочарян отчетливо помнит, как в канун рождения второго сына Высоцкого, Никиты, будущий отец кротко сидел у них дома и сокрушался: «Денег нет, жить негде, а она решила рожать...» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988).

Его бесил странный уклад жизни семьи Абрамовых, так и не ставшей ему родной, особенно досаждала мать Люси – женщина, которая « всю жизнь спала в лыжном костюме », не признавая простыней. Были у нее и прочие странности. Хотя, казалось бы, женщина она была высокообразованная: до войны окончила мехмат МГУ, потом Военный институт иностранных языков, преподавала английский на физтехе в Долгопрудном.

Была небольшого росточка, но крепко сколоченная. Остроглазая А.Д. Тубеншляк, подбиравшая актеров в «713-й просит посадку», вообще решила, что «она занимается штангой, гириями или чем-то в этом роде» (см. www.aviso.kiev.ua/vysotsky). Ну, насчет штанги Анна Давыдовна, конечно, погорячилась. Но Люсиная мама действительно была заядлой спортсменкой, завоевывала даже золотые медали на чемпионате СССР по стрельбе. И когда ей перевалило за семьдесят, запросто победила на институтском первенстве в родном МФТИ.

Высоцкому, гуляке и «вечному страннику», замотанному

бесконечными киноэкспедициями и гастрольными поездками в поисках лишнего рубля, естественно, хотелось налаженного быта, уюта, горячей пищи, чистых рубашек и носков, жены, встречающей у порога (*«чтобы пала на грудь...»*), то есть всего того, что бы резко контрастировало с вынужденно кочевым (в силу профессиональных причин) образом жизни. После «одесско-белорусского» цикла фильмов Высоцкий более-менее нормально зарабатывал. Причем не столько как актер, сколько как автор песен. Случались и «левые» концертные выступления. Словом, пожалуй, уже не очень бедствовали. Но молодого главу семейства возмущало, что «полотенца лишнего в доме нет, дети «засранные»... А «она» – одну сберкнижку профукала, вторую, деньги на кооператив тоже...

«Боялась ли я, что Володя ходил к женщинам? Нет, абсолютно, – уверенно говорит Людмила Владимировна. – У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет – «все»... А потом, когда пришел конец всему, я сразу поняла, что надо уйти. Просто надо было с силами собраться и сориентироваться... Кроме всего прочего – еще и куда уходить? Как сказать родителям? Как сказать знакомым? Это же был ужас... Я не просто должна была им сказать, что буду жить одна, без мужа. Его же уже все любили, он уже был Высоцким...» (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

В отношении первой жены Владимира она высказывалась, как правило, сдержанно, но с некоторой долей недоумения: «Я никогда не слышала, чтобы Володя хоть что-то неуважительное сказал про Изу. Когда Иза приезжала в Москву, Володя ездил с ней встречаться – иногда у тети Жени (Е.С. Лихолатова, жена Семена Владимировича Высоцкого. – 70.СЖ, а чаще у Карины Диодоровой. И никогда Володя не чувствовал, что совершает неблагородный поступок по отношению ко мне. Я Изу совершенно не знала – не то чтобы ревновала, но удивлялась. И зря удивлялась. Может быть, если бы я не удивлялась, Володе никогда в жизни не пришлось бы говорить мне неправду. И если ему приходилось это делать, – это на моей совести, а не на его. Это я вам как перед Богом говорю...» (см. Л. Абрамова. Мы расстались по-хорошему // Семья. № 30. 1990).

Но она признавала: «Да, он был любвеобилен...» (см. там же).

В своем исповедальном интервью обозревателю газеты «Комсомольская правда» Инне Руденко Людмила Владимировна говорила: «...Жалость к Володе была душеразрывающей. Душевзрывающей. Ему по-настоящему бывало плохо... Я его любила. Как своих сыновей. Володя даже мне однажды сказал,

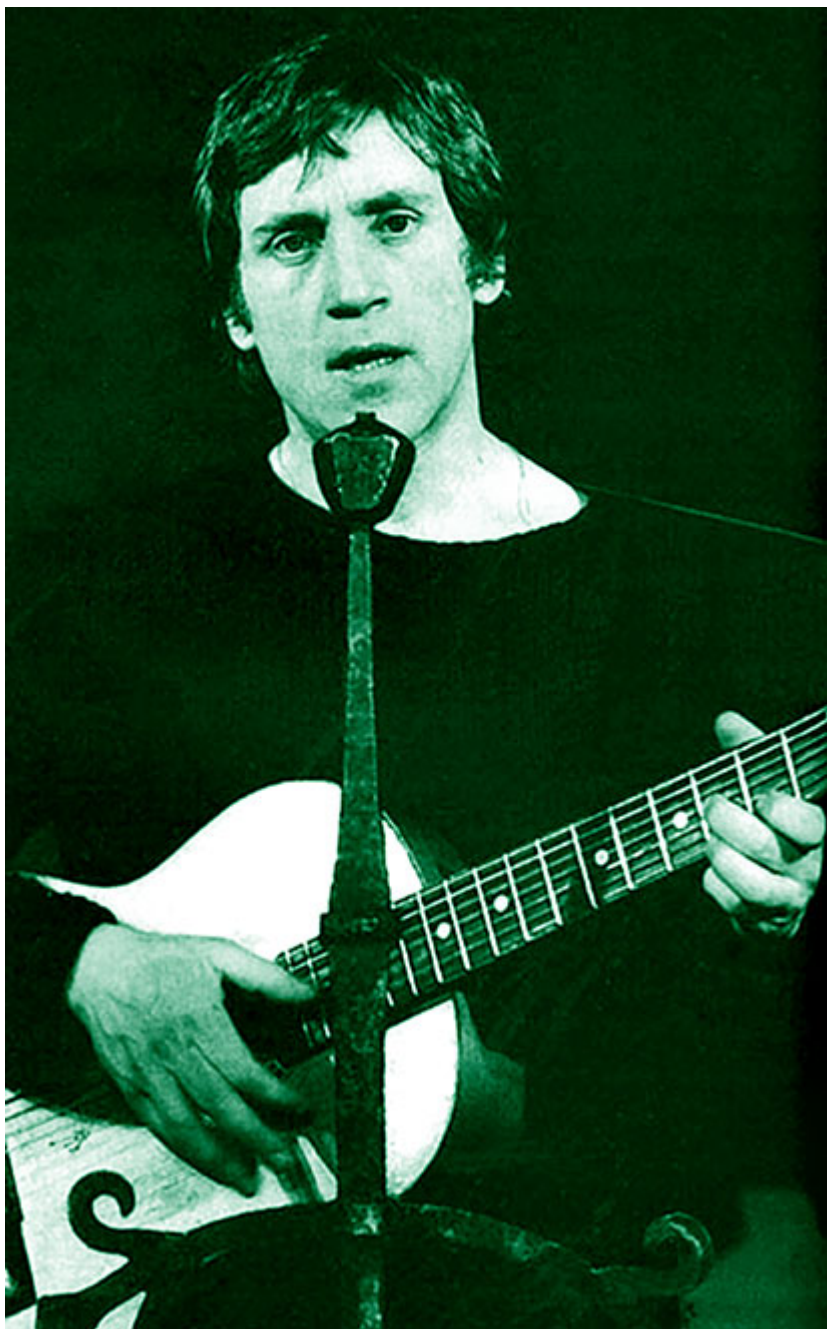
что я отношусь к нему не как к мужу, а как к старшему сыну. Возможно, это мой недостаток, но я не разделяла Володю и сыновей...».

И все-таки она ушла. Людмила Абрамова считает, что к 68-му году она уже была не нужна Высоцкому как опора, как помощник, как поддерживающее начало – он и так очень твердо стоял на ногах. Правда, еще два года – до февраля 1970-го – официально считалась женой Владимира Семеновича.

После ее бегства домой, на Беговую, в общении Высоцкого с сыновьями стали возникать искусственные препоны. При первой попытке официального развода в суде поначалу попытались уговорить супругов подумать: все-таки двое детей... На следующем заседании на вопрос судьи, настаивает ли муж на разводе, Володя неожиданно заявил: «Не настаиваю...». Ну и, наконец, когда в третий раз они оказались в здании суда, их развели быстро.

Бывшие супруги вышли на улицу, постояли, поглядели друг на друга. Владимир вдруг предложил поехать на улицу Телевидения, на квартиру матери, посидеть на прощание, перекусить. Она согласилась. В квартире никого не было. Был роскошный стол, который он приготовил заранее. Володя взял гитару и начал петь. И новые, и старые песни. Пел долго, часа четыре. Чуть на вечерний спектакль не опоздал. Нина Максимовна все это время стояла на лестничной площадке, не решаясь войти. Только в половине седьмого отважилась позвонить в дверь – и они помчались: он в театр, она – на том же такси – в больницу.

Приятель Высоцкого начала 60-х годов Игорь Пушкарев до сих пор недоумевает: «Не представляю, как можно было бросить Люсю – женщину, которую он должен благодарить до конца жизни, да еще с двумя детьми. Без нее он бы просто спился и пропал...» (Б. Кудрявов. Высоцкий выиграл на спор любовь Марины Влади // Досье. № 46 (168). 14 ноября 2002).

Владимир Высоцкий в роли Гамлета

Давид Карапетян по-своему толковал странности послеразводных отношений Высоцкого и Абрамовой: «Как-то мы сидели на кухне у второй бывшей жены Люси Абрамовой... Он сам и познакомил нас в тот вечер. «Я буду рад, если у вас что-то получится!» Мы с Люсей ощущали неловкость ситуации,

поддерживая видимость литературной беседы. Володя в умном разговоре участия не принимал, пил водку и время от времени пытался залезать под кофточку жене: «Володя, тише, мальчики спят», – краснела она. Но ему было все нипочем... Он был на распутье между Таней и Мариной. «А не послать бы мне подальше и ту и другую и вернуться к Люсе?» – в его голосе чувствовалась настоящая внутренняя борьба. На самом деле первой его разгадала именно Люся Абрамова. Она вышла замуж за безработного артиста (? – Ю.С.), у которого не было ни копейки за душой, ни единой роли, родила ему двух сыновей (? – Ю.С.)...» (Е. Сажнева. Д. Карапетян: «Я любил Высоцкого как мужчина женщину» // Московский комсомолец. 24 января 2004). Воспоминания Карапетяна – больше вопросов, нежели ответов.

В дальнейшем от театрально-киношной среды Людмила Абрамова стала все дальше и дальше отдаляться. После официального развода с Высоцким вышла замуж в 1971 году за инженера Юрия Петровича Овчаренко, через пару лет родила ему дочь Симу. «Стараясь отгородиться, я даже «Гамлета» не видела. Единственное, он однажды заставил меня поехать на «Вишневый сад». Мне тяжело это далось, я правильно делала, что не ходила на спектакли. Жить-то надо...» (Л. Абрамова. Мы расстались по-хорошему... // Семья. № 30. 1990). Она отрезала от себя все – и песни Высоцкого, и кино, и «Таганку», и большинство прежних друзей...

Затем уехала с мужем в Монголию работать на горно-обогатительном комбинате. Вернее, он (муж) на ГОКе, а она – в местном дворце культуры. Там 25 июля 1983 года провела мемориальный вечер Высоцкого «Памяти поэта». Все как положено, с афишей и пригласительными. Работает в школе, преподает риторику и мировую художественную литературу. Вместе с сыном Никитой занимается Государственным центром Владимира Семеновича Высоцкого, проводит экскурсии, занимается организацией различных тематических выставок, выпустила книжку воспоминаний...

А Вероника Долина написала о ней печальную песню: «Его отбросило волной, ее прибило... А ей остались сыновья с его чертами...».

Никита Владимирович последним, естественно, горд: «От отца мне досталась жизнь, гены, внешнее сходство...» (А. Шарунов. Самостоятельная «Тень отца Гамлета» // Московский комсомолец. № 249 (923135). 4 ноября 2002). А брак матери с Ю.П. Овчаренко оценивал так: «Он хороший человек, а то, что с мамой у них не сложились отношения, – это их личное. Он был нам с Аркадием близким человеком, и думаю, что он и к нам

хорошо относился...» (там же).

Марина Влади

*Люблю тебя сейчас. Не тайно –
напоказ...*

Откровенно говоря, испытываю определенную робость, называя имя. Марина Влади. Как и какими словами описать фантастическую историю их знакомства, любви и прощания? Ведь именно «напоказ» они и жили, и бушевали едва ли не шекспировские страсти, были падения и взлеты, возвышенность чувств и мордобой, попытки самоубийства и сладкое забвение под воздействием «травки». И горькие, чистые слезы.

О ней и ее любви к Высоцкому уже столько было написано, рассказано, что, казалось бы, вряд ли что возможно к этому добавить. Но тем не менее love story звездной пары таит еще множество неясностей, тайн, путаницы, различных, порой противоречивых толкований тех или иных событий и поступков.

А посему рискну!

Высоцкого считали мистическим человеком, провидцем от Бога, Кассандрой в мужском обличии. Это не гипербола, не лесть, а констатация факта. Как иначе объяснить появление имени недостижимой Марины Влади в ранней песне Высоцкого *«Сегодня в нашей комплексной бригаде...»*, написанной за несколько лет до их непосредственного знакомства? Неужто исключительно благодаря удачно найденной рифме («бригаде – маскараде – зоосаде – наряде – дяди – засаде – параде – Нади – Христа ради – Влади»)? Или столь сильным было впечатление от кинофильма «Колдунья» по Куприну (*«Я увидел ее – и погиб...»*)? Или все же глубинным предчувствием неминуемой встречи (*«Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий...»*)?

Французская «колдунья» Марина Влади околдовала Владимира Высоцкого

А может быть, сказалось расположение звезд? Отнюдь нет. Астрологи наоборот считают, что «союз Телец (Влади. – Ю.С.) – Водолей (Высоцкий. – Ю.С.) практически невозможен. В женщине-Тельце проявляются высшие материнские качества земной Венеры, богини любви, сошедшей на землю. Гармония и покой, дом, дети, семья – требования Тельца. А свободный, оригинальный Водолей не стремится к домашнему очагу. Он вечно в поисках приключений: творческие планы, друзья, тяга к переменам, путешествиям в его жизни важнее любой

привязанности... Его дом – это весь мир, да у него зачастую и нет дома» (см. Астрал. № 7 (декабрь). 1995).

Маститые астрологи считали, что «именно этот союз является классическим примером брака, который не подчиняется законам. Союз Тигра (Марина. – Ю.С.) и Вола (Владимир. – Ю.С.) – из числа приключений, а не брачных союзов... В этом тандеме Вол – прекрасная добыча кровожадного Тигра...» (там же).

Таким образом, Владимир и Марина звездам не подчинялись, действовали вопреки.

А во что же тогда верили? В черную магию, что ли? Не знаю.

Ныне Марина говорит: «Я после всего не верю ни в Бога, ни в астрологию» (см. Г. Видова. М. Влади: «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня. 10 декабря 2001).

Можно многое списать на совпадения. Но только не историю, которая в августе 68-го года приключилась с Владимиром Высоцким в славном городе Питере. В одной из коммуналок на Васильевском острове собралась веселая разношерстная компания. Бородатые геологи, румяные, толстощекие комсомольские активисты, таинственный военный летчик Борис, раненный на вьетнамской войне. А украшением компании, естественно, были загорелые студентки в открытых сарафанах.

Девушки быстро наварили целое ведро пельменей, потом прибыли ребята с пивом и раками. Не стол – праздник! Было шумно и безалаберно.

Постоянно кто-то входил, выходил. Примерно в середине вечера в комнате появились новые гости – «комсорг геологического института Женя Сенькин вместе с каким-то парнишкой в клетчатой рубашке», рассказывала Елена Богатырева (тогда она носила менее благозвучную фамилию – Коструба), которая приехала к подругам из Киева.

Лена в компании славилась своим умением гадать на картах. Когда ребята вышли покурить на кухню, ее попросили погадать. Потом еще и еще. Затем на кухню заглянул тот самый парень в клетчатой рубашке. «Подсел к нам, дожидаясь, пока я закончу.

– Погадаешь мне?

– Пожалуйста!

А у меня тогда были длинные белые волосы, он и заметил:

– Что-то ты не похожа на цыганку!

Под такие шуточки разложила карты. Всего не помню, но точно сказала:

– У тебя много казенных хлопот, казенный дом, казенные дела... Хлопоты впустую. Но это скоро закончится, потом все будет благополучно...

Разложила по-другому:

– Выпадает тебе блондинка. Ты ее любишь, она тебя любит...

– Любит?

– Любит, – отвечаю. – Все у вас сложится. Она принесет тебе известность и богатство. У нее много денег – так действительно следовало из расположения карт, но разговор велся как бы не всерьез.

– Ну, – говорит, – если все это сбудется, я тебя просто по-царски отблагодарю!

Докурили и вернулись в комнату. Я – к своему летчику, парень – на свое место возле выхода.

И только когда он взял гитару... и запел, до меня дошло – кому я гадала! После этого он извинился и потихонечку ушел. Недолго, в общем, посидел – может, успел пива выпить. Уже без него мне сказали, что приехал Высоцкий со съемок фильма «Хозяин тайги» и что разводится с женой – или какие-то у него в этом плане неприятности...» (см. В. Ковтун, Ю. Тхорик. Е. Богатырева: «Случайное пророчество» // Высоцкий: время, наследие, судьба. № 23).

А ведь чуть ранее Высоцкий писал:

Эта самая блондинка, мной не тронутая.

Эта самая блондинка! У меня весь лоб горит...

Случайное питерское знакомство имело продолжение. Когда Лена вернулась домой в Киев, то накануне 7 ноября вместе с подружками решила посидеть в кафе «Эврика» на бульваре Леси Украинки вблизи Печерского моста. Играл оркестр, кто-то пел, много танцевали. «Вдруг по залу от дверей покатила волна аплодисментов. Видно было, что они адресованы вошедшей группе людей. И, обгоняя аплодисменты, зашуршал шепоток: «Высоцкий! Высоцкий!»

И вот сам Высоцкий в коричневой кожаной куртке и вельветовых брюках отделился от компании, поднялся на эстраду и с ходу спел – причем мне запомнилось, что сказал перед этим: «Я вам не спою, я вам покажу песню – «Охоту на волков»»... Высоцкий спустился с эстрады, куда-то отошел со своими спутниками. Затем появился с бутылкой шампанского – и неожиданно направился к нашему столу. Я была потрясена! А он, подойдя, встал между моими соседками и заявил:

– Вот эта девушка мне как погадала – все сбылось! Как в воду смотрела.

(Кстати, про Марину Влади мы тогда и не слышали.)

Я ждал ее, как ждут стихийных бедствий...

Разлил по нашим бокалам шампанское, посидел минут пять, побалагурил. А после говорит:

– Я ведь еще отблагодарить тебя должен! Какую хочешь благодарность?

Я ответила что-то в том смысле, что лучшей благодарностью с его стороны будет песня. Вставая из-за стола, он попросил мой адрес. Я на салфетке записала: Киев, улица Киквидзе, номер общежития, комнаты – 94 – и фамилию...

– Я для тебя пою, – сказал Высоцкий и вернулся на эстраду.

Спел еще пару песен. Шуточную (я ее практически не запомнила) и «Здесь вам не равнина...». После этого под аплодисменты вставшей с мест публики вышел из кафе... Перед Новым годом получила бандероль. Там оказалась катушка магнитной ленты...» (там же).

Тогдашняя официальная пассия Высоцкого таганская актриса Татьяна Иваненко очень хотела, чтобы именно ее считали главной разлучницей Владимира с Людмилой Абрамовой. Людская же молва перекладывает всю вину в случившемся разрыве на Марину Влади.

На сей счет Людмила Владимировна Абрамова имела свое мудрое мнение: «Если Володя в какой-то момент выбрал другую женщину, то это его выбор. Его! Не то что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью, – Володя выбрал. Его право выбора – это самый главный святой закон...» (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

* * *

Семейная история Поляковых-Байдаровых, судьба самой Марины Влади настолько уникальна, сказочна, причудлива, фантазмагорична, словно сама история российская, и сама по себе (даже без Высоцкого) по меньшей мере увесистого, роскошном переплете, фолианта достойна. Хотя Высоцкий в ее жизни непременно бы возник!

Как рассказывает Марина Владимировна, род имел и шведские, и татарские корни (М. Влади. В Россию мне ездить больше не хочется // Известия. 19 марта 1997). Дед по материнской линии происходил из старинной фамилии Энвальдов, появившихся в России еще при Петре Великом. После Полтавской битвы шведский офицер решил перейти на службу в российскую армию.

Один из продолжателей славного рода Энвальдов стал адмиралом Балтийского флота. Прабабушка Марины (удивительно красивая татарочка) была дочерью влиятельного муллы. По настоянию родителей деду Евгению Васильевичу Энвальду тоже пришлось пойти по военной стезе. Дослужился до генеральских эполет. Участвовал в Первой мировой войне, стал

георгиевским кавалером. Во время гражданской сражался с большевиками. Невзирая на строгость своего ремесла, боготворил сцену, театр. В молодые годы едва не решился на дерзкий поступок: бросить армейскую службу и податься в актеры. Не случилось. Но несостоявшийся служитель Мельпомены судьбе не сдался и даже в военных лагерях сооружал амфитеатры со сценой, где по выходным ставились любительские спектакли для солдат и офицеров.

В 1919 году многочисленному семейству генерала Энвальда пришлось бежать из России. В семье росло шесть мальчиков и столько же дочерей. Старшей была будущая мать Марины – Милица. В ней с детства сказывались «театральные гены» отца. Обожала балет, в 1917-м даже танцевала в Смольном перед царской семьей. Это был последний выпуск Института благородных девиц.

«Моя мама, – писала Марина Владимировна в книге «Мой вишневый сад», – была олицетворением безопасности, добра, теплоты. Расцвет ее юности пришелся на революцию – в семнадцатом году ей было 18 лет... Она была среди тех, кто, воодушевившись новыми идеями, вывесил в день восстания красные лоскуты на окнах. Потом она видела, как грабили евреев-суконщиков, и на всю жизнь запомнила, как отливающие разными цветами огромные куски ткани валялись, разматываясь по всей улице. Потом убили ее любимую классную даму – и она, как и многие другие девушки, в страхе бежала за границу...» (Париж (Франция), 2001).

В эмиграции Милица поначалу танцевала в Белграде. Выйдя замуж, переехала в Париж и поступила в труппу прославленного театра «Гранд-Опера».

Кто был ее избранник, отец Марины Влади? Владимир Васильевич Байдаров. С началом Первой мировой войны студент технологического института, выпускник Московской консерватории и одновременно вокалист Московской филармонии, Володя Байдаров, в родословной которого были украинские цыгане, решил, что его место на фронте. Ведь он был одним из первых в России авиаторов и мечтал стать военным летчиком. Но по законам царской России это оказалось невозможным: Владимира, единственного сына вдовы, не имели права призвать в действующую армию. Молодого человека это не остановило. В 1915 году он добрался до Парижа и вступил волонтером во французский военно-воздушный флот. Достоин сражался против германцев. Был ранен, награжден воинским крестом.

По окончании войны Владимир Васильевич посвящает себя

сцене. Поет в оперных театрах Парижа, Монте-Карло, Латинской Америки. Во время гастролей в Югославии влюбляется в русскую балерину со старинным именем Милица и увозит ее во Францию. В счастливом браке у супругов рождались только девочки, имена которых со временем стали известны всему миру – Одиль Версуа (Таня), Элен Валье (Елена) и Ольга (Милиция) Варен. Когда на свет появилась Марина, отцу было уже пятьдесят, а маме – за сорок. В метрике записали – De Poliakoff-Baidaroff Marina Katrin.

Сестры Поляковы-Байдаровы

Опера была не единственным увлечением Владимира Васильевича. Он хорошо рисовал, лепил, проявлял незаурядные способности изобретателя. Но самой главной, всепоглощающей

была иная страсть... Даже не подозревая об увлечениях своего будущего тестя, ни разу в жизни не видел его в глаза, Высоцкий как бы о нем написал: «...Ну, а после, конечно, мы рванем на бег!» Именно на ипподромах тот спустил все состояние своего отца, бывшего владельца знаменитых самарских самоварных заводов.

Отец умер, когда Марине исполнилось тринадцать лет.

В своей первой книге «Бабушка» она писала: «Я не проснулась однажды утром с решением, что буду актрисой! И не выбрала эту профессию случайно – меня к ней сознательно готовили. Конечно, мне повезло – я не провела годы простой статисткой. Благодаря моим родным еще ребенком работала на радио и в дубляже. Меня это очень развлекало, но я еще и гордилась тем, что зарабатывала деньги... Мне никогда не приходило в голову, что я могла бы заниматься чем-то другим. Кроме того, это был способ избавиться от бедности. Наш дом всегда был полон людей из артистической среды. У меня и моих сестер было все необходимое, хотя и жили мы бедно...».

Творческая биография актрисы измеряется более чем шестью десятками лет! Ведь впервые она вышла на сцену... в два с половиной года. В другой своей книге «От сердца к желудку» она вспоминает: «...Родители решили устроить представление, чтобы немного заработать. Накануне мама три дня пекла пирожки. Прошло столько времени, а я четко помню, и как тянулась за пирожками, и как танцевала и пела: «Что танцуешь, Катюня? – Польку-полечку, мамуня...»». Позже Марина уточняла: «Родители давали представления в православной церкви в Клиши и в русской консерватории в Париже... Папа с мамой, заметившие, что я помню наизусть песни и танцы, которые вместе с ними исполняла моя восьмилетняя сестра Елена, решили использовать в этой роли и меня...» (М. Влади. Каждый день начинать заново // Советская Россия. № 133. 10 июня 1983).

Благодаря бабушке, появившейся в Париже в 1936-м, в доме говорили только по-русски. Марина до шести лет вообще не знала французского. Бабушка много рассказывала о себе, своей нелегкой судьбе, о своем муже, Маринином дедушке. Он был неисправимым гулякой, баловнем богатого московского семейства, любил частенько исчезать на несколько дней в компании цыган в «местах сомнительных удовольствий». Бабушка, безумно любившая своего шального супруга, прощала ему все. Марина находила много общего в своей судьбе и жизни бабушки.

Как вспоминала будущая актриса, бабушка «учила меня русским песням, сказкам, стихам, водила в православную

церковь. Верующей я не стала, но русское начало во мне углубилось...» (Д. Якушкин. М. Влади: «Он сам сказал о себе лучше всех» // Московские новости. 25 января 1987).

Марина воспитывалась на русской классике: Чехов, Булгаков... На вопрос о любимом литературном произведении неизменно отвечала: «Лев Толстой «Смерть Ивана Ильича». Это шедевр. Абсолютный. Тут все: и стиль, и философия, и нежность, и динамизм, и доброта» (А. Свистунов. Я вам пишу... // Комсомольская правда. 26 января 1989). Если помните, Владимир Высоцкий в письме к Людмиле Абрамовой сравнивал себя с отцом Сергием...

В годы войны Поляковы-Байдаровы оказались «под немцем». «Мы жили около большого вокзала, который бомбили все время. И американцы потом бомбили... Голод... Моя мать похудела на 30 килограммов... Она ничего не ела, все отдавала детям... У нас не было отопления, спали одетыми... У отца был полушубок, нас им накрывали. Когда отец уходил на работу, он давал мне кусочек мяса. Он единственный, кто в семье ел мясо, потому что он работал. Он мне давал кусочек мяса, и я его весь день сосала. Отец был совсем не коммунист. Он был анархистом, но родители очень переживали за Россию...» (Э. Рязанов. Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея. М.: Вагриус, 2002).

В девять лет Марина начинает подрабатывать на радио, тогда же ее принимают в хореографическую школу при одной из парижских опер. Спустя год она вместе с сестрой Таней-Одиль впервые появляется на съемочной площадке фильма «Летняя гроза», который ставил известный режиссер Андре Кайятт. В одиннадцать Марина снимается в английской картине «В жизни все устраивается». В 14 лет она заключает контракт с известной итальянской кинокомпанией «Чинечитта», переезжает в Рим и снимается еще в трех картинах. Она сама признается: «Что касается бюста... он у меня появился. Из костлявой плоской соплячки я преобразилась в пышную высокую женщину ростом 175 сантиметров. Я восхищалась своим телом и, любуясь собой в зеркале, считала себя Венерой...» (М. Влади. Бабушка. Париж, 1979).

О своих «римских каникулах» Марина откровенничала: «Целыми днями я бродила улицами Рима... босиком, с распущенными волосами, в брюках и расстегнутой блузке, без бюстгальтера. Чувствовала себя богиней, привлекающей всеобщее внимание...».

Именно в Италии начались ее первые романтические приключения: «...Я познакомилась с Марлоном Брандо. Я была не просто его фанатичкой, два года я сходила с него с ума...

Встретила его на каком-то приеме в Риме... Он пожал несколько рук и подошел ко мне, чтобы пригласить на танец. Я чуть не умерла. Мы танцевали несколько минут молча, потом он сказал: «Тут можно скиснуть. Пойдем куда-нибудь!» Я вышла за ним, только тогда заметив, что выше его ростом. Но это не имело значения. Мы гуляли, выпивали в маленьких кафе, танцевали на улице и обнимались на улице до трех часов утра. Наконец он проводил меня на виа Маргутта, где я жила... Мы подошли к дверям, а они оказались заперты, и ключа у меня не было. Я крикнула. Окно отворилось, мама выглянула и бросила мне ключ.

Марина Влади: «Из костлявой плоской соплячки я преобразилась в пышную высокую женщину ростом 175 сантиметров. Я восхищалась своим телом и, любуясь собой в зеркале, считала себя Венерой...»

– Мама, ты что, не видишь, с кем я?

Мама, хорошо зная мое увлечение, только сказала:

– Но он такой маленький!

...Внезапно он пропал... Я перестала есть и хотела умереть. Похудела на пять килограммов. Я очень страдала. Вернулась во Францию... Вдруг он позвонил: «Приезжай вечером. Я болен». Я помчалась к нему... Было ясно, что вылечить его могла только женщина. Он притянул меня и обнял. Наконец-то! Я готова была отдаться ему тотчас же! Когда он расстегивал мне лифчик, зазвонил телефон. Какой-то приятель интересовался, чем он занят. Я услышала его ответ по-английски: «Как раз собираюсь лишить девственности одну соплячку». В ту же секунду мое желание остыло.

Я встала, надела блузку и вышла. Больше я никогда с ним не виделась. Он звонил мне много раз, но я холодно просила, чтобы он не настаивал. Испытывала адские муки, но уступать не хотела... Мужчины – негодяи, а их тон, их выражения отворотисты!» (там же).

«Соплячка» уже в пятнадцать лет смогла себе позволить купить дом с усадьбой в пригороде Мэзон-Лаффит, что в 30–40 минутах езды от Парижа. Секрет своих тогдашних финансовых возможностей она объясняла просто: «Гонорар за 12 картин в Италии. Мы там работали по 15 часов в день... Я совершенно ни на что не тратила, экономила, не одевалась, не ела в ресторанах и т. д. Но зато вся семья получила возможность здесь жить... Мама моя, мои сестры, все наши дети, – а у нас их 14 – жили в этом доме...» (см. Э.Рязанов. Эльдар-ТВ, или Моя портретная галерея. М.: Вагриус, 2002).

Встреча со знаменитым актером и режиссером Робером Оссейном перевернула жизнь Марины Влади. Как он утверждал, в четырнадцать лет Марина «уже умела все...». Оссейн – он же Роберт Андреевич Гусейнов – был сыном иранца и русской матери, которые сбежали в Европу из дореволюционного Туркестана. Он свято верил, что обладал даром царя Мидаса: все, к чему он прикоснется, превратится в золото, драгоценность. Роберт Андреевич вспоминал: «Когда я впервые увидел Марину Влади, она была совсем ребенком... Я хорошо знал ее старших сестер: уважал ум и такт Ольги, дружил с Элен Валье, играл в театре «Старая голубятня» вместе с Одиль Версуа... Марину же

впервые увидел «маленькой мышкой» – балеринкой в парижской «Опере». Белая, розовая, острая на язычок! К пятнадцати годам Марина была дьявольски красива! Я был на десять лет старше, но при ней робел, словно мальчишка... Я готов был на что угодно, лишь бы обратить на себя внимание...» (П. Розварин. Граф де Пейрак, выходец из Туркестана // Время новостей. № 47. 19 марта 2003).

Оссейн знал только один способ, как привлечь к себе внимание юной красотки: пригласил ее участвовать в картине «Негодяи отправляются в ад» (или «Мерзавцы спускаются в ад», что сути не меняет). Фильм приносит Марине мировую известность. Потом Жорж Лампен пригласил успешную пару сняться в «Преступлении и наказании». Марине была предложена роль Сонечки Мармеладовой (во французской версии – Лили), Оссейну – Раскольников.

В семнадцать Марина выходит замуж за Робера, своего партнера, режиссера и любовника.

Поначалу мама рвала на себе волосы и голосила: «Муж, дети, это – конец карьеры! Живи с ним, раз уж случилось, но не посвящай ему всю себя!» Как признает Марина: «Он был идеален: творец, режиссер, актер. И так красив!» В 1957 году Марина вместе с Робером впервые посещает таинственную страну, в которой появились на свет ее родители. «Мой успех был необычайным, и Робер не мог этого вынести. Он не покидал гостиничный номер, а я одна разъезжала по приемам, пресс-конференциям. Все, что я говорила, вызывало восторг, аплодисменты...» (М. Влади. Бабушка).

Вскоре они расстались. Причины разрыва были, конечно, не только в ревности Оссейна к популярности супруги. Много позже, беседуя под оком телекамеры с въедливым и дотошным Эльдаром Александровичем Рязановым, Марина объясняла: «У меня были надежды иметь шестеро детей, организовать свой театр. А он стремился только делать кино. Детей иметь не хотел... Просто мы были очень молодые... И после пяти лет совместной жизни разошлись». Оссейн же объясняет разрыв другими причинами, более прозаичными: «Огромное гнездо Поляковых в Мэзон-Лаффит, вечно полное людьми, шумом и застольем... Как в забытой русской сказке, слезы перемежались радостью, праздник ностальгией... Но был ли этот уютный дом с властной, волевой тещей моим? Было ли в нем место для меня? Едва я спрашивал Марину: «Ты меня любишь?» – не дослушав моего вопроса, она на сто ладов отвечала: «Да, да, да!» Когда я почувствовал, что играю роль любящего главы семьи, которой у меня нет, я решил прервать этот спектакль, как неудачно поставленный самой

жизнью... Расставались мы достаточно болезненно, но сейчас раны зарубцевались. Мы сегодня близкие друзья... Иногда перезваниваемся...» (П. Розварин. Пессимист, полный жизни // Время новостей. № 47. 30 июня 2002).

Она успела родить ему, «соблазнителью лолит», двух сыновей, Игоря и Пьера. Следующий – Владимир – появился от второго мужа Марины летчика Жан-Клода Бруйе, совладельца авиакомпании в Габоне. Он был «настоящий такой мужик. Авантюрьер... Гасконец к тому же... Он сотни людей спас на своем маленьком самолете... Перевозил больных людей. Доставлял их в больницы...» (там же). С Бруйе, построившим в Африке множество аэродромов, она вкусила прелести жизни в настоящей роскоши, радости путешествий, морских круизов под парусами яхт. У них был самый красивый дом на юге Франции. В 1965 году супруги стали гостями очередного Московского кинофестиваля. Французская журналистка Патриция Гальяно в статье «Начало четвертого» с парижским изяществом описывает их тогдашние супружеские отношения: «Он... мечтал держать ее под стеклянным колпаком, как прекрасную статуэтку...» (август 1982).

Марина Влади с первым мужем Робертом Оссеином

Марина Владимировна признавалась ей, что «всегда искала в своих мужьях нечто, напоминавшее бы моего отца. Но твердость и защиту, которые казались найденными в таком человеке, лишенном предрассудков, как Робер, или в героическом пилоте, как Жан, – все это мне дал только третий муж – Владимир Высоцкий...».

После неполных трех лет брака с Бруйе личная жизнь Марины Влади вновь потерпела фиаско. Ей было невозможно без

съемок, без театральных кулис, юпитеров, софитов, интервью, аплодисментов, кинофестивалей. Ей сопутствовал успех. А Бруйе ее успех мешал.

Ее приглашают лучшие режиссеры мира – Орсон Уэллс, Джузеппе де Сантис, Жан-Люк Годар, Роже Вадим, Кристиан Жак, Пьетро Джерми, Этторе Скола, Мишель Девиль... Ее партнерами становятся первые звезды экрана – Марчелло Мاستроянни, Жан Маре, Уго Тоньяцци, Бурвиль, Лино Вентура.

Еще в 1954 году она было удостоена премии Сюзанны Бланшетти, которую вручают во Франции самой талантливой актрисе года. А затем кинонаграды сыпались на нее золотым дождем.

Будучи натурой деятельной и самостоятельной, Марина всегда стремилась быть в центре общественной жизни: лет в пятнадцать участвовала в студенческих демонстрациях против войны в Алжире, то вдруг потом стала феминисткой и поборницей легализации абортов, то начала воевать за права французских бомжей и беспризорных иммигрантов.

В 1968 году Влади вступает в ряды Французской компартии и становится вице-президентом общества дружбы «Франция – СССР». Впрочем, эти последние поступки вряд ли содержали истовый идеологический порыв. Партбилет и вице-президентство были нужны ей, прежде всего чтобы залегендировать свои частые визиты в Россию на randevu с московским возлюбленным. Заодно Марина получала допуск в самые высокие кремлевские кабинеты.

* * *

Есть момент истины. И, оказывается, есть его географическая точка – Москва. Как писал Маяковский? «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва...».

Российская столица влюбилась в «русскую парижанку» молниеносно, как только в прокате появился фильм «Колдунья» по мотивам купринской «Олеси» (во Франции он вышел на экраны в 1955 году, в Советском Союзе, естественно, на два года позднее). А еще раньше, в 1953 году, советский кинематограф в лице режиссера Сергея Юткевича протянул ей руку помощи на Каннском фестивале, когда бдительные и высоконравственные французские ажаны пытались не пустить несовершеннолетнюю Марину на церемонию вручения фестивальных призов. Они даже не подозревали, что юной женщине была присуждена престижная премия кинокритиков за лучшую женскую роль в фильме «Перед потоком». Спас положение Юткевич. Член международного жюри,

используя свой авторитет и обаяние, провел будущего лауреата в зал. Их встретили овациями...

Впервые идея привлечь Марину к съемкам в Москве возникла еще в середине 60-х годов. Маститый киносценарист Алексей Каплер и талантливая поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина написали сценарий для «Мосфильма» о героине французского Сопротивления, русской княгине Вики (Вере Аполлоновне) Оболенской, которую фашисты обезглавили в своей тюрьме. Советское правительство посмертно наградило Оболенскую орденом Отечественной войны, французское – орденом Почетного легиона. На роль Вики планировали взять Влади. Алексей Каплер рассказывал: «Мы надеемся, что это совпадет с желанием актрисы: на Московском кинофестивале она говорила, что мечтает сыграть героическую роль...» (Л. Пажитнова. Возвращение на Родину // Советский экран. № 8. 1966).

Но что-то там не заладилось, проявились обычные бюрократические причуды, начались обидные проволочки, долгие-долгие переговоры, всяческие препоны, вопросы о благонадежности и лояльности (не Влади – убитой Оболенской) по отношению к СССР – и сценарий благополучно «похоронили» в пыли архивов киностудии.

Затем у режиссера Петра Тодоровского возникла мысль снять Влади в своем фильме «Загадочный индус» (вышедшем на экраны под названием «Фокусник») в роли учительницы французского языка. Но опять не случилось. Хотя с советским кино Маринина судьба таки переплеталась – например, она дублировала Наташу Ростову во французской версии картины «Война и мир» Сергея Бондарчука (М. Долинский, С. Черток. Три сестры в «Трех сестрах» // Советский экран. № 1. 1967).

Однако приблизимся к истории знакомства.

19 июля 1967 года. Фотохудожник Игорь Гневашев утверждает, что Высоцкий влюбился в Марину... в коридоре, за кулисами «Таганки» (думаю, раньше. – Ю.С.). Но, по его словам, после репетиции «Пугачева» Влади провела туда Ия Саввина. Высоцкий случайно шел навстречу, увидел Влади – и все, «мгновенно, с ходу...

Увидел «колдунью», чуть опешил и, маскируя смущение, форсированным, дурашливо-театральным голосом: «О, кого мы видим!» Она остановилась: «Вы мне так понравились... А я о вас слышала во Франции... Говорят, вы здесь страшно популярны...». Потом всей кучей сидели в его гримерке, пили сухое вино, и он, конечно, взял в руки гитару...» (Ю. Гейко. Я жив, двенадцать лет тобой храним // Комсомольская правда. 4 января 1992).

Марина Влади в театре на Таганке. 1967 г. Фото А. Гаранина

А вот Николай Лукьянович Дупак утверждает, что знакомство Влади с Владимиром произошло именно в его директорском кабинете в Театре на Таганке (Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988). «Познакомились-то Володя с Мариной после спектакля «Жизнь Галилея» в моем кабинете, а не в знаменитом любимовском...» (А. Белый. Экс-директор Театра на Таганке Николай Дупак // Новые Известия. 22 июля 2004).

Сама же Марина Владимировна рассказывала так: «Я увидела его в «Пугачеве»... Он очень сильно играл... Ну, а после представления пошли все вместе обедать. Володя сел рядом, глаза – в мои глаза. А потом: «Знаете, я люблю вас, и вы будете моей женой». Подобное от многих я слышала не раз. И потому лишь улыбнулась. А любовь пришла позже – мы поженились через полтора года...» (С. Чесноков. Боль, горечь, любовь // Ленинградская правда. 3 марта 1989).

И еще Марина писала: «...Мы смотрим друг на друга, как будто всегда были знакомы. Я знаю, что это – ты...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989). «Я приехала в 1967 году в Москву на кинофестиваль, и вместе с Максом Леоном... пошли в театр на Таганку. Макс знал Володю, после спектакля он нас познакомил, потом мы поехали в ресторан ВТО, а затем сидели у Макса на квартире, слушали, как Володя поет. Мы подружились...» (Д. Якушкин. М. Влади: «Он сам рассказал о себе лучше всех» // Московские новости. 25 января 1987).

Станислав Говорухин вспоминал: «Макс Леон сказал ей: «В Москве сегодня один театр – на Таганке, и в нем – Высоцкий». В тот вечер Марина смотрела «Пугачева». После спектакля Володя пел ей....Я спросил ее:

– Скажи – что он тебе говорил в первый вечер?

Марина засмеялась:

– Ты что, не знаешь своего друга? Он же такой наглец был. Сразу сказал: «Будешь моей женой!» Я только посмеялась тогда...» (Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988).

Правда, потом в интервью Би-би-си 25 января 1984 года Марина Владимировна почему-то оговорила, что поводом для знакомства был спектакль «Маяковский»: «В то время я плохо еще говорила по-русски и не могла ему сказать, как я считала, какой он гениальный актер и замечательный поэт. И потом мы долго дружили полтора года. То есть это не было такой, как говорится, кутфуа... Я думаю, что он был влюблен. Но больше в миф – «Марина Влади», чем в меня, женщину, в первый день. А потом мы стали дружить и так – потихоньку – влюбились. По-настоящему... Он был небольшого роста, такой серенький, блондин (? – Ю.С.), немножко кругленький тогда был. То есть он не был красавчиком, но он был жутко талантлив. Вот мои первые впечатления...».

Всеволод Абдулов искренне считал, что «это была необычная любовь... Мне посчастливилось видеть эту удивительную, великую любовь двух красивейших людей, я помню, как она вспыхнула в одночасье. В 1967 году мы с Высоцким снимались в Одессе, он то и дело уезжал в Москву, играть спектакли. И вот однажды он приехал с каким-то особым блеском в глазах и стал мне рассказывать про Марину. Это было заразительное чувство, и любовной волной тогда накрыло многих Володиных товарищей...» (К. Романенкова, Т. Алексеева. В. Абдулов: «Пять браков – это не предел» // Экспресс-газета. 30 июля 2002).

Нет оснований не доверять зоркости и наблюдательности фотографа-профессионала Гневашева, который отмечал, что «... эта ураганная какая-то любовь, не допускающая даже мысли быть отвергнутой и тем не менее – безнадежная. Что была ей, французской актрисе с мировым именем, страсть барда с хриплым голосом, пусть даже суперпопулярного у себя на родине. Там, где сдавались без боя любые отечественные крепости, французский форт стоял непоколебимо. Не думаю, что это уязвляло его самолюбие, он был выше этого. Скорее это подхлестывало его еще больше, может быть, впервые за последние годы он встретил такое сопротивление – пить – так пить, любить – так королеву. Но она была «колдуней» –

говорили, что ее мужьям она приносила несчастья, утверждали, что ее первый муж – французский летчик – разбился, второй – югослав – тоже погиб от чего-то... За Володю волновались.

Он же просто шалел от любви. Таким он был совершенно беззащитен, все страдания легко читались на его лице, он буквально ее преследовал, но все было тщетно... Я... могу вспомнить, как уговаривала она украдкой откланивающихся гостей:

– Ребята, вы его уведите подальше от гостиницы, а то он возвращается и, это... ломится в номер» (Ю. Гейко. Я жив...).

Ремарка. Бруйе был, конечно, летчиком. Однако все же вторым, а не первым мужем Влади. Далее. Он вовсе не разбивался, а успешно процветал. А вот о втором муже – «югославе» – и вовсе никто слыхом не слыхивал. Словом, «обидно мне, досадно мне, ну, ладно...».

Романтично, с «перчиком» и эдаким душком русской экзотики югославский журналист попытался преподнести свою легенду знакомства Влади с Высоцким. По его мнению, дело было так: «Желая до нее добраться и обнять ее, он залез на фасад отеля, где она жила. Перелезая с этажа на этаж, с балкона на балкон, с выступа на выступ, он добрался до ее комнаты, и, когда возбужденная Марина отворила окно, он ей безо всякого прямо заявил: «Хочу на тебе жениться, хочу с тобой жить и быть твоим мужем». Но и Марина была с ним откровенна. Она резко сказала: «А я всего этого не хочу. Мне все это неинтересно. Я в тебя не влюблена. Нет смысла портить приятельские отношения, которые существуют между нами». Владимир исчез, и ночь он провел с друзьями. Он пил. Ему пришла в голову дурацкая идея: из-за любви к Марине поставить на карту свою жизнь, сыграть в «русскую рулетку». Вынув из кармана револьвер, он зарядил его двумя патронами и повернул вслепую барабан. Владимир нажал на курок. Револьвер не выстрелил...» (см. Судьба Марины Влади // Дуга (СФРЮ). № 9. сентябрь 1980).

Самая красивая пара Советского Союза на Московском кинофестивале. 1969 г.

Комментарии излишни. Когда фантазии круто переметаны с правдой, добраться до истины практически невозможно. Тем более что некоторые детали того самого ночного разговора Марина Владимировна косвенно подтверждала. Когда Высоцкий заявил ей о своих претензиях, она ответила: «Прежде всего, я несвободна. Во-вторых, я этого не желаю...» (см. М. Влади. Бабушка)

Дома ее ждали сыновья, новые дела, пора было возвращаться. Марина уехала, не дав Высоцкому и малейшего шанса на успешное продолжение знакомства. Тогда-то, летом 67-го, появляются горькие строки влюбленного поэта, страдающего от разлуки:

В душе моей – все цели без дороги,
Поройтесь в ней – и вы найдете лишь
Две полуфразы, полудиалоги,

Не берусь ни оспаривать, ни подтверждать версию Л. Симаковой о том, что Высоцкий и Влади познакомились в 1965 году во время очередного Московского кинофестиваля. В ее доказательство она цитирует слова преподавателя Школы-студии МХАТ Б.М. Поюровского, утверждающего, что тогда – 8 июля 1965 года – Рита Жигунова (жена Мариса Лиепы, во времена студенческие делившая комнату в общежитии с Изой Мешковой-Жуковой) после спектакля «Дон Кихот» пригласила своего старого знакомого Володю, Марину Влади и ее супруга Клода к себе домой на банкет (см. [www. avisov, com.ua](http://www.avisov.com.ua)).

Оставим это под знаком вопроса. Тем более что в воспоминаниях Марины Владимировны вероятность подобного знакомства напрочь отвергается: «...Когда в 1965-м я приехала на фестиваль в Москву, ты тщетно пытался встретиться со мной. По несколько раз в день ты ходил в кино смотреть хронику, чтобы увидеть меня хотя бы на экране. Короче, ты влюблен...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет...).

Гораздо забавнее «знакомит» Марину и Владимира в своих «воспоминаниях» некий Юрий Емельяненко: «...Гостиница «Метрополь». Володя с Севой (Абдулов. – Ю.С.) вдруг вспомнили, что там идет «Вертикаль», и пошли к кассам. А Марина спустилась из своего номера, чтобы тоже посмотреть этот фильм. Володя тут же представился: «Так кино ж про меня!» Марина глянула на афишу, на Володю – и точно. Пошли? Пошли! Ну, они молодые, веселые посмотрели фильм и прямо к Севе домой...» (Ю. Емельяненко. Он потрясал наши души // irrkut.narod. sh). Красиво, лихо, романтично. Только не было этого.

Киноактер Игорь Пушкарев в мемуарном задоре плел свои байки. Оказывается, узнав о приезде в СССР Марины Влади, Владимир поклялся своим друзьям, что станет ее любовником (см. Б. Кудрявов. Высоцкий завоевал Влади на спор // Экспресс-газета. 4 октября 2002). Вот фрагмент пушкаревского рассказа: «...Высоцкий... на спор сошелся с Мариной. Кажется, в 64-м она снималась в Советском Союзе в каком-то фильме у Юткевича. Мы тогда очень гордились: как же, Марина Влади-Полякова, она из наших. Для советских кинематографистов подобные съемки были чуть ли не первыми. Но тогда газеты раструбили, что француженка приехала со своим любовником – каким-то румыном, да еще с детьми и прислугой, это стало шоком. Они жили в разных гостиницах, в люксовых номерах, потому что западной звезде так полагалось по рангу. Володька, когда обо

всем узнал, сразу сказал: «Я Марину вы...бу!» «Ты что, сдурел?» – заорали друзья. И ведь поспорили! Тогда и появилась знаменитая песня про Влади в зоосаде...» (там же).

Я не имею права безоговорочно доверять свидетельствам Игоря Борисовича в силу многих обстоятельств. Прежде всего, из-за его болезненной путаницы с датами и фактами (скажем, съемки Влади у Юткевича были вовсе не в 64-м году, а гораздо позже, песня «Сегодня в нашей комплексной бригаде...» также появилась в иное время и по другому поводу и т. д.).

Недавно была обнаружена еще одна версия знакомства Владимира Семеновича и Марины. Оказывается, к этому событию приложила руку и звезда номер один советского кино 60-х годов актриса Татьяна Самойлова, которая сначала была удостоена «Золотой пальмовой ветви» престижнейшего Каннского фестиваля, а затем и «Оскара» за исполнение роли Анны Карениной.

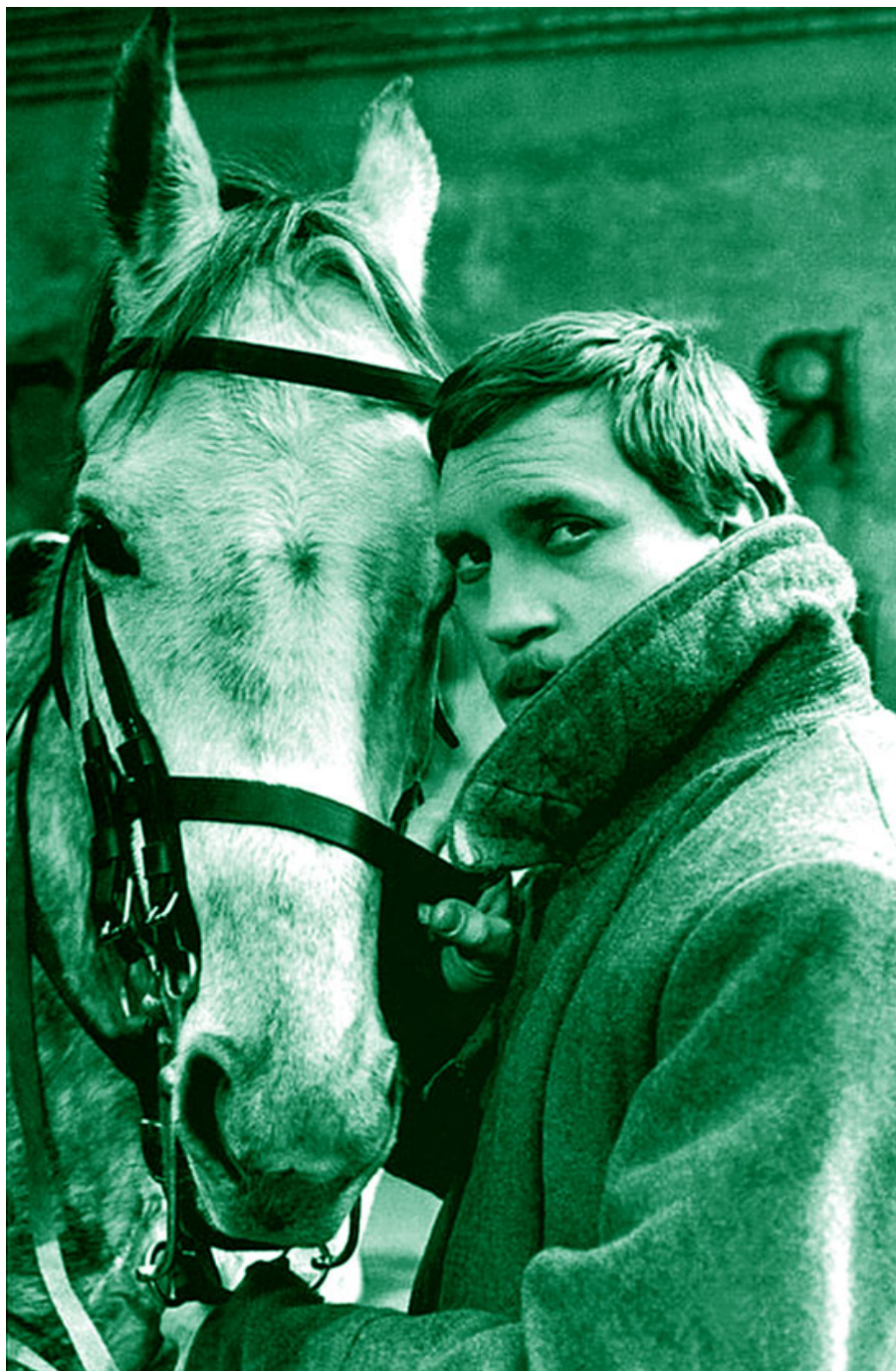
Как поведала Татьяна Евгеньевна, «не без моего содействия Марина Влади впервые приехала в Москву. Мы познакомились на показе фильма «Летят журавли». И когда наши киношные бонзы предложили Марине посетить Москву, она сначала засомневалась. Но мы ее убедили. Она приехала, познакомилась с Высоцким, и между ними вспыхнул роман...» (Ф. Медведев. Судьба Вероники // Версия. № 6 (279). 16–22 февраля 2004).

История любви Высоцкого и Влади была отмечена знаками сказочности, невероятности и... фатализма. Возможно, они-то и понудили Высоцкого прибегнуть именно к былинному стилю в описании их знакомства.

Как во городе во главном,
Как известно – златоглавом,
В белокаменных палатах,
Знаменитых на весь свет,
Воплотители эпохи,
Лищедеи-скоморохи,
У кого дела не плохи,
Собралися на банкет...

Буквально через несколько месяцев после их, в общем-то, мимолетного знакомства – в феврале 68-го – Марина вновь появляется в Москве. Режиссер-постановщик картины «Сюжет для небольшого рассказа» Сергей Юткевич решил закрепить старинное каннское знакомство с французской звездой творческим альянсом, пригласив ее на роль чеховской возлюбленной Лики Мизиновой. Партнеры по съемочной

площадке оказались более чем достойные – Ия Саввина, Юрий Яковлев, Николай Гринько, Ролан Быков, юная Катя Васильева!

В роли поручика Брусенцова в фильме «Служили два товарища». 1967 г. Фото Г. Байсоголова

Хотя известный кинокритик Семен Маркович Черток оставляет за собой авторство идеи пригласить на роль Лики французскую кинозвезду: *«В то время шли плохо дела и у Марины Влади. Не снимали, не звали – у актеров случаются разные периоды... Ия посоветовал Юткевичу (мы были хорошо знакомы) пригласить на главную роль Марину Влади. Он на мое предложение жутко купился: под французскую актрису можно было сделать совместный фильм, выбить дополнительные фонды...»* (П. Капшеева. Этюды Семена Чертока // natura.peoples.ru. Декабрь 1997).

«Девять месяцев съемок, холодная зима, – позже вспоминала Марина Влади. – Мы работали страшно медленно. Вначале это меня раздражало. В субботу – выходной, много времени, на мой взгляд, уходило даром... И только когда я поняла, что такое время «по-русски», мне стала ясна такая манера работать. Время – не деньги: человек видит перед собой бесконечность. Поначалу меня удивляло какое-то полное отсутствие у русских представления о времени: разбудить приятеля в три часа утра, прийти к нему только потому, что на тебя «нашла тоска», – они не считают ни невежливым, ни чем-то исключительным. Найдут время, чтобы выслушать, – столько, сколько нужно... Если бы я не была там счастлива, я бы не жила в Москве по полгода...» (Д. Якушкин. М. Влади: «Он сам сказал о себе лучше всех» // Московские новости. 25 января 1987).

Как рассказывал вездесущий Черток, тогда в Союзе еще не знали, как обращаться с иностранными актрисами, поэтому (на всякий случай!) ей дали правительственную машину – мы ужасно веселились...

Жена Николая Гринько Айше Рафетовна Чулак-Оглы часто вспоминала о съемках «Сюжета»: *«Коле она (Марина. – Ю.С.) нравилась. Рассказывая о съемках, он каждый раз прибавлял к ее портрету что-то новое: то она невероятная умница, то восемь языков знает, то необыкновенно проста... А однажды притащил мне от нее подарок: лучшую в мире канифоль «Пирастро» для моей скрипки!»* (Э. Косинчук. Вдова Николай Гринько: «Тридцать лет мы прожили с Колей и просили Бога только о том, чтобы не отнял у нас любовь» // Факты и комментарии. 27 апреля 2000).

Между тем Высоцкий возобновил осаду. Это ему дорого обходилось: свои крупные счета предъявляла «Таганка». Перед Любимовым за Высоцкого хлопотал режиссер-постановщик «Сюжета...» Сергей Юткевич, говоря, что это он виноват, недоглядел, не удержал... Словом, нес вздорно-преlestную чепуху.

Марина с теплотой вспоминает о своем российском житье-бытье: «В Москве я живу в среде художников, артистов, писателей. Все знают друг друга, часто встречаются, беспрестанно обмениваются мнениями... Это мое счастье: я всегда любила принимать у себя веселую банду друзей... По-русски говорят – «компания», что гораздо красивее... Часами оставаясь вместе, не скучают, философствуют за стаканом вина (это чисто по-русски), потом гитара, песня... Однажды во время съемок Он появляется немного подшофе. Я говорю: «А вот и мой паренек!» Я находила его симпатичным, немного смешным, кем-то вроде «середнячка». «Русский молодец» небрежно одет, коротко стрижен. Он невысок и круглоголов. И вдруг он меня приглашает танцевать. Он пытается поцеловать меня в шею! Я хохочу, как бы говоря этим: «Но послушайте, нет, как же так?!» Потом он говорил мне, что был этим ужасно раздосадован. Это было так смешно! Мне казалось совершенно немыслимым, чтобы наши отношения были иными, нежели дружескими» (М. Влади. Бабушка).

Поклонники следовали за Мариной по пятам. И какие! За ней увивались самые знаменитые, самые модные, самые именитые на ту пору кинорежиссеры, актеры, поэты, писатели, художники, успевшие привыкнуть к тому, что обычно именно к их ногам падали поклонницы, а не наоборот. В случае с Мариной им самим приходилось вспоминать подзабытые амурные приемчики юных лет, пыхтеть, пыжиться и напрягаться.

Даже после того, как постоянным спутником Влади стал Высоцкий, преследования не прекращались. Но все – без толку, словно Марину внезапно окружила стеклянная, но абсолютно непрошибаемая стена.

Более того, и имя главного сердцееда Москвы с сибирской станции Зима Евгения Александровича Евтушенко не могло перевесить чашу весов в его пользу. В конце концов, осознав свое окончательное фиаско, Евтушенко, даря свой сборник «Идут белые снега», вынужден был сделать такую дарственную надпись: «Марине и Володе, чтобы, даже разлучаясь, они не разлучались никогда. Ваша любовь благословенна Богом. Ради него не расставайтесь. Я буду мыть Ваши тарелки на Вашей серебряной свадьбе. Женя Евтушенко» (см. Е. Гик. Математика на шахматной доске // Спортивная жизнь России. № 01. 1998). Он искренно верил в то, что «был первым, кто ей сказал о его существовании. У меня была идея, я рассказал ей историю Володи и сказал:

– Марина, ну что тебе стоит, познакомься с ним.

Она это запомнила, но потом ни разу об этом не упомянула» (М. Цыбульский. О В. Высоцком вспоминает Е.А. Евтушенко // v-vysotsky.narod.ru).

Напрасными были и потуги преуспевающего кинорежиссера Андрона Михалкова-Кончаловского (наследника автора гимна СССР, сотен басен и «Дяди Степы»), считавшего себя наследником классиков неореализма, ехидно поизмываться над «плебеем Высоцким, вырядившимся в нелепые для ресторана кожаные джинсы», эффекта они не производили (см. А. Кончаловский. Возвышающий обман. М.: ТОО «Совершенно секретно», 1999).

Евгений Евтушенко не смог покорить сердце Марины Влади

Марина стихи слушала, скептическим замечаниям сноба-режиссера внимала, ласково кивала, улыбалась, но только – Высоцкому. Наблюдательный журналист из «Комсомолки» Ярослав Голованов, уже тогда примерявший на себя одежды Нестора-летописца, в своих записных книжках осенью 68-го записывал: «Ужинали в полупустом ресторане. В другом углу веселились Володя Высоцкий с Мариной Влади, Толя Гладиллин, Вася Аксенов... Очень хотелось к ним присоединиться, да своих бросать неловко...» (см. Заметки вашего современника // Комсомольская правда. 13 февраля 1999).

Но все же от приглашений посетить столичные «великосветские дома» Марина Владимировна никогда не отказывалась. Актер Евгений Стеблов рассказывал: «Марина Влади и художник Коля Двигубский (дальний родственник Влади. – Ю.С.) как-то заехали на Николину к Михалковым. Никита купил барана по случаю у деревенского парня. Шашлык восхитительный получился в камине – словно в горах среди бабочек и цветов... Обаятельная, рассудительная, в очках, совершенно не походила на свою колдунью из знаменитого фильма. Завели музыку. Твист. Марина предложила мне танцевать. Я сказал: «Не хочется», потому что стеснялся. Марина, похоже, не привыкла, чтобы ей отказывали, и самолюбиво, по-женски употребила на меня специальное время. Я сдался и вистовал вместе с ней, как мог. Спать разошлись далеко за полночь. Поутру завтракали на веранде: Никита, я и Сергей Владимирович. Несколько позже появилась Марина. Двигубский уже уехал рано в Москву с Андроном, который приехал накануне довольно поздно, и мы его не видели. За столом все молчали, чувствуя неловкость оттого, что под глазом у Марины был синяк. Спросить ее никто не решался. Но то был синяк от удара или ушиба. Что произошло – никто ничего не понимал. Наконец заговорила Марина:

– Как вы можете, Сергей Владимирович! Вы – известный писатель, общественный деятель. В Европе, вообще в цивилизованном обществе это выглядит дикостью! Антисемитизм – дикость и атавизм! Вы антисемит!

Сергей Владимирович был явно ошарашен и видом Марины, и ее монологом. После ее ухода он еще помолчал некоторое время, а потом сказал:

– Вот то-то-то-тоже. Приехала – ест, п-п-п-ьет и еще оскорбляет!

Позже выяснилось, что столь резкий выпад Марины объяснялся каким-то нелицеприятным высказыванием Сергея Владимировича во французском посольстве в адрес Лили Брик. Но происхождение

синяка осталось неясным,» (Е. Стеблов. Никита // Независимая газета. 27 апреля 2000).

Дался ему этот синяк, ей-богу...

В русском языке есть такой забавный глагол – «домогаться». Так вот, Влади действительно домогались. Все кому не лень. А таких находилось немало. Завсегдатаи ресторана Дома литераторов вспоминают один из новогодних вечеров. За праздничным столом уютно сидели Высоцкий с Мариной и Игорем Кохановским. На Влади, естественно, паялились все посетители ресторана. Но особенно упертым оказался писатель Александр Рекемчук. Дождавшись, когда Кохановский выбрался из-за стола и направился в туалет, Рекемчук, не вполне твердо державшийся на ногах, ухватил за рукав автора «Бабьего лета»: «Гарик, познакомь меня с Мариной Влади!» «Пусть Володя тебя знакомит», – отрезал поэт. «Да я и с ним не знаком...», – замылся Рекемчук. «Ты не знаком?! А кто ночью за водкой на грузовике ездил?» И тут Рекемчук вспомнил: было! Действительно, было... (см. А. Яхонтов. С Новым годом! // МП-Квартирный вопрос. № 1. 4 января 2002). Всякие случались истории. Не менее примечательная произошла с другим посетителем ЦДЛ, поэтом Сеней Сориным. В тот вечер спутниками Марины Влади были известные дамские угодники, писатели и остроумцы Василий Аксенов, Анатолий Гладилин и Георгий Садовников. Сорин был не из круга, у него была своя компания. Сомнамбулически бродя по залу, непризнанный поэт неожиданно для себя обнаружил прямо перед собой французскую кинозвезду. Он уселся за ее столик и... уснул. Бахус шалил. Спустя некоторое время Марина стала прощаться с приятелями, по очереди пожимая каждому руку. В этот момент Сорин очнулся, увидел протянутую руку и – лизнул. Все обалдели. И Марина в том числе. Но Сорин знал, что он делает. Он неторопливо достал из кармана химический карандаш и написал на Марининой ладошке (на том месте, которое лизнул) свой телефон. Компания расхохоталась, Влади тоже...

Тонкий ценитель женской красоты, поэт и сценарист, отец-основатель жанра российской авторской песни (вспомните хотя бы «Одессу-маму» или «Я в весеннем лесу пил березовый сок...») Евгений Агранович не устоял перед чарами французской звезды и принялся придумывать самые разные способы знакомства с Мариной Владимировной. Наконец фантазия сработала: его соседом и приятелем был кинорежиссер Михаил Богин, который, в свою очередь, был в добрых отношениях с Ией Саввиной, партнершей Влади по фильму Юткевича. Богин упросил Ию организовать визит Марины в гости к Аграновичу, который

помимо бардовских талантов обладал еще массой достоинств: был интересным собеседником, талантливым резчиком по дереву и кости, наконец, искусным кулинаром. «Птичка» попалась в силки, ей просто было интересно.

«Марина пришла после съемок сама, – изумлялся Агранович, – по-московски с двумя сумками, где были ее вещи. В простеньком пальто, в больших очках, подколол волосы. Выглядела совершенно обыкновенно – как москвичка из очереди, – спокойно проехала в метро... Марина ходила по квартире, рассматривала мои работы. «Поставила бы ты это у себя в квартире в Париже?» – спросил я об одной вещице. «Да», – и я ей эту фигурку подарил... Я приготовился к приходу Марины: сделал колечко из самшита... Я вырезал на нем женское лицо под наполовину сдвинутой маской – изобразил актрису. Колечко пришлось впору и очень Марине понравилось... А часа через два появился после репетиции Высоцкий с гитарой... Он ввалился в подъезд и прохрипел: «Где моя жена?» (они с Мариной тогда только женихались...)... Было видно, как он любит Марину. Он пел для нас, но и для нее. Хотел завести и ее спеть, еще не зная тогда, что она тоже поет...» (www.aviso.kiev.ua).

В Париже

Само собой, стол ломился. Соседи постарались, да и сам Евгений Данилович не хотел подкачать. Его фирменным блюдом был зеркальный карп, запеченный в сметане с молодой картошкой и зеленью. «Высоцкий, – рассказывал хозяин дома, – все

удивлялся: пока он поет, я сижу разинув рот, как только начинается треп, я исчезаю. Он говорит: «Что ты все бегаешь?» Я отвечаю: «Вот зеркальный карп, по-монастырски запеченный. Это не стихи писать, стихи любой дурак напишет, а это уметь надо». И они как-то серьезно это выслушали».

Жена исполнителя роли Чехова в «Сюжете...» Айше рассказывала: «Как-то в перерыве съемок... мы с Мариной шли обедать, и она позвала меня в дамскую комнату... Она стояла в уголке, что-то поправляла и вдруг говорит: «Айше, что мне делать?» Она в это время решала свои отношения с Володей. Я говорю: «Как что делать? Если ты его любишь, он тебя тоже, так при чем тут другие?» – «Понимаешь, много сложностей». И тут я увидела такие глаза! Русалочки, горячие, страстные. Обычно у нее они невинные, голубые, а тут – зеленые! Никогда их не забуду...» (Г. Видова. М. Влади: «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня. № 1031. 10 декабря 2001). Айше Рафетовна не скрывала: «Мы с Мариной подружились. Она мне рассказывала о трудной любви к Володе, я ей – о нас с Колей. До сих пор переписываемся с ней. Когда Коля болел, она привозила ему лекарства из Франции, нежно называла Нигри...» (см. Э. Косинчук. Вдова Николая Гринько...).

Затем был тот легендарный самый вечер у Макса Леона. Игорь Гневашев утверждает, что тогда-то и родился настоящий Высоцкий. Он пел «Охоту на волков» и весь свой ошеломляющий цикл 68-го.

Все!

Марина полюбила его в мгновение... Уже после регистрации брака ее шутя и всерьез спрашивали:

– Ты что, во всей Франции не смогла найти себе мужа?

А она точно так же отвечала:

– Там – шарман, здесь – мужик (Ю.Гейко. Я жив...).

Об этой вечеринке Валерий Золотухин рассказывал: «15.10.68. Ну, вот, погуляли, значит, мы в тот день с французами, понаделали забот. Во-первых, не хотела ехать жена – «не хочу и все, потом объясню... там будет эта... Влади, я не хочу ее видеть, я прошу тебя туда не ездить»... Как-то мне удалось ее уломать, а теперь думаю – зря... Посещение Макса должно было состояться втайне от Иваненко, по крайней мере присутствие там Володи. Танька с Шацкой потихоньку у меня по очереди выводывали, должен ли быть там Высоцкий... Кончается спектакль, стоит счастливая и говорит, что ей звонил Володя и «все мы едем к Максус... машина нас уже ждет. Приехал за нами его приятель»... Меня это обескуражило, честно говоря, но я подумал: а что? Высоцкий не такое выкидывал, почему бы и нет? А вдруг так

захотела Марина или он что-то замыслил. Но всех нас надула Танька, а меня просто сделала, как мальчика. Мы приехали к Макс, когда там не было еще ни Володи, ни Марины, и весь обман мне стал ясен... А когда вошли счастливые Марина с Володей, и я увидел его лицо, которое среагировало на Таньку, я пришел в ужас: что я наделал и что может произойти в дальнейшем... Танька сидела в кресле, неприступно-гордо смотрела перед собой в одну точку и была похожа на боярыню Морозову...» (В.Золотухин. Секрет Высоцкого. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2002).

Наибольшее впечатление на коварно отвергнутого Золотухина (кроме, разумеется, Марины Влади, французской кинозвезды – существа с другой планеты) произвела медвежья шкура на полу и множество всяких экзотических по тем временам напитков (см. Д. Асламова. Новые приключения дрянной девчонки. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999).

Кое-кто из гостей припоминает, что поначалу французская гостья даже обрадовалась свиданию с Татьяной и Ниной, все приговаривая: «Девочки, как хорошо, что вы пришли!» А закончился вечер традиционно, а *la russe*, то бишь со скандалом. «После литры выпитой...», когда все были уже изрядно подшофе, «разборки» затеяла Таня Иваненко, которая заявила Марине Влади, что ОН мой – и только и завтра же придет ко мне. А Марина, не собираясь демонстрировать свои отношения с Володей, вовсе не стремилась возражать, спорить, а только спрашивала Таню: «Девочка моя, да что это с тобой?» Высоцкий пытался вмешиваться в перепалку, то затыкал рот Татьяне, то вдруг сорвал с Марины колесо и рассыпал сверкающие жемчужины... В общем, было «весело». Угломонились только к трем часам, когда одному из гостей – кинорежиссеру Анхелю Гутьерресу удалось в конце концов увести Татьяну домой. А Высоцкий поймал молоковоз и отвез в гостиницу Марину и в ее номере благополучно уснул.

Гостеприимный дом Макса Леона всегда был открыт для гостей с «Таганки». Обычно все начиналось после ужина в ВТО. Пили водку, пели песни. Высоцкий – свои, Золотухин – русские народные. Марина подпевала. И всем было хорошо.

Макс Леон, Марина Влади и Владимир Высоцкий

Разудалые вечеринки устраивала и Влади в своем гостиничном номере. Журналист Черток с легкой ностальгией вспоминал: *«В Москве проходил международный кинофестиваль... Однажды мы большой компанией, где был и Высоцкий, допоздна засиделись... Валяли дурака, веселились; я им Гитлера показывал с расческой – свой коронный номер... На следующее утро дирекция фестиваля проводила ежедневную «летучку». Там был и мой шеф, редактор журнала «Советский экран» Дмитрий Сергеевич Писаревский. Эта мерзкая тетка, за мной шпионившая, злорадно говорит: «Я предлагаю Чертока отозвать с фестиваля и запретить ему работу с иностранцами: его ночью выволакивали из спальни французской актрисы Марины Влади. Сами понимаете, как он нас всех скомпрометировал». Все насторожились, смотрят на моего редактора. Он встал и в полной тишине четко произнес: «Я никогда не запрещаю своим сотрудникам е...ь французскую актрису Марину Влади!» Раздался такой гомерический хохот, после которого придирайтесь ко мне было просто невозможно...» (П. Капшеева. Этюды Семена Чертока...).*

Но вновь дела семейные, киношные и прочие постоянно тянули Марину Влади домой, во Францию.

«...Птицы на запад уносят любимых...», – тихо злился в стихах Высоцкий. Моменты ее отлучек его терзают чуть не физически. Он не выдерживает, звонит в Париж. Маринина мама,

наблюдая во время странного телефонного разговора за дочерью, говорит ей: «Ты влюблена...». Наплевав на возможную чопорность семейства Поляковых, Высоцкий пишет отчаянно-нежное письмо будущей теще: «Дорогая Милица Евгеньевна!» Марина рассказывала: «Она каждый день читала мне твои письма, потому что я еще не умела тогда бегло читать по-русски...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет...).

Он пытается *«от себя бежать, как от чахотки...»*. Без предупреждений и звонков внезапно (даже для себя) улетает на «край края земли» – в Магадан, где в местной газете трудится его друг-приятель еще со школьной скамьи Игорь Кохановский. Высоцкому казалось, что именно этот человек должен понять все его проблемы. «Проговорили мы всю ночь, – вспоминает Кохановский. – Тогда я узнал, что Володя влюбился в Марину Влади. Но я как-то не придавал особого значения этой новости, так как родилась она, насколько я мог понять, во время... загула. А в такие периоды с Володией могло произойти все что угодно и прекращалось сразу же, как только прекращался и сам загул. Я подумал, что и на сей раз с этой новоявленной любовью будет то же самое...» (И. Кохановский. «Письма Высоцкого» и другие репортажи на радио «Свобода». М.: Физкультура и спорт, 1993).

Ничего-то так и не понял Кохановский в своем друге.

Тогда Высоцкий буквально силой поволок Игоря Кохановского на магаданский почтамт: звонить Марине в Париж. Представляете линию Магадан – Париж?! То-то. Но Высоцкому удалось обаять телефонистку, наговорив массу приятных вещей и комплиментов. Она таки связалась с Москвой. Там посмеялись и сказали, что сделают это, только если разговор закажет сам Ален Делон. Или в крайнем случае Бельмондо. Ни на того ни на другого Высоцкий явно не тянул. «Володя был с хорошего похмелья, – помнит Кохановский. – Это было заметно даже не посвященному в происходящее накануне. К тому же он был небрит – с утра не мог заставить себя побриться... Володя как-то быстро успокоился и стал рассказывать, какой Марина в Москве произвела фурор, и как за ней увивались и Женя Евтушенко, и Вася Аксенов, и еще – какой-то режиссер с «Мосфильма», и как она всем этим знаменитостям предпочла его... «Нет, еще ничего не было. Но, кажется, будет...» (там же).

Потом он упросил друга позвонить «Люсечке» и сказать, что он у него и с ним все в порядке. Кохановский просьбу исполнил. Люся отвечала устало и как-то обреченно, сказав, что уже разучилась волноваться. Но все же напонила, что Володю послезавтра ждут съемки в Одессе. На следующий день Кохановский усадил Высоцкого в самолет, вручил стюардессе

коньяк и попросил давать его уставшему артисту только в крайних случаях и очень маленькими дозами...

В Одессе «уставшего» артиста действительно ждали. Продолжались съемки «Двух товарищей». Но и там он думал только о Марине. Но, может, это помогало входить в образ? Он был суров, малоразговорчив, нелюдим. А потому шокировал Инну Кочарян, когда внезапно подошел к ней на пляже и предложил: «Иннуля, надо поговорить... Слушай, у меня роман с Мариной Влади...». Когда об этом узнали в съемочной группе, все просто умирали от хохота. «У него роман с Мариной Влади. Это какая Марина Влади? Подпольная кличка «Как ее зовут?». Никто не поверил...» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988). И зря...

* * *

«Соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял!» – предлагал возлюбленной поэт. Первым «раем в шалаше» для них оказалась роскошная квартира Абдуловых в центре Москвы, на улице Горького, в знаменитом доме, стены которого могли бы успешно заменить мемориальные доски. «Мы, – вспоминает Марина, – тут в первый раз вместе жили, как говорится. И Севочка одолжил нам свою комнату. Меня трогает очень это место. Оно полно воспоминаний...» (Н. Крымова. Владимир Высоцкий // ОРТ. 30 мая 1987). Она очень целомудренно описывала тот знаменательный день и свои чувства к Владимиру: «Мы обедали у одного из его друзей. И я говорю ему: «Я остаюсь с тобой». От радости он безумствует. Я тоже. И так тихая любовь становится страстью. Я действительно встретила мужчину моей жизни... Мне всегда думалось, что в мужчине я искала своего отца. И вот в Володе есть что-то от бесконечной преданности, одаренности, от личности исключительно общей с моим отцом...» (М. Влади. Бабушка).

Владимир Высоцкий, Марина Влади и Всеволод Абдулов

Их совместная жизнь была переполнена и высокой поэзией, и пресной прозой. Как считает кинорежиссер Геннадий Полока, «Марина вела себя мудро, осторожно, тактично. В любой ситуации вела себя прекрасно. Хотя я помню дачу, когда сидит Марина, через два места сидит Иваненко, через три места Абрамова... Помню сдачу «Интервенции»... Рыдала Абрамова, рыдала и обнимала Володю, хотя они уже расстались. Очень взволнована была Марина, но скромно, только пожала ему руку и второй раз поехала посмотреть картину уже с Юткевичем на «Мосфильм». В тот же день...» (Ленинград, встреча со зрителями, 1983).

Марина Влади всегда в превосходной степени говорила о своем «Володье»: «Он было очень-очень нежный. С ним было так легко жить. Когда он не пил, конечно. Когда был в своем нормальном состоянии, он был мягким, добродушным, тактичным и очень щедрым. Он был работяга. Работал днем и ночью. В этом смысле он был очень сильным, но не был «твердым»» (24 часа. № 02. 1998). Ее слова словно бы перекликались с поэтическими признаниями мужа: *«Я не был тверд, но не был мягкотел...»*.

На девятинах умершего друга в доме Высоцкого кинорежиссер Александр Наумович Митта говорил: «Она спасала его от многих сложностей жизни. Но это не то, что она,

размахивая крыльями, порхала, как ангел, над семьей... Приезжает из Парижа молодая женщина, с двумя детьми под мышкой, один все время где-то что-то отвинчивает, второй носится, как кусок ртути... И Марина, спокойная, невозмутимая, сидит в этом будущем маленьком мире. Появляется Володя со своими проблемами и неприятностями. Она и этого успокаивает. А у нее свои заботы: она – актриса, талантливая, в расцвете, пользующаяся спросом, продюсеры отказываются с ней работать. Они отыскивают сложные контракты, а Марина отказывается... Она мотается из Москвы в Париж, из Парижа в Москву по первому намеку, что у Володи что-то не так, бросает все, детей под мышку – и сюда... Надо было сделать так, чтобы все эти сложности таились только в ней, чтобы они никому не были заметны, чтобы для Володи было лишь успокоение, только окружить его заботой... Володя был для нее главным, и мы все очень обязаны ее самоотверженности, ее доброте, ее мужеству...» (А. Митта. Москва, Малая Грузинская, 28. 2 августа 1980).

С Миттой был солидарен Михаил Жванецкий: «Насчет Володи Высоцкого знаю одно: почти всего в бытовом отношении добивалась для него Марина Влади. Она и квартиру в Москве выхлопотала, и в Париже через мэра пробила к Брежневу, встретила с ним и выбила-таки визу для Володи на свободный въезд-выезд. Это все Марина! Ей тоже нужно памятник ставить!» (М. Садчиков – М. Жванецкий. Наш юмор, увы, лучший в мире // На смену! 14 апреля 1989).

Марина очень мягко и сдержанно говорила о сути отношений с мужем, вернее о своей тактике в супружеской жизни: «...Не было случая, чтобы ему нужно было говорить мне делать что-то так, а не этак. Я старалась предугадать, опередить его. У меня характер все-таки попроще и чисто по-женски более пластичный. К тому же у него в голове было больше, чем у меня, так что прислушаться к его мнению было не зазорно... Он был больше, чем просто муж...» (см. Владимир Высоцкий. Человек, поэт, актер. М.: Прогресс, 1989).

«Я его очень любила. И я думаю, любовь помогает в жизни, конечно. Мы общались не только как муж и жена, мы общались как люди, как актеры. И я думаю, что, конечно, ему помогала. Не писать, конечно, – это не моя сфера. Но иметь хорошую жизнь (ну, по моим возможностям), чтобы он мог работать спокойно...» (М. Влади. Интервью корреспонденту «Би-Би-Си» Ю. Голигорскому, 25 января 1984).

Однако, говоря о материальных вопросах, Марина все же признавала, что очень рассчитывала на выход в Союзе долгожданного диска Высоцкого, по крайней мере, по двум

причинам: «...Если пластинка выйдет, это будет своего рода признание твоего статуса автора-композитора. И потом – мы довольно скромно живем на твою актерскую зарплату, так что лишние деньги не помешают...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет. М.: Прогресс, 1989). Директор «Таганки» Николай Дупак говорил, что «Володя страшно комплексовал из-за того, насколько он по сравнению с Мариной при всей своей популярности нищий. Потому он так много концертов давал, чтобы не жить на ее счет...» (А. Белый. Экс-директор Театра на Таганке Николай Дупак...).

«Да, твердый орешек, – рассказывала она о своем муже Наталье Крымовой. – Тут очень важно (нам повезло), что мы оба были знаменитыми. Но не было у нас борьбы за первую роль... Мы были на равных. Мы не тянули каждый на себя, потому что у каждого была своя публика. Нам повезло тоже, когда он стал немножко-немножко зарабатывать, немножко денег, немного, но как-то, все-таки... Вначале было очень тяжело, потому что я человек, естественно, как кинозвезда, я зарабатывала много денег. И это могло быть проблемой, как и в любом союзе. И это не было долгой проблемой. А в смысле власти в паре, да, ну, я думаю, что я его все-таки держала немного в руках. Как все бабы, в общем, когда мужик такой шальной, нужно держать его в руках...».

Там, в абдуловском доме, в их первом «любовном алькове» на улице Горького (ныне – Тверской), случилась трагедия, позже подвигнувшая Андрея Вознесенского на написание «Реквиема оптимистического», посвященного «Владимиру Семенову, шоферу и гитаристу». Помните?

За упокой Семенова Владимира
колени преклоненная братва,
расправивши битловки, заводила
его потусторонние слова...

.....

...О златоустом блатаре рыдай, Россия!»

В день 30-летия со съемочной группой фильма «Интервенция». 25 января 1968 г.

Это, на самом деле, было страшно.

«Мы приехали с фестиваля, – рассказывала Марина. – Володя сидел тут тоже. Севина мама – Елочка – нам приготовила чудесный ужин. И вдруг у Володи горлом пошла кровь. И все думали, что он просто умирает. У нас на глазах. Мы вызвали врача. Врач сказал: «Ничего, пусть он полежит немножечко, и все пройдет». И все не проходило, все у него кровь текла и текла. И в конце концов я сказала, что его нужно в больницу, это невозможно, у него пульса нету уж больше. И мы его провели через коридор, его выносили мальчишки, с которыми я жутко разругалась, потому что они не хотели уже его брать. Я им устроила скандал, и они его взяли все-таки. Приехали в Склифосовского – и 18 часов откачивали...» (Н. Крымова. Владимир Высоцкий // ОРТ. 30 мая 1987).

Хозяин дома Всеволод Абдулов дополнял: «Тогда впервые приехали в Москву все сестры Марины со своими мужьями. Была радостная встреча. Были друзья, был замечательный вечер. Володя поет, потом куда-то выскакивает. Я смотрю на Марину. Марина вся белая. И тоже не понимает, что происходит. Потом включились сестры, как родные, они тоже что-то почувствовали. А он все время выскакивает и выскакивает. Я за ним. Он в туалет, наклоняется: у него горлом идет кровь. Ну таким бешеным потоком. Я говорю: «Что это?» Он говорит: «Вот уже часа два». Он

возвращается, вытирается, садится. Веселит стол, поет, все происходит нормально. Потом все хуже и хуже. Вызывают скорую помощь, кто-то уводит гостей...» (см. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. М.: Искусство, 1989).

Потом Золотухин зафиксировал в своем дневнике: «24 июля был у Высоцкого с Мариной. Володя два дня лежал в Склифосовского. Горлом кровь хлынула. Марина позвонила Баделяну. Скорая приехала через час и везти не хотела: боялись, что умрет в дороге. Володя лежал без сознания, на иглах, уколах. Думали: прободение желудка, тогда конец. Но, слава богу, обошлось. Говорят, лопнул какой-то сосуд. Будто литр крови потерял, и долили ему чужой... Он чувствовал себя «прекрасно», но говорил шепотом, чтоб не услышала Марина... Володя... в белых штанах с широким поясом, в белой, под горлом, водолазке и невероятной замшевой куртке. «Марина на мне...» – «Моя кожа на нем...» (Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

Несмотря на все эти и прочие проблемы, она считала самым счастливым периодом в своей жизни «конечно, жизнь с Володей. Хотя она была трагичной, но такой интересной! И не только потому, что мы так любили друг друга, но и в искусстве. Володя мне так много дал и открыл, а благодаря мне он увидел мир...» (Ю. Коваленко. М. Влади: «Моя театральная карьера только начинается» // Известия. 13 ноября 1993).

На последнем она особенно настаивала. «Может быть, нескромно это сказать, что он из-за меня многое приобрел, я могла ему открыть какой-то мир, который он, конечно, не мог бы открыть без меня... Он умер бы раньше, конечно, если бы мы не вместе жили. Это сыграло абсолютную роль...» (Н. Крымова. Владимир Высоцкий // ЦТ. 30 мая 1987).

Марине Влади, обладавшей природным женским чутьем, удалось точно угадать неизбывную тягу Владимира Семеновича к странствиям и перемене мест. Отвечая на вопрос «Ваше представление о счастье?», он говорил: «Счастье – это путешествие, обязательно из мира в мир. Это путешествие может быть в душу другого человека... И не одному, а с человеком, которого ты любишь. Может быть, какие-то поездки, но вдвоем с человеком, которого ты любишь, мнением которого ты дорожишь...» (В. Высоцкий – интервью Пятигорскому ТВ 14 сентября 1979).

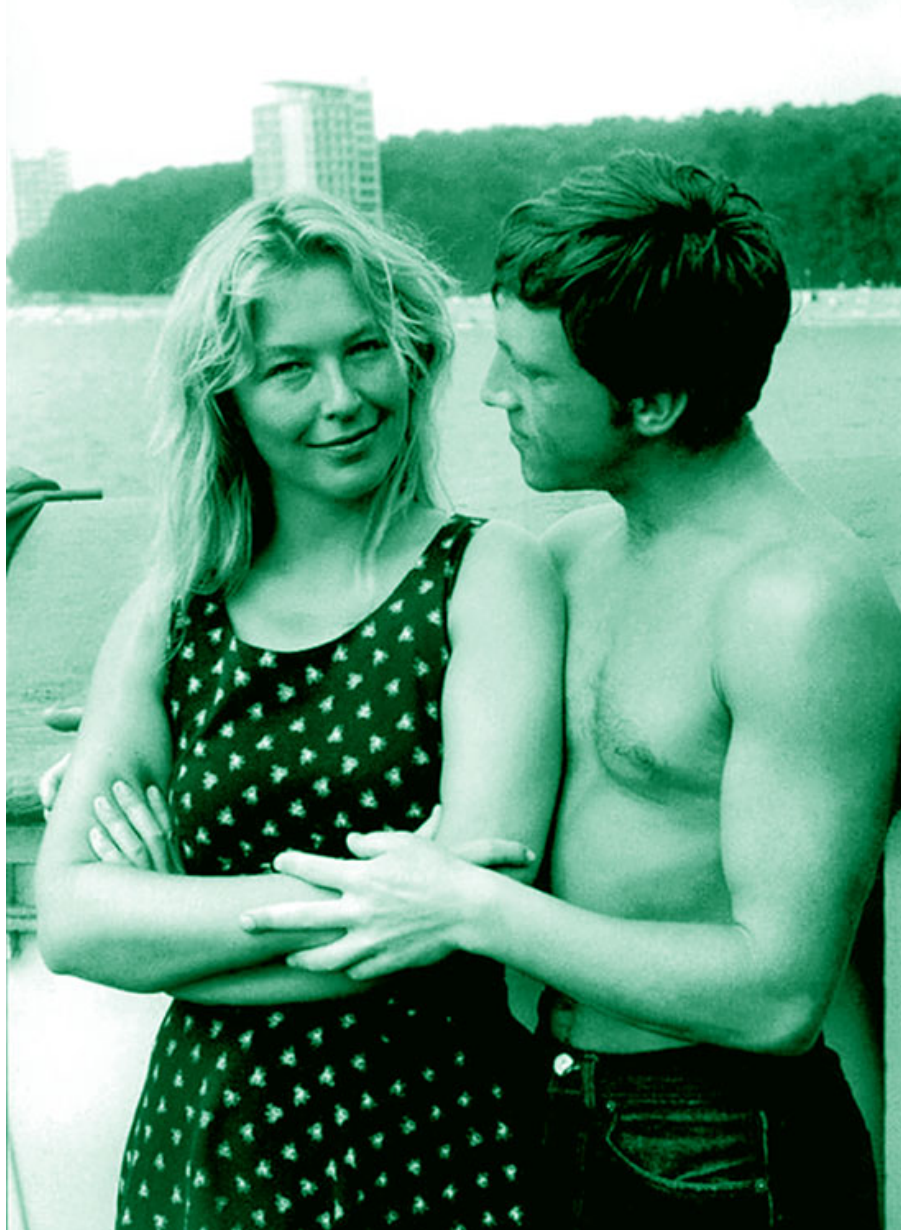
Когда Марина говорила о том, что не помогала Высоцкому писать, она напрасно скромничала. Без нее не родились бы у поэта прекрасные стихи: *«Нетрядом никого, как ни дыши», «Это время глядело единственной женщиной рядом...», «Не сравнил бы я любовь с тобой, хоть казни меня, расстреливай! Посмотри, как я*

любуюсь тобой, как Мадонной Рафаэлевой!..», «Кровиночка моя и половинка!», «Яжду письма... Мне все про тебя интересно...», «Люблю тебя сейчас, не тайно – напоказ!».

Именно Влади мы обязаны тем, что узнали Льюиса Кэрролла в интерпретации Высоцкого. Поэт и знать не знал ничего про Алису, и, когда ему предложили принять участие в создании дискоспектакля, он искренне удивился: «При чем тут я?»

«Уговаривали мы Володю невероятно долго, – рассказывал Всеволод Абдулов, – и помогла в этом Марина. Она как раз приехала, она начала объяснять Володе, что это лучшее произведение из тех, которые написаны для детей. Дети всего мира читают это, и это будет замечательная работа... И уговорила его...» (Алма-Ата, встреча со зрителями, 1982). Как рассказывала Наталья Крымова, это «был штурм»... «Это была лекция о мировом значении Льюиса Кэрролла, о предрассудках, мешающих восприятию классики, и о многом другом, касающемся поэзии... Марина Влади выказала здравый смысл... И Высоцкий погрузился в чужеземную сказку...» (Н. Крымова. Мы вместе с ним посмеемся... // Дружба народов. № 8. 1985).

Работа над дискоспектаклем продолжалась долгих три года. Вопреки дурным предчувствиям, члены худсовета «Мелодии» приняли сделанное с восторгом. Однако через несколько дней состоялось заседание коллегии Министерства культуры, на котором известный режиссер Наталья Сац обвинила студию грамзаписи в том, что она развращает детей чудовищными песнями Высоцкого. Узнав о происшедшем, редактор фирмы «Мелодия» Евгения Лозинская минут 15 сидела, тупо уставившись на телефон. *«Потом, – вспоминает она, – набрала номер Высоцкого. Он молча меня выслушал и сказал, чтобы я никуда не уходила и ждала его звонка. Жду. Наконец раздается его звонок, и Володя рассказывает мне о своих действиях. Оказывается, в то утро Белла Ахмадулина улетала в Париж. Володя сел в свой «мерседес» и помчался в Шереметьево. Он сказал, что «ухватил самолет буквально за хвост» и успел поговорить с Беллой. Он описал ей ситуацию и попросил что-нибудь придумать. Это случилось в конце декабря, а в новогодней «Литературке» Белла Ахмадулина поздравила советских людей с Новым годом и с выходом альбома «Алиса в Стране чудес».*

На теплоходе «Грузия». 1969 г.

Она написала теплые строки: *«Алиса опять и всегда в Стране чудес как в моем, так и в вашем детстве. «Алиса в Стране чудес» – вот еще один подарок – пластинка, выпущенная к Новому году фирмой «Мелодия», пришла ко мне новым волшебством. И как бы обновив в себе мое давнее детство, я снова предалась обаянию старой сказки, и помог мне в этом автор слов и мелодии песен к ней В. Высоцкий»* (Б. Ахмадулина. Однажды в декабре //

Литературная газета. 31 декабря 1976).

Отстранимся чуть-чуть от «Алисы...», но совсем недалеко. Ну, просто «приподнимем занавес за краешек». Владимир Семеновичем не был бы самим собой, не заметив очаровательную Евгению Лозинскую. Не как редактора, а просто как женщину. Она рассказывала о своем знакомстве с Высоцким. Январь 1973 года. Она сидела в маленьком холле в офисе «Мелодии», и читала свою статью, опубликованную в журнале «Семья и школа». По мраморной лестнице *поднимался невысокий человек. Не сбавляя шага, как будто он направлялся именно ко мне, человек приблизился и дотронулся до моих волос.*

– *Какие прекрасные волосы, – сказал он.*

– *Хамите, парниша, – спокойно ответила я и ударила его по руке.*

– *Но волосы в самом деле прекрасные, – не унимался он.*

– *Я знаю, но если каждый их будет трогать?!*

– *Я не каждый, я – Высоцкий!*

– *Скажите, пожалуйста, а я – Аозинская! – и, встряхнув волосами, я ушла в свою комнату...*» (Е. Лозинская. Владимир Высоцкий в Стране чудес // Вечерняя Москва. № 12 (24303). 25 января 2006).

Но буквально через несколько минут к ней заглянул режиссер будущего альбома Олег Герасимов, пригласил в холл и представил: это – Владимир Высоцкий, а это – ответственный редактор Евгения Лозинская. И началась работа...

Она рассказывала: *«Володя постоянно присутствовал на записи пластинки, старался не пропускать ни одной смены и ревностно следил за процессом, вмешиваясь только при необходимости. Олег Георгиевич Герасимов рассчитывал, что Володя сам споет максимальное количество своих песен, однако он отказывался. Ему хотелось быть исключительно автором... Но тут начались проблемы – песни Высоцкого были чрезвычайно трудны для исполнения. Когда актеры, игравшие наших персонажей, не смогли спеть «свои» песни, мы с Герасимовым стали приглашать певцов отовсюду: студентов института имени Гнесиных, актеров оперетты и других исполнителей, но ничего не выходило. И тогда Герасимов понял: ведь песни Высоцкий писал под себя. И мы снова принялись уговаривать Высоцкого спеть эти песни. И ему пришлось согласиться...»* (там же).

Лозинская помнит один из эпизодов, связанных с работой над «Алисой...». Малая студия «Мелодии», поздний вечер. Идет дубль за дублем. Все страшно устали. Только-только вернувшийся из Парижа Высоцкий всем недоволен – и работой актеров, и аранжировками, и замечаниями режиссера. *«Все не так, ребята!»*

В общем, все ругались, отстаивая свою правоту. Тогда она встала из-за пульта и вошла в студию: *«Мальчики, я – Маргарита и балы даю после полуночи, все едем ко мне!»* Спорщики обалдело замолчали, засуетились и с готовностью стали собираться.

Лозинская словно накликала, вызвав дух Булгакова. Дверь студии оказалась заперта. Долго тарабанили, пока не проснулся охранник и не выпустил измученных страдальцев. На улице все набились в «мерс» Высоцкого, поехали на Дмитровское шоссе. Быстренько накрыли стол, и тут *«Володя запел, никто не региялся жевать, хотя все были безумно голодны. Мы забыли о голоде и жадно слушали... Это была незабываемая ночь. Володя пел почти до 5 часов утра. В Москве стоял теплый июнь. Все окна были распахнуты настежь. Но ни один сосед не постучал мне ночью в стенку. Все слушали Высоцкого...»* (там же).

А потом, после выхода дискоспектакля, вся группа вновь собралась на квартире у Лозинской. Композитор Евгений Геворгян притащил деликатесы из министерского заказа, Герасимов – изысканный коньяк многолетней выдержки, Сева Абдулов и звукорежиссер Эдик Шахназарян – фантастические вина. Хозяйка была горда тем, что ей удалось добыть гигантскую индейку. С опозданием появившийся Высоцкий потряс всех громадной кетой. Еще на пороге он, улыбаясь, сказал Евгении: *«Посмотри, какую рыбу я для тебя поймал!»*

Словом, вечер вышел на славу. Потом хозяйка удалилась на кухню варить кофе. Внезапно у нее за спиной появился Высоцкий: *«Я давно уже хотел спросить тебя, – начал он, – как получилось, что на все мои заигрывания в течение трех лет ты никак не реагировала, просто не замечала? Как получилось, что все мои приглашения и в театр, и в другие интересные места ты так и не приняла? Вообще, как получилось, что ты устояла, одна из всех?»*

– Зато, Володенька, я тебя сохранила для себя навсегда...» (там же).

Даря Лозинской свою фотографию, Высоцкий надписал ее: *«Дорогая Евгения! Спасибо тебе за многое, да прости за все. С уважением и дружбой и с нежностью».*

Впрочем, мы отвлеклись.

Марина очень гордилась тем, что была первым слушателем большинства его сочинений: «Были тексты, которые очень долго не материализовывались, он про них думал. Я чувствовала, как они рождаются... Вдруг он вставал ночью и, стоя, писал там на бумажке какие-то обрывки, и из этого рождалась песня через какое-то время. Ему нужно было написать то, что у него в голове было. Я всегда была первый зритель или слушатель. Он очень любил, когда работал, чтобы я лежала на диване, около стола. Я

засыпала, конечно. Он меня будил, пел. Я снова спала...» (М. Влади. Интервью корреспонденту Би-би-си Ю. Голигорскому, 25 января 1984).

«Алиса в Стране чудес» – дискоспектакль на музыку Владимира Высоцкого по мотивам одноименной сказки Льюиса Кэрролла, выпущенный студией «Мелодия» на двух грампластинках-гигантах в 1976 году

В 1969 году в Ленинграде Марина знакомит своего будущего суженого с мамой, впервые после революции приехавшей в Россию, в свой родной город. «Он ей очень понравился. Она сказала: «Вот очень хороший мальчик...». Добавила, что у него очень красивое имя. Марина, правда, корректно ей возражала: «Он очень хороший человек был, но не очень хороший мальчик...». Но все же признавала, что мама «впервые приняла в твоём лице мужчину в моей жизни...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет...). Но, не удержавшись, проговорила, что маму устраивало то, что Высоцкий не мог уезжать из своей

страны и, следовательно, претендовать на их дом, вторгаться на их территорию.

Это было удобно для нее во всех отношениях. Он не был обременителен...

В том же году всю «общественность» будоражили слухи о романе Высоцкого и Влади. Золотухин с удовольствием жаловался: *«В Ленинграде меня замучили: «Правда, что он женился на Влади? А в посольстве была свадьба? Они получили визы и уехали в Париж?» Даже коллеги-актеры (например, Стрежельчик и Соломин) не могут удержаться от вопросов: «Правду говорят, что он принял французское гражданство? Как смотрит коллектив на этот альянс? По-моему, он ей не нужен,»»* (см. В. Золотухин. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000). В самом театре недоумение и все те же *«слухи, как старухи...»*. Режиссер-практикант «Таганки» Геннадий Примаков, пробовавший свои силы в «Тартюфе» и в постановке «Что делать?», по простоте душевной сунулся к Высоцкому: *«У меня спрашивают...»*. Последний, естественно, рассвирепел: *«Ну и что, ну и что, что спрашивают, я зачем мне-то говорить об этом? Мне по пятьсот раз в день это говорят, да вы...»*.

Валерий Золотухин был прав, когда говорил: *«Кумир нарушил правила игры. Любовь и роман с Мариной обернулись ему ненавистью толпы. Толпа не может простить ему измену с западной звездой...»* (там же).

По поводу фантастического романа Высоцкого и Влади, пожалуй, ярче и громче всех высказался актер Зиновий Высоковский (бывший коллега Владимира Семеновича по Театру миниатюр): *«Володя в конце 60-х совершил небывалое – женился на француженке, на всемирно известной, красивейшей женщине. Мужское население СССР даже во сне такого в то время представить себе не могло...»* (Высоцкий украл у мужчин мечту // www.dni.ru. 16 января 2003).

1 декабря 1970 года стало днем их бракосочетания. Невесте и жениху в ту пору было по тридцать два, у каждого из них в прошлом по два брака и пятеро сыновей на двоих. В самой церемонии бракосочетания было лишь четверо участников: собственно, сами новобрачные, а также их свидетели – французский журналист Макс Леон и московский актер Всеволод Абдулов. Всеволод Осипович рассказывал: «Свадьба была странная. Мы тогда были бедные, с деньгами и работой – проблемы, поэтому обошлись без цветов и нарядов. Володя и Марина явились в водолазках. Чтобы не привлекать внимание, Высоцкий попросил работницу загса расписать их не в большом зале с цветами, музыкой и фотографом, а в ее кабинете...» (О. Сабурова. Перевернули стол с едой и напитками // Собеседник. 25 января 2001).

В своем эссе «Таганка-антитюрьма» Андрей Вознесенский писал: «Он мог бы закатить свадьбу на Манежной площади – все равно не хватило бы мест. Помню, он подошел и торжественно-иронически произнес: «Имею честь пригласить вас на свадьбу... Будут только свои»... Зураб Церетели вспоминает, как мы с ним скинулись на несколько бутылок вина. Трудно представить, как небогаты мы все были...».

В памяти музы поэта Вознесенского – Озы-Зои Богуславской – остались почему-то другие впечатления: «...Пока еще Любимов «главный генерал» на свадьбе Володи с Мариной Влади... В снятой ими однокомнатной квартирке на Фрунзенской – всего несколько друзей. Пироги, жареная утка, заливное – меню признанных кулинаров Лили и Саши Митта, Андрей Вознесенский откупоривает принесенную бутылку столетнего разлива, Зураб Церетели щедро одаривает новобрачных... Притихший, немного растерянный Юрий Петрович (куда заведет его главного артиста этот судьбоносный шаг?!) пьет за молодоженов, желает им счастья на скрещении неведомых франко-русских дорог. И все же есть в этом что-то нарочитое или недосказанное, словно все стараются обойти тему неминуемого скорого отъезда Марины Влади...» (З. Богуславская. Время Любимова и Высоцкий // rambler. Kultura-portal.ru).

Простите за мелочность: но все-таки уточнить бы у супругов: те «несколько бутылок вина» все были «столетнего разлива»?

«В их квартирке, – рассказывал Вознесенский, – на 2-й Фрунзенской набережной, снятой накануне и за один день

превращенной Мариной в уютное жилище, кроме новобрачных были только... Юрий Петрович Любимов, Людмила Целиковская, Александр Митта с женой Лилей, испекшей роскошный пирог, Сева Абдулов, позже подъехал художник Зураб Церетели... Володя был удивительно тихим в тот день, ничего не пригубил...» (Е. Белостоцкая. А. Вознесенский. Признание // Труд. 24 января 1988).

Бракосочетание Высоцкого и Влади 1 декабря 1970 года.
Свидетель Всеволод Абдулов. Фото Макса Леона

По поводу «квартирки» Марина Влади уточняла, что это была «малюсенькая студия одной подруги – певицы, уехавшей на гастроли...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет...).

«Сначала Володя решил гулять в Москве, – рассказывал скульптор Зураб Церетели, – но денег ни у кого не нашлось – нищие мы были. Марина снимала однокомнатную квартиру в доме на Котельнической набережной... Купили несколько бутылок шампанского, Лиля Митта яблочный пирог испекла... А настроения нет. Володя на диване лежал, на гитаре играл...» (А. Ванденко – З. Церетели. В Тбилиси я делал грандиозную свадьбу Высоцкого и Марины Влади // Факты и комментарии. 7 декабря 1999).

Александр Митта ему заочно возражал, почему-то вспомнив об этой свадьбе за иным, вовсе не праздничным, столом – траурных девятин Владимира: «Что делает жених на свадьбе? Он

на свадьбе пел. Два часа для нас пел. И для него это была минута счастья. Его не надо было просить. Он сам ждал этого момента» (Москва, Малая Грузинская, 28. 2 августа 1980).

Пожалуй, Церетели потоньше ощутил отсутствие праздничного настроения: «А у меня характер такой: чувствую, будто моя вина, что праздник не состоялся. Тогда говорю: поехали в Тбилиси, там гулять будем!

И сделали свадьбу. Грандиозную! Сказка! До шести утра песни пели, на бутылках танцевали, веселились. Правда, потом один эпизод случился: Марина случайно ударила ногой по столешнице, и вдруг огромный дубовый стол, заставленный посудой, бутылками, сложился вдвое, и все полетело на пол. На Кавказе есть примета: если на свадьбе потолок или стол начинают сыпаться, значит, у молодых жизнь не заладится. Я это понял, и все грузины вокруг поняли, но мы постарались виду не показывать, продолжали гулять, будто ничего не случилось. Однако я уже знал: Марине и Володе вместе не жить...» (А. Ванденко. 3. Церетели: «В Тбилиси я делал грандиозную свадьбу Высоцкого и Марины Влади»...).

Невеста, правда, возлагала вину на жениха: «Ты неловким движением опрокидываешь часть раздвижного стола – дорогая посуда падает и разбивается вдребезги. Мы в ужасе. Как бы отвечая на наши смущенные извинения, хозяин проводит рукой по столу, смахивая все, что стоит перед ним. Тамада говорит:

– Тем лучше, можно начать сначала...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет...).

Ну, что ж, бывает. Зря что ли Владимир Семенович, хорошо знакомый со свадебными нравами, пел: *«Невеста брагу пьет тайком...»*? Нет, конечно.

Праздник продолжался. Крики первых петухов застают молодых в белых одеждах, сидящих во главе стола, заполненного «лобио, сациви, маринованным чесноком, пряностями, шашлыками, приготовленными прямо во дворе... Каждому в небольшой рог наливают вино. Бокалы из старинного хрусталя предназначаются только для воды...» (там же). Звучат проникновенные тосты: «Пусть ваш гроб будет сделан из досок того дуба, который мы сажаем сегодня – в день вашей свадьбы», «Пусть ваши правнуки даже на черном рынке не смогут достать билеты на ваши спектакли...» и, само собой, «Забудем ли мы выпить за нашего великого Сталина?!».

В спальне новобрачных ждал щедрый дар гениального мистификатора, или, как его еще называли, «человека не из жизни», удивительного режиссера и художника Сергея Иосифовича Параджанова: пол в комнате устлан ковром из

разноцветных фруктов. А на постели распахнула крылья роскошная старинная шаль с приколотой запиской в два слова: «Сергей Параджанов».

Зураб Церетели признавался: «Я... никогда не забуду лицо Марины Влади, какое было у нее во время медового месяца. Ни в одном фильме, ни на одном, самом удачном снимке она не была так обворожительно, так неотразимо, победительно красива! Я видел Марину, когда она утром выходила из спальни, и ее, словно сияние, окружала любовь. Когда-нибудь я напишу картину. На ней будет сцена, которую я видел тогда: на балконе Высоцкий с гитарой поет у ног Марины, она стоит в белом платье с развевающимися золотыми волосами, а рядом, замерев, смотрит на них моя большая черная собака...» (Т. Муромская. 3. Церетели: «Все женщины похожи на цветы» // Человек & Карьера. № 13. 24 декабря 2001).

Но помните Маринино признание: «Там – шарман, здесь – мужик»?

«Мужик», само собой, хотел жрать.

По мнению многих, Марина была прекрасным кулинаром. Фирменное блюдо? Она гордилась, что их было много – и разнообразные спагетти, и японские блюда из сырой рыбы. А острые соусы, которые она сама придумывала?! Ко всему уважению к французской кухне надо признать, что она, увы, требовала чересчур много времени. Из русской кухни предпочтение отдавалось борщу и супам. Впрочем, «Володе было совершенно все равно, что он ест. Так что не этим я его заманила», признавала Марина Владимировна (М. Влади. В Россию мне ездить больше не хочется // Известия. 19 марта 1997). Занимался ли кулинарией сам Высоцкий? «Случалось. Но не часто. Да и умел-то он разве что яичницу поджарить или кусок мяса» (Л. Плешаков, М. Влади. Я жив тобой... // Огонек. № 18. 1987). Он не был гурманом. Мог съесть ломоть хлеба с чаем – и остаться довольным, вспоминала Марина.

В Москве она безропотно ходила по полупустым московским гастрономам, сдавала пустые бутылки, наводила порядок в квартире, пылесосила, выносила мусор. Сосед Высоцкого по Малой Грузинской художник Гриша Брускин вспоминал, как «позвякивая пустыми бутылками в плетеной корзине, спешила в приемный пункт стеклотары красивая Марина Влади» (Г. Брускин. Настоящее продолженное // Знамя. № 02. 2002).

Сопровождала Владимира в киноэкспедициях с малоустроенным, походным, но таким любопытным бытом. Не жаловалась на неудобства, позволяя себе лишь скромно недоумевать по поводу сомнительных удобств российских

Марина Влади: «Там – шарман, здесь – мужик» Фото В. Мурашко. 1972 г.

Антонина Иванова, легендарный ленфильмовский осветитель, знакомая с Высоцким еще со времен «Интервенции», вспоминает, как во время съемок очередного эпизода фильма «Плохой хороший человек», когда все буквально дурели от жары, Володя попросил Марину сходить за пивком: «...Она повязала голову каким-то платочком, взяла самый обыкновенный бидончик, который оказался у кого-то, и пошла в ближайшие бани, где торговали хорошим пивом. И быстренько его принесла, все были очень довольны – и поведением Марины, и вкусным пивом...» (см. Владимир Высоцкий в кино. М.: ВТПО «Киноцентр», 1989).

Ее характеру, неприхотливости, независимости, раскованности, выдержке поражаются и завидовали. Актриса Людмила Чурсина вспоминала: «Она слегка располнела, платье на ней немножечко разошлось по швам, туфельки, наверное, любимые, новизной не отличались, а волосы по-простому распущены. Но она была так естественна и прекрасно себя чувствовала!» (М. Сперанская – Л. Чурсина. Я с удовольствием

снималась обнаженной // МК-Бульвар. 17 февраля 2003). Когда одна сухопарая московская знакомая Влади попеняла ей за недосточное внимание к физической форме, Марина изящно отшутилась: «Ты выбрала фигуру, а я выбрала лицо!» (см. Г. Видова. М. Влади: «Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин» // Сегодня. № 1031. 10 декабря 2001).

После свадьбы и головокружительных грузинских приключений молодожены наконец-то вернулись в мрачную и неприветливую Москву. Прожив некоторое время с Ниной Максимовной, осознали свою уязвимость, тягостную зависимость и дискомфорт. Спешно начали подыскивать отдельное жилье. Сначала сняли квартиру у популярной в прошлом эстрадной певицы Капитолины Лазаренко в Каретном Ряду на третьем этаже.

Затем они нашли приют у некоего загадочного старого мосфильмовского сценариста Василия (Соловьева? – Ю.С.), жившего в кооперативном доме художников и актеров у станции метро «Аэропорт». Он уступил им одну из двух своих комнат. (В день их бракосочетания девушка с глазами цвета морской волны и великолепными тонкими белыми руками принесла новобрачным большой, толстый и тяжелый пакет. Там оказалась икона от старого известного сценариста, эрудита и поэта, рассказывала Марина Влади. Уж не от него ли был этот подарок? – Ю.С.).

Наконец им повезло, и они на целых два года сняли более-менее приличную квартиру в Матвеевском: кто-то из знакомых журналистов уехал в длительную командировку за границу. Марина привезла туда какие-то необыкновенные светильники, шторы и прочие мелочи. Это был первый уют в жизни Высоцкого.

Когда в феврале 1972 года умерла мама Влади, у осиротевшей Марины появляется мысль навсегда переехать вместе с детьми в Москву. Эта шальная идея у Высоцкого особого восторга не вызывает. В своем дневнике он записывает: «Я пока еще точного отношения к плану переезда в Москву не имею, но что-то у меня душа не лежит пока. Не знаю, почему, может быть, потому, что никогда не жил так и потому внутри у меня ни да, ни нет. Но Марина очень хочет и решила. Ну что ж, поглядим. Дети хорошие, а я привыкну, может быть...» (В. Высоцкий. Собрание сочинений в семи томах. М.: Вельтон. Б.Б.Е., 1994. – Т.6.).

Потом забрезжил новый прожект – приобрести дом где-нибудь под Москвой. Они начинают поиски. Вместе с художником Борисом Диодоровым путешествуют по деревням.

«Решил купить себе дом, – сообщал Высоцкий о своих планах Валерию Золотухину. – Тысяч за семь... Три отдам сразу, а четыре

в рассрочку. Марина подала эту идею... Дом я уже нашел, со всеми удобствами, обыкновенная деревянная дача в прекрасном состоянии, обставим ее... У меня будет возможность там работать. Марина действует на меня успокаивающе...» (см. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

Мечта о собственном загородном доме в конце концов воплотилась в постройке дачи на участке Эдуарда Володарского в писательском поселке Красная Пахра. Как считал Володарский: «Марина... все время долбила мужу в темя, что пора приобрести дачу или дом. Мол, надоело жить в Москве, в квартиру вечно припираются его пьяные друзья» (Б. Кудрявов. Э. Володарский: «О Высоцком врут все» // irkut.narod.ru.pressa/skandal).

На территории участка Володарского, приобретенного у вдовы поэта Семена Кирсанова, кроме большого дома, была еще и времянка. Хозяин предложил Высоцкому привести ее в порядок – и живи там сколько угодно в свое удовольствие. Высоцкий загорелся, пошел, все осмотрел и предложил свой вариант: времянку снести, а из бруса, который он непременно добудет, построить дом. На том и порешили.

К марту 1980 года затяжная стройка была почти завершена. Хотя на Эдуарда Яковлевича постоянно «наезжали» именитые соседи – Юлиан Семенов, Эльдар Рязанов, поэт, редактор журнала «Юность» Андрей Дементьев и даже «таганский» автор Григорий Бакланов: чего это там у тебя Высоцкий дом строит, это запрещено. Володарский открещивался: это не дом вовсе, а так, служебное как бы помещение для его личного архива и библиотеки. Хотя писатели, в общем-то, напрасно переживали насчет своего возможного беспокойного соседа. Здесь Владимир Семенович бывал редко. А приезжая, обычно оставался ночевать в доме Володарского, считая, что там уютнее... (там же).

К сожалению, история с домом Высоцкого имела весьма грустное продолжение, став предметом тяжбы между наследниками умершего поэта, его вдовой и Володарским. Но это будет уже потом-потом, после смерти поэта...

Дом Высоцкого на участке Эдуарда Володарского. Фото Д. Чижкова

Обустривая семейное гнездышко, они не стесняются в средствах. *«Однажды нам сказали, что продается мебель Александра Таирова и Алисы Коонен, – рассказывает Марина Влади. – Поехали, посмотрели, она нам очень понравилась. Старинная, красивая, но не какая-то особенно ценная, просто эта мебель имела душу, не то что современная чепуха. Нам была она дорога еще и тем, что принадлежала людям театра. Там было много всего, что больше всего нам подошло: секретер, стулья, письменный стол. Наследники так торопились продать, что оставили в ящике какие-то открытки, рисунки, записи Таирова. За этим письменным столом Володя очень любил работать...»* (Л. Плешаков. Я жив тобой...).

В жизни Влади и Высоцкого постоянно присутствовал VIP (очень важная персона) – телефонистка международной станции, 07 – *«мадонна, расстояние на миг сократив»*. Марина Влади чувственно описывала телефонный аппарат: *«...Бурный,*

временами слишком молчаливый, ненавидимый или любимый...». Телефонистки, невольные и незримые свидетельницы взрывов нежности и любви, их ссор и размолвок, помогали Высоцкому разыскивать ее по всему свету. Они находили ее в Риме, в кресле парикмахера, на съемочной площадке в Южной Америке или в Испании только ради того, чтобы он мог сказать своей Мариночке, что любит ее. И любит именно в эту минуту...

Польский друг Даниэль Ольбрыхский, который специально прилетевший на сороковины Высоцкого в его московский дом на Малой Грузинской, 28, среди многочисленных знаменитостей, участвующих в поминальной трапезе, обратил внимание на скромную заплаканную девушку: «...Это была Люся, телефонистка с международной станции, помогавшая Высоцкому дозвониться до Марины Влади. Однажды Люся нашла ее даже у парикмахера в Бразилии, куда Марина улетела после ссоры с Володей, никому ничего не сказав» (В. Шуткевич. Д. Ольбрыхский: «Сезон «Охоты на волков» в Варшаве» // Комсомольская правда. 29 декабря 1999).

Ту самую *«Тому, семьдесят вторую»* из знаменитой песни Высоцкого на самом деле звали Людмила Харитоновна Орлова. Ее роль в поддержании хрупких взаимоотношений Высоцкий – Влади была весьма значительной. Она умела искусно улаживать назревающие скандалы и ссоры, разряжать и предупреждать неловкости. Остывая от страстей и взаимных претензий, они по телефону или с глазу на глаз благодарили ее. В 1974 году звездная пара даже примчалась к Люсе домой, чтобы поздравить своего ангела-хранителя с двадцатилетием свадьбы, вручить огромного плюшевого медведя и роскошный букет тюльпанов.

«...Его находят, а он в запое... И однажды, – рассказывала на одной из встреч со зрителями Марина, – к нам в разговор «влез» маленький голос. Это была женщина, которая сказала, что «не надо так говорить, мы не в порядке, мы вам перезвоним...». Ну, я положила трубку. Через какое-то время мне позвонил Володя – в лучшем виде... И эта Люся, прелестная женщина, она просто взяла на себя наше общение телефонное... Без нее, вероятно, не было бы такого общения, потому что мы каждый день говорили, даже когда я долго работала на Западе. А когда я находилась в Москве, а он где-то на судне с товарищами, – она его находила в порту! То есть она подвиги совершала всю жизнь!» (Пермь, филармония, март 1989).

Людмила Харитоновна отчетливо помнит их первый разговор: «Володя весь пылающий: «Мариночка, любовь моя, солнышко мое...». Такие полуфразы, недоговоры – чувствуется,

что человек влюбился. Она – довольно-таки сдержанно, кокетничает с ним... Она хорошо с ним говорила, но очень спокойно... Я Марину даже ревновала... То есть я на нее злилась. Володя ей весь отдавался, а она ему только: «У меня Игорь то-то, Петька с Вовкой то-то... дома – украли, обобрали, мама больная!» У нее чисто женское такое – свои проблемы. А он здесь: «Я песню написал!» Я чувствую, что ей не до песен: «Ну ладно, давай!» Он начинает петь, а она его прерывает – что-то вспомнила! Я злюсь ужасно – человек ее так любит, а она! Как же так можно! Ну, это первое время так, а потом стало сердечко таять... А потом она здесь пожила, стала ласковее, сама стала звонить...» (см. П. Солдатенков. Владимир Высоцкий. М.: Олимп, 1999).

Справедливости ради отмечу, что за Люсей Орловой числился один грешок перед Владимиром Семеновичем. Может быть, она об этом и не догадывалась. Но именно Людмила познакомила с Высоцким Константина Мустафиди, который, по сути, предал поэта. Будучи классным радиоинженером и владельцем уникальной по тем временам аппаратуры, Мустафиди предложил Высоцкому сделать аудиоархив его песен. Высоцкий ухватился за эту идею, и они начали работу. Вскоре предприимчивый инженер сообразил, что напал на золотую жилу. И стал втихаря приторговывать уникальными записями. Узнав об этом, Высоцкий рассвирепел и выгнал проходимца из дома. Предательство поэт ненавидел. В любой форме...

«Монопольное право» Орловой на Высоцкого пытаются оспаривать. Корреспондент «Комсомолки» в репортаже с центрального переговорного пункта Москвы называет имя Ирины Викторовны Владышевской: «(телефонистка, к образу которой взывал Владимир Высоцкий в своих стихах) уже на пенсии. Она проработала на телефонной станции 30 лет.

– Он очень часто писал стихи у нас, прямо на переговорном пункте, – вспоминает Ирина Викторовна. – И потом тут же читал их Марине Влади, пел по телефону. Я много, много раз соединяла их – Париж и Москву. Высоцкий всех наших девчонок по имени знал... Приходил к нам на «Огоньки». Пел. В день его смерти я дежурила в ночную смену, из Москвы мы тогда, помню, всю ночь искали Марину... Разыскивали их друг для друга, иногда по всей стране. Ведь у них же любовь по телефону была! Мне очень нравилась эта пара...» (Л. Ионова. Высоцкий и Магомаев – чемпионы любви по телефону // Комсомольская правда. 10 июня 2001).

Телефонистки, невольные и незримые свидетельницы взрывов нежности и любви, ссор и размолвок, помогали Высоцкому разыскивать Марину по всему свету

Орлова или Владышевская – какая, в сущности, разница? Задумаемся о другом. Ведь еще Владимир Одоевский в письме Александру Пушкину оказался пророком: «Письма в будущем сменятся электрическими разговорами...». Именно так – «электрическими»...

Галина Шубарина, жена известного в 60–70-е годы танцора и актера, рассказывала курьезную историю, как Высоцкий сочинил свою знаменитую песню «07». По ее мнению, дело было в Одессе, во время съемок «Опасных гастролей». Шубарин и Высоцкий поселились в соседних номерах в гостинице «Аркадия». Владимира Шубарина в Одессе хорошо знали – он там частенько выступал, да и родственников там жило много. «Только он зашел в номер, – рассказывала Шубарина, – ему принялись звонить девки: «Володь, мы знаем, ты без Гали приехал...». Ему в шесть утра на съемки ехать, а он сел отковыривать телефонный провод от розетки. Тут заходит Высоцкий: «Володь, меня, видно, кагэбэшники секут. Я Марине набираю и успеваю только сказать: «Здравствуй, это я!» – больше ничего не слышно. Давай с тобой номерами поменяемся...». Володька, довольный, согласился и пошел спать. Часа в четыре распахивается дверь и входит злой Высоцкий: «Какие-то твари всю ночь трезвонили! Но зато я Марине дозвонился». И показал на мешковине написанную песню

«07» и целую кучу куплетов, которые он поет в этом фильме. Высоцкий все это написал за одну ночь!» (В. Харченко. Пугачева не пришла хоронить легендарного танцора // Экспресс-газета. 16 мая 2002).

Высоцкий звонил Марине отовсюду, стоило ему увидеть телефонный аппарат. Лариса Лужина, например, вспоминает, что Высоцкий «когда приезжал к нам в гости на улицу Удальцова, всегда первым делом садился и звонил ей, Мариночке. Он потом долго мне при встречах говорил, что за ним один неоплаченный счет за телефонные переговоры – 40 рублей. Кстати... его песня «07» тоже посвящена мне. Или – моему телефонному аппарату...» (см. Л. Лужина. Она была в Париже // Теленеделя. 22 июля 1999). Ну, тут Лариса Анатольевна явно преувеличивает, мягко говоря.

Остался, к счастью, фрагмент видеосъемки в квартире Людмилы Максаковой в Брюсовом переулке, снятый в момент нежнейшего телефонного разговора Владимира Семеновича с Мариной Владимировной. Вспомните: «Ну что, моя ласточка? Ну, Маринчик, я даже не знаю... Про что? Ну? А-а-а... Что ты говоришь? А где вы были? Да? Ну и больше ничего? Ну, в общем... Что и что?» (см. Четыре вечера с Владимиром Высоцким. М.: Искусство, 1989).

Иван Бортник, частенько находивший приют в доме на Малой Грузинской, неоднократно наблюдал, как его друг часами говорил с Влади по телефону. «Он мог в течение двадцати минут повторять: «Мариночка, Мариночка...». Мне становилось неловко, и я уходил на кухню. И вот сидишь на кухне, одну чашку выпьешь, вторую, полпачки сигарет выкуришь, а он все: «Мариночка, Мариночка...» (В. Сычевский. И. Бортник: «Роль Промокашки была без слов» // Семья. № 16. Апрель 1999).

Рассказывая о Высоцком, кинорежиссер Геннадий Полока любит вспоминать один эпизод: «Мы сидели, выпивали дома у Севы Абдулова в его квартире на улице Горького. Высоцкий позвал всю смену телефонисток с Центрального телеграфа, человек семь (они ему всегда, в любое время обеспечивали связь с Парижем). Потом мы пошли их проводить до стоянки такси у «Московской Асториш», как мы называли на старый манер гостиницу «Центральная». Сева уже был очень пьяный, зачем-то рванулся вперед... Вдруг мы слышим крики, Володя говорит: «По-моему, Севу бьют». Меня поразило, как небольшого роста Высоцкий в считанные секунды разметал здоровенных мужиков. А Сева в это время неподвижно лежал на мостовой и спал... А несколько лет назад я слышал эту историю в исполнении Севы – о том, как на Высоцкого напали и он, Сева Абдулов, бросился ему на подмогу, раскидал всех и спас друга...» (В. Иванов. Концерт Высоцкого для всей Одессы //

«Мы всегда на краю расставания и новой встречи, что заставляет не замечать ненужные мелочи, раздражаться, – признавалась Марина. – Долгие годы мне нравилось быть любимой. Я любила мужчин – мне нравилось в них мое отражение... Я любила любовь, удовольствие, получаемое мною, и сознание обладания кем-либо. И, безусловно, я верила, что отдаю всю себя, и не выносила, не получая взаимности. Для меня невыносимо быть обманутой, я рвала все отношения... Либо живешь с человеком и никого рядом, либо живи одна. В моей жизни всегда было так! Никаких авантур! Никогда! Это вовсе не пуританство. Это моя личная мораль... У меня необычайная жажда быть любимой, единственной, землей и небом. Быть всем. И если я замечаю, что это совсем не то, я спускаюсь с небес. Володя заставил меня измениться! Иногда он нуждается в материнской помощи, чтобы я потрепала его за уши. Он меня подавляет своими признаниями: «Я приношу все к твоим ногам, но отдавай мне тоже все»... Безумие нас обоих. Общее наше безумие...» (М. Влади. Владимир, или Прерванный полет...).

Как рассказывал художник Борис Диодоров, когда Володя пел, «Марина воспринимала его совершенно восторженно. Как-то очень по-женски она впитывала каждое слово... Марина восхищалась им тогда. Она все время видела в Володе своего отца, говорила, как Володя похож на него. У отца тоже был трудный путь к успеху...» (см. otblesk.com/vysotsky).

Марина Владимировна настаивала, что ее Володя «...был простой русский человек – легко ранимый, хрупкий, ласковый и в то же время неистовый, непримиримый, упорный. Умел стоять на своем. Был и отходчив. Из него не надо делать ангела. Он и сам не хотел слыть им...» (А. Шахматов – М. Влади....Не надо делать ангела // Книжное обозрени. 3 марта 1989).

Станислав Говорухин, Марина Влади, Владимир Высоцкий и Всеволод Абдулов на Московском кинофестивале. 1973 г.

Маленький, но характерный фрагмент из хроники их семейной жизни: «Я бросила курить, когда меня попросил об этом Володя. Я бросила мгновенно и навсегда...» (А. Свистунов – М. Влади. Мы играли нашу юность // Советский экран. № 9. 1989).

«Не такой уж он был добрый, хороший, спокойный мальчик. У него внутри все кипело, он сжигал свою жизнь. Он был очень

щедрым человеком в смысле самоотдачи. И неужеримого темперамента, с характером... Владимир был человеком... Он был из крови, из нервов, и душа его болела все время. И даже то, что он пил, – это он сам. Его разрывало внутри сердце, так как он был поэтом. А иначе жил бы лет сто...» (Г. Алимов, Г. Чародеев. М.Влади: «Владимир – человек, а не икона» // Известия. 06 марта 1989).

Говоря о главных качествах характера мужа, Влади на первое место ставила именно щедрость. «Это дар, которым обладал Володя. Он был очень трудный человек, но очень щедрый. У него была колоссальная сила, и он всю ее отдавал. Ну и желание, конечно. Если нет желания у человека, он ничего не может. Если ничего не хочется от того, что жизнь тебя затюкала, – это ужасно...» (А. Кравцова. Да, у меня французенка жена... // Комсомолец Киргизии. 16 августа 1989).

В телепередаче Натальи Крымовой, посвященной Высоцкому, Марина признавала: «Он был *«врун, болтун и хохотун»*. Я его ругала... Но интеллектуально он был очень честный человек, то есть он был совершенно нестигаемый человек... Я очень любила его юмор. И я считаю, что в жизни человек, который может рассмешить, – то очень легко в него влюбиться. То есть, это очень большое качество у мужчин, чтобы, целуя его, вместе могли бы смеяться...» (ЦТ. 30 мая 1987).

В Москве Влади легко сходилась с людьми. Очень скоро подружилась с актрисой Ириной Мирошниченко. В моменты конфликтов, ссор с Владимиром Марина всегда находила убежище в ее доме. Женщин сближало многое, в том числе французский язык, музыка. Но, прежде всего, общность жизненной философии. У Ирины Петровны смолodu сформировались стойкие принципы, от которых она никогда не отступала: «Женщина должна иметь свой стиль, неповторимый, ее личный. Если он хорош, как ей и окружающим кажется, всегда нужно его сохранять, а не менять... Надо быть всегда такой, какая ты есть... Женщина в некоторых ситуациях должна быть ниже мужчины. В личных взаимоотношениях женщина не должна быть впереди, чтобы мужчина не чувствовал себя ущемленным, слабаком перед ней, а наоборот, ощущал себя личностью, мужчиной. Это очень тонкая вещь, которую женщина должна соблюдать, если она не хочет потерять этого мужчину» (www.kleo.ru). Не только на словах, но и жизни Ирина Петровна всегда была подчеркнута независимой, соперничая в этом с мужчинами.

Она была восхитительной и желанной партнершей по актерскому ремеслу. Ее, совсем юной, снял в роли Марии

Магдалины Андрей Тарковский, узрев в ней библейский лик. Олег Ефремов был ее наставником на мхатовской сцене. Но находил ее и за кулисами. Кончаловский, Губенко приглашали Мирошниченко в свои фильмы без всяких проб. А вот с Высоцким Ирине Мирошниченко чисто в творческом плане довелось встретиться лишь однажды – на съемках советско-югославского фильма «Единственная дорога».

Некоторое время, в конце 60-х – начале 70-х, Влади тепло приязнествовала с женой кинорежиссера Александра Митты художницей Лилей Майоровой, двоюродной сестрой поэта Давида Самойлова. «Она – прекрасная хозяйка, благодаря чему дом фактически превращался в ресторан для друзей, своеобразный клуб по интересам», – гордился супругой Александр Митта (см. Б. Кудрявов. А. Митта: «Если Дроздова еще раз снимется голой...» // Экспресс-газета. 7 декабря 2001). Он уверен, что «жена в жизни художника так много значит! Вот, например, Марина Влади. Ведь она девятнадцать раз вытаскивала Высоцкого с того света! А Володя не был запойным пьяницей! Два-три раза в год, когда накапливалась энергия и ему нужно было ее выплеснуть, он страшно запивал. Если бы не Марина, он умер бы раньше. Пять лет она точно ему подарила. Когда ей звонил Сева Абдулов, она бросала все и летела на помощь. Марина разрушила свою карьеру, с ней прекратили подписывать контракты продюсеры, зная, что она может сорвать съемки» (И. Зайчик. А. Митта: «Мои приятели вместо цветов вручили невесте по венику» // Караван историй. № 6. 2003).

Он же рассказывал: «Марина... как только их (с Высоцким. – Ю.С.) отношения стали серьезными, стала приезжать с детьми... С той поры все праздники мы отмечали вместе у нас дома (на Удальцова, 16. – Ю.С.): и Володины дни рождения, и театральные премьеры, и Новый год, и Пасху, и Рождество – все что угодно. И 1 мая нужно было посидеть, и 7 ноября – непременно. Любым случаем пользовались, чтобы собраться вместе...» (В. Громов, Л. Симакова. А. Митта: «Он работал неправдоподобно много» // Высоцкий: время, наследие, судьба. № 18).

Как считает Митта, Высоцкий дружил больше с Лилей, чем с ним (см. И. Зайчик. А. Митта: «Мои приятели вместо цветов вручили невесте по венику» // Караван историй. № 6. 2 июня 2003).

Лиля была довольно известным детским художником. Начинала в Театре кукол Образцова, затем стала пионером создания книжек-раскладушек с объемными картинками, почти 30 лет этим занималась. Она была женщиной незаурядной не только в профессиональном плане, но и в целом по жизни. Одним

словом, была способна на Поступок. Со своим будущим спутником жизни по прозвищу Сашка-Режиссер она познакомилась в издательстве «Малыш». «Я был ободраным, бедным студентом, – не стесняясь, признавался Митта, – и совсем не думал о том, как надлежит выглядеть рядом с признанной красавицей, замужней женщиной старше меня. Она мне казалась недосыгаемой богиней... Только потом я выяснил, что у Лили были совершенно невероятные поклонники: посол и даже какой-то министр. А выбрала она меня, потому что я был бедным и жалким. Она горела святой жертвенной идеей спасти меня... Спустя время я спросил у нее: «Почему же все-таки из всех ты выбрала меня?» Она засмеялась: «Ты был такой ошипанный и неухоженный, что я подумала: «Я тебя спасу!»» (см. И. Зайчик. А. Митта: «Мои приятели вместо цветов вручили невесте по венуку»...). Будем считать, выпал Митте джекпот!

Гастроли Театра на Таганке в Ташкенте. 1973 год. На фото: Вячеслав Спесивцев, Валерий Золотухин, Владимир Высоцкий, Юрий Любимов, Борис Хмельницкий, Вениамин Смехов

Марина Влади слушала из уст Лили ее историю любви и чисто по-женски умилялась отваге своей новой знакомой. Лилила была замужем за преуспевающим журналистом-международником из газеты «Правда». Престижная работа, загранкомандировки, комфортабельная квартира и прочие блага. Чего, казалось бы, еще желать советской женщине? Нет, надо бы завертеть роман с каким-то третьекурсником ВГИКа, который

прибегал в «Малыш» пристраивать свои так называемые «изошутки». Когда мужу выпала возможность выехать в очередную длительную командировку на Запад, Лиля наотрез отказалась, сославшись на ответственную работу в театре. Муж прозрел, окружил ее неустанным вниманием, провожая на работу и встречая с нее. Но как-то в магазине, куда они заглянули, она попросила законного супруга постоять в очереди за колбасой, сказав, что она на минутку отлучится в кассу. И... сбежала навсегда к будущему киноклассику. А муж остался в очереди за колбасой.

Когда Марина Влади только появилась в нашей компании, рассказывал Митта, однажды воскликнула: «Ваше счастье, что вы не понимаете, насколько бедны!» А им не с чем было сравнивать. Даже если в доме оставался рубль, Лиля всегда умудрялась накрыть стол для гостей: покупала буханку «Бородинского» и пару-тройку плавленых сырков. Бутербродики ставились в духовку, а потом украшались крохотными кусочками огурца и помидорками...

Пока в первой и единственной собственной квартире Высоцкого на Малой Грузинской шел ремонт, Владимир и Марина временно были вынуждены жить в доме Ивана Дыховичного (то бишь не Дыховичного, конечно, а его жены Ольги – дочери члена Политбюро ЦК КПСС Д. Полянского), и они прекрасно уживались. «Марина, – рассказывал Иван Владимирович, – вообще очень контактный человек... И наоборот, неконтактный, если человек ей несимпатичен. Она никогда не подыгрывает. В ней есть русская душа – она может легко забыть что-то или бешено полюбить вдруг, неожиданно... В Володиной жизни это было достаточно светлое пятно. Она потребовала от него сознательного ощущения, что есть женщина, что есть любовь, потребовала серьезного отношения к этому и ответственности за это. Все говорили: вот, ему нужна была такая жена, которая всегда была бы около него... Да не нужна ему была такая жена. Ему, наоборот, нравилось, что это была не жена, а скорее любовница... Конечно, в высоком смысле этого слова...» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988).

Квартирование на квартире Дыховичных шального барда смущало соседей. Тесть однажды сказал Ивану, что в высокие инстанции поступают сигналы трудящихся, будто в доме поселился какой-то подозрительный человек с какой-то проституткой, они разъезжают на машине с иностранными номерами, а самое главное – не здороваются с тетушками, сидящими у подъезда! Когда на следующее утро Высоцкий на улицу, он подошел к «заявительницам», поклонился им в пояс,

рухнул на колени и заорал: «Здравствуйте, тетки!» Тетки, само собой, были в шоке (см. Т. Рассказова. И. Дыховичный: «Высоцкий не был артистом, но хотел им быть» // Неделя. 15 сентября 1997).

Заметим в скобках: Высоцкий был, можно сказать, крестным брачного союза Дыховичного с дочерью члена Политбюро ЦК КПСС. Иван Дыховичный вспоминал: «Он знал девушку, с которой у меня был долгий роман, и однажды поинтересовался: почему мы, такая красивая пара, не начинаем жить вместе? Я с ним поделился своими сомнениями: «Скажут, женился, чтобы стать зятем члена Политбюро». На что Володя мне, двадцатилетнему, сказал: «Если бы на ней женился, потому что она дочка Полянского, ты был бы мерзавец. Но если ты на ней не женишься, потому что дочка Полянского, ты тем более мерзавец». Эта эффектная фраза очень повлияла на меня...» (А. Славуцкий. И. Дыховичный: «Быть в хорошем настроении – обязанность человека» // Новая газета. № 35. 19 мая 2003). Перед тем как поставить точку, добавлю, что брак Дыховичного все же оказался не слишком счастливым. Когда они расстались, Ольга вышла замуж за американца и перебралась в Штаты...

Довольно близкие отношения установились у Марины с женой Эдуарда Володарского – «роковой женщиной» из далекого Иркутска Фаридой Тагировой. Будущий знаменитый драматург с восторгом вспоминал легкомысленные и бесшабашные студенческие годы, свою тогдашнюю вгиковскую компанию: «Катя Васильева, Сережа Соловьев, Володя Акимов, Зарик Хухим, Вика Федорова. Мы все время куролесили, ездили куда-то, пьянствовали, гуляли, и я таскал Фариду с собой...» (Т. Романова. А я все помню, я был не пьяный // Огонек. № 25. 06 сентября 1999).

Володарский довольно своеобразно толковал дружбу Марины со своей Фаридой: «Их любимым занятием было перемывать нам кости. Какие мы мерзавцы и какие они несчастные, две женщины. Как мы не ценим их любовь. Вначале Володьку запихнули, а потом меня. Вшивали таблетки... Володя сказал: «Бойцов революции только смерть может исправить». Я выпил первый раз месяца через два, а Володька долго не пил – где-то полгода. Он мог подолгу не пить...» (Н. Ртищева. Морфий для поэта // Московский комсомолец. 25 января 1998).

Фото Валерия Плотникова

Вернемся к вгиковской компании Володарского. Екатерина Васильева, хотя и была безнадежно некрасива, покоряла всех своей раскрепощенностью. О ее романах и замужествах ходили

легенды. Кинорежиссер Сергей Соловьев, одно время бывший мужем Васильевой, никогда не скупился на комплименты в ее адрес: «Она была свободна во всем, этого даже проявлять не требовалось... Она была как бы значительнее и прекраснее, чем просто красивая, или там хорошенькая, или там славненькая девочка...» (М. Чаплыгина. Екатерина Смиренная // Огонек. № 43 (4670). 2000). В книге ««Асса» и другие произведения этого автора» он писал: «При всей своей катастрофической, на грани уродства, некрасивости, огромности черт и фигуры, она была... женщиной неслыханной, ослепительной, победительницей юной красоты...».

Довершают загадочный облик Екатерины примечательные фрагменты ее биографии. Дед-белогвардеец в суматохе эмиграции теряет беременную жену. В расстроенных чувствах роженица, произведя на свет мать будущей актрисы, от ребенка отказалась. Новорожденную почему-то удочерил... Антон Семенович Макаренко. Таким образом, жалостливый автор «Педагогической поэмы» стал официальным дедом Екатерины Васильевой.

В ее судьбе случались такие кульбиты, что родственники и знакомые просто за головы хватались. Еще студенткой она начала много сниматься в кино. В неполные двадцать очутилась на одной съемочной площадке с Высоцким и его тогдашними товарищами в фильме «На застрашенной улице». Потом были встречи в Белоруссии, где Виктор Туров снимал картину «Войну под крышами». Высоцкий предлагал Турову песни, а Катя, исполнявшая в фильме одну из ведущих ролей, с упоением их слушала, а потом напевала...

Она была юная, рыжая, дерзкая, очень стройная, «с челкой, – восхищался Сергей Соловьев, – сигаретой «Шипка» в зубах и с гениальной, дотоле мной в женщинах не виданной внутренней свободой» (там же).

В своих интервью-исповедях Васильева невольно каялась: «Может быть, в то время, когда все были по-советски закомплексованы, я и казалась свободной. На самом же деле, просто вела себя распушенно и расхлябанно... Была полна гордыни и самоуверенности... Считала себя жутко умной... В конце концов я вдруг обнаружила, что у меня все рухнуло. Мало того, что сама оказалась в тупике, так еще и всех вокруг себя запутала...» (там же). В конце концов, убедилась, что актерская профессия суть дьявольская. И пришла к Богу, покинув светский мир. Более двух десятилетий «Екатерина Смиренная» пребывает в Церкви, работая казначеем в московском храме Софии Премудрости Божией в Средних Садовниках. О своей «прошлой

жизни» говорит коротко и ясно: «Тридцать семь лет бреда!» (sobkor.ru/lenta).

Однако время от времени все же появляется на сцене и экране. Хотя и считает, что актерской профессии «просто нет, что она искусственно придумана, что это такой изыск дьявольский... Никогда я не была фанаткой этой профессии...» (И. Григорьев. Е. Васильева: «Я не должна была дожить до этого времени» // Аргументы и факты. № 21 (1178). 21 мая 2003). А что делать, семье помогать-то надо. За съемочный день Екатерина Сергеевна просит тысячу долларов.

Васильева не скрывает, что ей всегда требовалась суперситуация, жить при высоком «градусе»: любить – так любить! И клянет себя в том, что, кроме боли, никому ничего не принесла – ни мужчинам, ни подругам... «Я меняла свою жизнь с невероятной скоростью, делала такие зигзаги сногшибательные! Господи! Я не должна была дожить до этого времени! Сколько своих друзей схоронила, которые жили так же, как и я. В буквальном смысле схоронила. Они погибли. Кто спился, кто с собой покончил, кто что... (там же). Она называла их имена: «Мои учителя – это мои друзья – верные, преданные, бескомпромиссные. Среди них есть такие люди, до нравственной высоты которых хотелось бы хоть чуть-чуть дотянуться. Динара Асанова, Владимир Высоцкий...» (Н. Лагина. Е. Васильева: «Мое богатство – мои друзья» // Советский экран. № 22. 1987).

Блиставшая в столичных компаниях киношников-«шестидесятников» Вика (Виктория) Федорова также слыла девушкой своенравной. Ее постоянно окружали красавцы актеры и режиссеры – Борис Хмельницкий, Олег Янковский, Валентин Смирнитский, Андрон Кончаловский, сценарист Валентин Ежов... Последний, правда, отзывался о ней не так чтобы уж лестно: «Она не б...дь, она – пьяница. Она не по этому делу» (Н. Репина. Пьяные драки Виктории Федоровой // Экспресс-газета. 13 февраля 2003).

Вместе с Викой, считали друзья, гулять было опасно. Ежов рассказывал, что она хорошая девочка была и умная, пока не выпьет 100 граммов. Потом следовал фужер коньяка, а следующий могла кому-нибудь в лицо выплеснуть. Или на стол вскочить, или огреть кого-то каблуком туфли по башке (там же).

Впрочем, друг юности Эдуард Володарский темпераментно вступался за честь Федоровой: «Ежов брешет как сивый мерин. Вика сильно пила, но он пил гораздо больше. Пузырлял будь здоров. Они расстались не из-за этого. Просто расстались...» (А. Фадеева. Э.Володарский: «Меня взбесила поганая картина Германа» // Экспресс-газета. 31 марта 2003).

Но, без сомнения, характер Виктории, зачатой в День Победы 9 мая 1945 года, напоминал горячий молотовский коктейль, в коем пьяный бармен, недолго думая, смешал виски, шампанское, водку и самогон.

Ее биография была готовым сценарием для Голливуда, где она в итоге и оказалась.

На Ленинских горах. Фото Е. Савалова. 1974 г.

Только после смерти «отца всех народов» Иосифа

Виссарионовича Сталина и его друга Лаврентия Виктория узнала, что ее матерью является бывшая зэчка, легендарная киноактриса Зоя Федорова. Спустя десятилетия наконец услышала подлинное имя отца – Джексон Роджерс Тейт, адмирал 6-го флота США.

Вика, не знавшая матери до девяти лет, воспитывалась в семье тетки где-то в Северном Казахстане. Возвратившись в родную Москву и встретившись с мамой, по окончании школы решила пойти по ее стопам – в актрисы. Узнав истину о своем происхождении, в 1975 году добилась разрешения уехать к отцу в Штаты.

Там вышла замуж. Но прожив семь лет с американским летчиком, Вика развелась с ним. Развод был тяжелым. Много лет спустя, прочитав роман Володарского «Русская, или Преступление без наказания», Вика, в общем-то, согласилась с версией автора, что убийцей ее матери мог быть именно «летчик-налетчик»: «Очень может быть – он был такая гадина...» (А. Фадеева. Э. Володарский: «Меня взбесила поганая картина Германа»...).

Сама она сделала потрясающую карьеру топ-модели, решив, что роли второго плана в американском кино не стоят того, чтобы на них была потрачена жизнь.

Но возвратимся к Марине Влади-Поляковой.

Двери парижской квартиры Влади на улице Севр, дома в Мэзон-Лаффит всегда были открыты для московских приятельниц и Володиных друзей. В 1978 году, уехав по делам в Швейцарию, она оставляла ключи Олегу и Веронике Халимоновым. Примерно тогда же, после жуткой автокатастрофы в Подмоскowie, в ее хоромах приходил в себя Всеволод Абдулов. По приглашению Влади у нее гостила свекровь. В печальные и всеближающие июльские дни 1980 года Марина постоянно напоминала Нине Максимовне: «Мама, вы можете по полгода проводить у меня в Париже...» (vos.org.ru).

Некоторое время в доме Марины жила Белла Ахмадулина с мужем. Во время отсутствия хозяйки в Мэзон-Лаффите останавливалась чета Митта. И это казалось обычным делом. Когда «Таганка» в 1977 году приехала на первые свои парижские гастроли, Влади взяла шефство над Иваном Бортником. Он жил в гостинице, и она ему «с собой туда собирала. Мы вели ночной образ жизни, ходили в ресторан «Распутин», – с гордостью и тоской вспоминал впоследствии легендарный Промокашка» (Н. Репина. Мулатка-аристократка соблазняла Промокашку // Экспресс-газета. 14 ноября 2003).

После смерти Высоцкого «парижские каникулы» устроила себе жена Володарского Фарида. Врачи обнаружили у нее тяжелое

заболевание, рассказывал В. Абдулов. Марина откликнулась незамедлительно. Пригласила Фариду в Париж, показала ее лучшим докторам. Целый месяц посвятила себя жене друга Высоцкого (см. В. Абдулов. Володарский измазал друзей дерьмом! // Экспресс-газета. № 14. 9 апреля 2001).

Потом Влади навестила критик Наталья Крымова, объясняя: «Тогда мы как-то очень сошлись...» (см. Н. Крымова. Работа Высоцкого – это было прекрасно! // Новая Сибирь. № 84 (3–283). 2 февраля 1998).

В то же время хлебосольная Марина всячески стремилась оградить мужа от излишнего и обременительного, по ее мнению, общения с заезжими друзьями из России. Виктор Туров, например, смертельно обиделся, когда, будучи во Франции в 1977 году, набрал номер телефона Высоцкого, а трубку сняла Марина: «Витя, Володя спит, и я его будить не буду» (см. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы...).

Хотя подчас Высоцкий другим спать сам не давал. Даниэль Ольбрыхский рассказывал об одном вечере в Париже в старенькой квартире Марины в доме на улице Дюрок: «Я попросил его спеть что-нибудь новенькое. Он тут же взял в руки гитару. Через несколько минут раздался стук в стенку: «Немедленно выключите магнитофон! Безобразие!» Марина пыталась объяснить соседям, что к ней приехал муж из России, но они стали кричать, что вызовут полицию. Будь они русскими, в гости бы напросились. А французы... да то тут говорить!» (Д. Ольбрыхский. Когда террорист-шизофреник схватился за ручку кабины пилота, я уложил его приемом дзюдо // Бульвар. № 48 (422). Ноябрь 2003).

«...Первое, что брало в плен – аж мурашки по коже, – рассказывала Людмила Марковна Гурченко, – ...его голос. Его голос и внешность для меня долго существовали отдельно. До того дня, как я увидела его вместе с Мариной Влади. Они были на фирме «Мелодия». Богиня экрана обаятельно, делово, с напором доказывала, что нужно выпустить «гран-диск» Воледи». «Мариночка, Мариночка», – останавливал ее Володя своим чудным голосом. Да, действительно, Володя был другим. Красивым, высоким, и неземная Марина не казалась рядом с ним большой, затмевающей. И пел по-другому. В его голосе появились такие нежные, щемящие обертоны... «Волсдя, спой еще! Ой, Воледя, что ты со мной делаешь!» И обнимала его, и голову ему на плечо укладывала... От этой пары исходило такое сияние, что – ну не знаю – если на свете и есть настоящая любовь, то, ей-богу, это она!» (см. Л. Гурченко. В.В. // Неделя. № 47. 1987).

Наталия Юнгвальд-Хилькевич, дочь известного кинорежиссера, вспоминала: «На меня никто не обращал

внимания, и я была свидетельницей краешка этой большой любви. Как-то они отправились с визитом, но минут через пять вернулись – Марина подвернула ногу. Володя встал на колени и, глядя в светлые глаза, поцеловал ее стопу...» (Г. и Н. Юнгвальд-Хилькевичи. За кадром. М.: Центрполиграф, 2000).

Осетинский актер, балующийся литературными упражнениями, Олег Хабалов, случаем оказавшийся в одном самолете с Мариной Влади, несущемся в Москву, с восторгом вспоминает, как ее встречал Высоцкий: «На лестнице трапа съехался синий Володя, и в синей же руке, на фоне синеющего лица, лежит одна синеющая калла... Гляжу, бегут мои голубчики. Нырнули они на заднее сидение... И замерли! Умерли. Превратились в невидимки... Водитель, который за ними подглядывал в зеркальце, сказал озабоченно: «Не задохнулись бы»... Ивее! Своих объятий они не разомкнули...» (Под цыганским шатром // www.darial-online.ru).

Людмила Гурченко: «От этой пары исходило такое сияние, что – ну не знаю – если на свете и есть настоящая любовь, то, ей-богу, это она!...»

Венгерский журналист Ласло Далош более сдержан в описании своих впечатлений о встрече с парой Высоцкий – Влади: «...Я его увидел в 1971 году в Московском дворце съездов на кинофестивале. Помню, как он в перерыве между показами фильмов стоял за одним из столиков в буфете верхнего банкетного зала рядом с Мариной Влади... Он стоял рядом с ней, и его глаза лучились какой-то покорностью, преданностью, смущенностью. Они вели непринужденный разговор. И он все делал неторопливо, делал все, чтобы ей услужить, выполнял все,

о чем просила эта удивительная женщина. То он подает ей тарелку с салатом, то ломтик хлеба, и все так сдержанно, спокойно, что, на первый взгляд, и не чувствовалось связи между ними. Видно, как он стремится сделать все, чтобы она была довольна... Это не театр и не кино, и нет с ним гитары. За что же ему держаться?» (Л. Далаш. Так оно и есть. С гитарой и без гитары // Фильм, театр, музыка. № 12. 1981).

«То, что любил он ее безумно, было видно каждому – от осветителя до гримера, – рассказывал киноактер Лев Перфилов, сыгравший роль муровского фотографа Гриши в «Месте встречи...»). – Вспоминаются съемки в одесском Шевченковском парке. Как раз тогда к нему и приехала Марина Влади с сестрой. Кто-то из наших подбежал к ним, сказал, что позовет Володю. Вижу, выскакивает Володя из той самой бильярдной. На крохотном пятачке лестницы начинается его невероятный танец на одной ноге. Это и «барыня», и «яблочко» и «тарантелла» одновременно. А между Мариной и Володи – несколько метров. Она смотрит – он танцует. Танец восторга! Забыть это нельзя. Вдруг, так же внезапно, он срывается с места и мчится обратно к камере... Когда Говорухину рассказали, что явилась из Парижа Влади, он прекратил работу. Сразу же. Володя с Мариной обнялись и пошли вместе куда-то в гору...» (О. Вергелис. Л. Перфилов. Эра немилосердных // Киевские ведомости. 26 января 1998).

Влюбленными откровенно любовались друзья, по возможности старались даже будни превратить в праздники. Одесские морские капитаны Александр Николаевич Назаренко и Анатолий Григорьевич Гарагуля дарили им умопомрачительные черноморские круизы на теплоходах «Шота Руставели» и «Грузия». Гарагуля исполнял любые Маринины капризы. Бывало, рассказывал он, идем, как вдруг Влади говорит: «Хочу купаться». Останавливался теплоход – и Марина плавала посередине Черного моря (см. vv.kulichki.net/ovys/people).

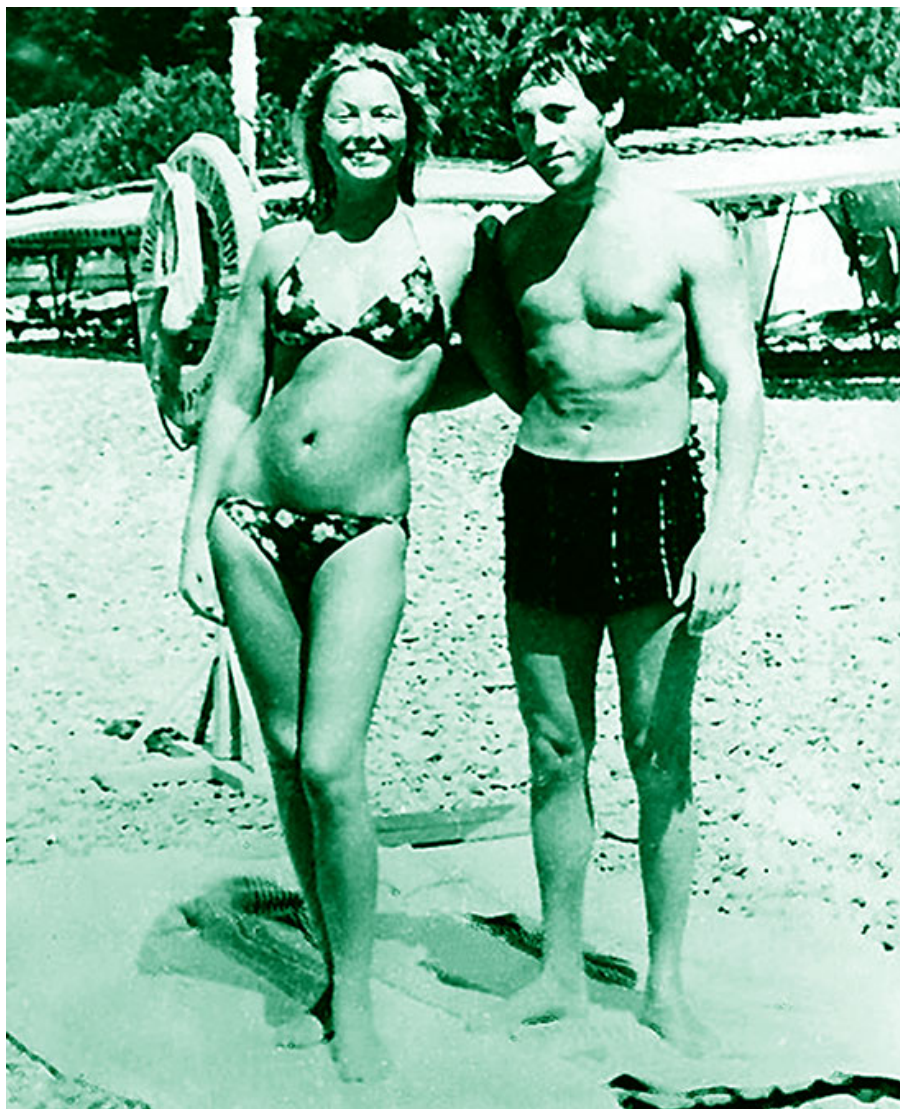
Когда Высоцкий и Влади приехали в Крым (там Говорухин снимал свой «Белый взрыв»), власти разрешили Марине отдохнуть в Ялте, но на поездки по Крыму наложили грозное вето. *«Так по секрету, – рассказывал бригадир осветителей съемочной группы В. Логвинов, – мы взяли катер прогулочный. Марина надела свои очки. И вот этот катер под видом выбора натуры для съемок объездил весь Крымский полуостров. Повезли их в Форос...»* (см. «Белорусские страницы». Вып. 12. Минск, 2004).

Не знавший «меры в женщинах и в пиве» тогдашний сочинский мэр Вячеслав Воронков организовывал им поистине царскую встречу в своих угодьях, на выезде из Малого Ахуна,

рядышком с бывшей дачей первого советского «президента» Михаила Ивановича Калинина. Были, как водится, шашлыки и вина. Но у Высоцкого был очередной «сухой» период.

Марина ездит с ним на натурные и студийные съемки, на «озвучку». Легендарный звукорежиссер Виктор Борисович Бабушкин, записывая баллады для фильма «Бегство мистера Мак-Кинли», неожиданно для себя обнаружил в холодной, непротопленной студии окоченевшую французскую кинозвезду. Он напустился на поющего поэта: «Высоцкий, ты с ума сошел. Ну что ж ты делаешь, а? Мариночка, пойдемте к нам, да не волнуйтесь, никуда он не убежит». Он увел ее, насквозь продрогшую, к себе в аппаратную, напоил чаем, попотчевал печеньем и конфетами. И заодно стал уговаривать: «Вы – актриса, попробуйте воздействовать на Володю. Вот здесь надо то-то, а здесь немного по-другому». «Ясно, поняла, я сейчас поговорю», – вспоминали очевидцы быстрый ответ Влади. Они пошептались, и Высоцкий подошел к микрофону абсолютно другим человеком...» (см. К. Лакин. Звукорежиссер. Инженер. Художник. Композитор // show-master.ru/win1251).

Режиссер Виктор Туров дарил своим молодым друзьям «дикий» отдых в белорусских лесах: «Мы снимали... под Новогрудком, у озера Свитязь. Для Адама Мицкевича это озеро было святым... Встретил я Володю и Марину в Барановичах и привез на это озеро. Было воскресенье, из Барановичей и Новогрудка понаехало много отдыхающих... И так по пляжу, по озеру пошел такой шорох, шум, взволнованность некоторая... Я оставил их одних погулять в лесу вдоль озера. Вдруг ко мне прибегает кто-то из группы и говорит: «Знаешь, там бить собираются Высоцкого и Влади! Их приняли за самозванцев..... У тогдашней публики бытовало мнение, что Высоцкий – это бывший белогвардеец, со шрамом на лице, огромного роста и прочее... Марина Влади в своем неброском наряде выглядела просто обаятельной женщиной... Они далеко не тянули на суперменов... Это зародило подозрительность, и вот за «самозванство» моих гостей чуть было не отколотили...» (В. Туров – встреча со зрителями, Ялта, 02 февраля 1987). Художник фильма Евгений Ганкин дополнял рассказ режиссера: «Марина Влади была в обыкновенном ситцевом сарафанчике, на ногах – достаточно поношенные босоножки, волосы собраны в пучок. И народ, который помнил пышноволосую красавицу Марину Влади, не сразу поверил, что эта скромная женщина и есть та самая прославленная актриса. Местные франтихи с пышными прическами выглядели куда более эффектно...» (см. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы).

Виктор Туров: «Встретил я Володю и Марину в Барановичах и привез на озеро Свитязь... по пляжу, по озеру пошел шорох, шум, взволнованность некоторая. Вдруг ко мне прибегает кто-то из группы и говорит: «Знаешь, там бить собираются Высоцкого и Влади! Их приняли за самозванцев»»

Прибалтийские рыбаки баловали удивительную пару «особенностями национальной» ловли лосося. Брестская таможенница Валентина Савкина с поста «Варшавский мост» стремилась создавать «режим наибольшего благоприятствования» при пересечении границы (см. Ф. Муха. Мне есть что спеть, представ перед Всевышним // Советская Белоруссия. 22 июля

2000). Марина очень легко сошлась с референтом-переводчицей при Московской патриархии Тамарой. Дружеские отношения между женщинами сохранялись очень долго. Когда Высоцкий стал регулярно ездить за границу, он вечно маялся, что привезти в подарок тамошним друзьям, чем удивить, не матрешками же! Тамара, страстная собачница, и посоветовала Владимиру Семеновичу: самым оригинальным подарком будут редкой породы и очень дорогие в зарубежье, но более дешевые в Союзе щеночки. В качестве консультанта и помощника она порекомендовала Высоцкому Тамару Александровну Шибаеву, лучшего собачьего мастера-парикмахера Москвы. Она действительно была лучшей. Зря что ли в числе ее клиентов были семьи Брежневых и Райкиных, Клавдия Шульженко и Алла Пугачева?

Высоцкий попросил Тамару найти ему парочку французских болонок. «Разумеется, – рассказывала Шибаева, – я тут же подобрала настоящих «француженок» – двухмесячных, масеньких, с ободковыми черными глазками, черными носиками. Перед самым вылетом он приехал, взял их на ладошку. «Такая капся – и столько стоит!» И заплатил больше. Спрятал щенков под куртку и ушел. Так было несколько раз... Удивительно, правда? Собаочки французской породы из России...» (А. Рязанкин. Т. Шибаева: «Зовите меня – кузькина мать» // СПИД-инфо. № 8.19 апреля 2004).

А какой сказочный подарок преподнес Высоцкому и Влади неумейный фантазер Сергей Иосифович Параджанов, когда Владимир и Марина в перерывах между съемками отдыхали в Юрмале! Он оказался их соседом по гостинице. Однажды в номере Высоцкого отключили воду, «они попросили оставить ключи от его номера у портье. Войдя в комнату, увидели на столе боржоми, фрукты, сигареты и лимонад.

– И это все? – удивился Высоцкий. – Что-то не похоже на Сергея, должен быть подвох.

Влади открыла дверь в ванную и радостно вскрикнула:

– Смотри, Володя!

На душе Параджанов прикрепил букет – так, чтобы вода лилась на красавицу Марину с охапки алых роз...» (Д. Шевченко. Как я посадил Параджанова // Совершенно секретно. № 12. 1997).

Вообще Параджанова Марина Владимировна воспринимала как бесконечный праздник: «Я до сих пор сохраняю великолепные бусы, подаренные мне Сергеем Параджановым. Мы, приезжая в Киев, всегда были его гостями, он угощал нас грузинскими блюдами, сыром, вином...» (Т. Деревянко. В Болонье, на

кинофоруме исследователей // Независимость. 17 августа 1999).

Как-то, путешествуя с Мариной, шутки ради с борта «Грузии» Высоцкий взял да и послал телеграмму в Одессу Михаилу Жванецкому: давай, мол, встретимся. «У Высоцкого, – рассказывал Михаил Михайлович, – была в то время мысль сделать русско-французскую программу «Москва – Париж»: «Миша, я пою и говорю по-русски, Марина – по-французски. Мы оба на сцене – ведем концерт. Московский мюзик-холл часто играет в Москве – ну что может быть лучше?» Он спросил: «Где можно вас послушать?» – «Завтра мы: Карцев, Ильченко и я – выступаем в обеденный перерыв на заводе «Промсвязь». Привез их Олег, друг... Приезжают «жигули», Олег за рулем, а рядом голая, как я видел, женщина. Оказалось, Марина Влади... В те дни жара стояла неимоверная, и она была как-то раздета... В рамках, но французские рамки – не наши, и поэтому на заводе «Промсвязь» ей выдали плащ-палатку, чтобы укрылась. Ажиотаж поднялся страшный: Высоцкий с Мариной Влади в зале красного уголка. Можно потерять сознание! Дирекция завода, обком партии – все вокруг носились, ну как возле шампуров на гриле. Марина уже сидит, а в зале суета, все ходят, как в Мавзолее, кругами... Движение не прекращалось, пока Володя не попросил: «Дайте же посмотреть, ну пожалуйста, я вас очень прошу». В общем, все расселись, и мы сыграли...» (Д. Гордон. М. Жванецкий: «Всю жизнь я мечтал ездить на «мерседесе» и лечь в постель с красивой женщиной. Мечтал, добился и тут же получил по мозгам» // Бульвар Гордона. № 47 (83). ноябрь 2006).

Киновед Н. Моргунова, волей случая наблюдавшая на отдыхе в Юрмале за Высоцким и Влади, отмечала, что Володя «был поглощен Мариной. Иногда, когда они где-нибудь вместе сидели, он клал ей подбородок на плечо, и они замирали в чем-то своем, серьезном и значительном. Это было трогательно...» (см. Вагант. № 2–2 (51–52).1994). Верная спутница Булата Окуджавы Ольга Арцимович признавалась: «Влади – кумир моего поколения... В общении Марина и очаровательна, и проста. Она поражала легкой открытостью. О ней можно было сказать: «свой парень». Она очень милая и естественная, без фальши, без актерского кривляния. И очень красивая...» (Н. Дардыкина. Сердце Булата // Московский комсомолец. 08 мая 2004).

Сплетницы из кинематографического бомонд, а в пляжной пицундской истоме следившие за Мариной, появляющейся на пляже в бикини, гадали, сколько же ей лет. Как вспоминал драматург Аркадий Инин, «Марина была ослепительна... Спросить напрямую у самой актрисы они не решались и подъехали на кривой козе к ее сыну. И тут я увидел, как мальчишка гневно и на ломаном русском закричал: «Это не

можно сказать! Никогда не можно спросить, сколько лет женщина!» (Э. Косинчук, М. Евграшина. А. Инин: «Я понял, что женщины просто... ненавидят деньги» // Факты и комментарии. № 30 (1335). 15 февраля 2003).

В Пицунде. 1973 г. Фото К. Мустафиди

Пару слов о возрасте. Из уст Марины Владимировны: *«Нам было тридцать лет. Между тридцатью и сорока – это самый*

лучший возраст для женщины. После тридцати для нее начинается интересная жизнь. Потому что она уже пережила какие-то моменты, материнство, любовь... Потом, она уже в полной зрелости своего ума, но она еще совершенно молода. Она может новую жизнь начинать – то, что у меня было с Володией. Это самый богатый момент. Я тогда выглядела на восемнадцать, а у меня уже было трое детей...» (Ю. Пospelова. М. Влади: «Я никогда не занималась своей карьерой, я занимаюсь своей жизнью» // Домовой. № 20. 4 апреля 1995).

Одесские гранд-дамы, замечая на улицах родного города Высоцкого в обнимку с Мариной Влади, шушукались, недоумевая: «Она такая красивая, что она в нем нашла?» Вероника Халимонова, гася Маринины подозрения относительно Володиного поведения в ее отсутствие, со смехом передала ей мнение одесситок. Марина, видимо, не удержалась и сообщила об этом Высоцкому. Видимо, «потому, – предполагает Вероника, – он так серьезно потом на меня смотрел» (см. www.aviso.kiev.ua/vysotsky).

Потому остается только гадать, кого имел в виду поэт, признаваясь в «Опасных гастролях»:

Ну а женщины Одессы –
Все скромны, все – поэтессы,
Все умны, а в крайнем случае красивы...

Ростовская знакомая Владимира Семеновича, врач Светлана Гудцова в своих записках пишет: «...Все Володиные разговоры сводились к Марине, он постоянно ее упоминал – любил безумно. Такую любовь, я думаю, редко встретишь. Мне даже не верится в теперешние разговоры, будто у него было много женщин и прочее» (см. Высоцкий. Время, наследие, судьба...).

Администратор Запорожской филармонии Алексей Мироненко, опекавший Высоцкого во время выступлений в апреле-мае 1978 года, рассказывал, как во время поездки по городу, Высоцкий ни с того ни с сего, вне всякой связи с предыдущей вялой беседой, вдруг с досадой сказал: «Леша, представляешь, в Одессе с Марины хотели в гостинице валюту содрать как с иностранки. С моей жены!» А потом вдруг с нежностью и с нескрываемой гордостью признался: «Я ее так люблю... Такая женщина, ты себе просто представить не можешь!»

Четырьмя годами ранее Высоцкий был смертельно оскорблен, когда их вместе с Мариной по-хамски вынудили прервать черноморский круиз уже в Ялте, так как для иностранцев все прочие порты-стоянки тогда были закрытыми городами. Не

обласканный вниманием журналистов Алексей Пантелеймонович много видел и много знал. Он вспоминал, когда последовала строгая команда из местного «Белого дома» 1 мая концерты Высоцкого не проводить, дабы не сорвать демонстрацию, он повез его в ближайший райцентр Вольнянск. «Когда уже шел концерт, позвонила из Парижа Марина Влади: «Утром я в Москве», – рассказывал он. – Он не ожидал, видно. Вы бы посмотрели на его лицо – как мальчик! Сразу стал звонить в Москву: «Она прилетает, чтобы она ни в чем не нуждалась!» А как выбраться из Запорожья? Выяснили: из Харькова самолет в 3 часа ночи. Срочно машину! Тут ему навезли столько подарков: рыба, варенье, деликатесы. Боже мой! Он говорит: «Леша, забирай!» Куда? Зачем? Уговорил – все погрузили...» (В. Дорошенко. Все звезды прошли через мои руки // Индустриальное Запорожье. № 116–118 (16275–16277). 27 мая 2004). Добавлю из собственных впечатлений: после концерта Высоцкий на дикой скорости летел по лестнице, то и дело бухая объемистой сумкой по ступенькам. В конце лестницы из нее, словно кровь, сочилось алое варенье. Малиновое, наверное. Или клубничное...

Наблюдательная Инна Гофф (а каким же еще быть поэту? – Ю.С.) писала: «Она улыбается всем сразу, но видит только *его*. А он уже рядом, и они страстно целуются, забыв про нас. Нам говорят, что Марина только что прилетела из Парижа. Они садятся рядом. Она в черном скромном платице. Румяное с мороза лицо. Золотисто-рыжеватые волосы распущены по плечам. Светлые, не то голубые, не то зеленые глаза... Звезда мирового кино. Колдунья... Вот и *его* заколдовала... Приворожила... Они забыли о нас. Они вместе. Они обмениваются долгими взглядами. Она ерошит ему волосы. Кладет руку ему на колено. Мы не в кино. Это не фильм с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого. Это *жизнь* с участием Марины Влади и Владимира Высоцкого...» (И. Гофф. На белом фоне // Октябрь. № 10. 1989).

«Между Высоцким и Влади была большая любовь. Марина очень хотела от него ребенка, но Володя боялся, что ребенок может родиться нездоровым из-за его алкоголизма», – делился своим мнением фотохудожник «Интервенции» Валерий Плотников (см. О. Волкова // Собеседник. 25 января 2001).

Свидетели их романа дружно, чуть ли не в унисон твердили, что «Володя ей обязан многим. А мы все обязаны Марине тем, что он еще жил, потому что определенное количество лет – довольно большое – она его просто спасала от водки и от смерти...» (М. Шемякин. Я уговаривал его не умирать... // Советская молодежь. 7 ноября 1989).

Да-да-да, безусловно, Влади открыла Высоцкому мир. Но ведь

и он открыл ей свою любимую, а порой ненавистную родину-мачеху, которая была тайком влюблена в своего непутевого сына, но больно пинала его. И заслуженно, и понапрасну.

Высоцкий нуждался в постоянном присутствии Марины рядом, он тянул ее за собой на съемки то в Белоруссию, то в Прибалтику, то в Гагры, то на гастроли в Ленинград, то на Черное море – в Сочи, Ялту, в Одессу, то на свои концерты... Ее приводило в восторг, как ее Володю встречают, как радуются, поклоняются, как ему аплодируют, как любят и всегда ждут. Журналисту Леониду Плешакову Марина рассказывала, что «Володя старался показать мне как можно больше всего из того, что он любил, что было ему дорого... Он очень любил Москву и хорошо знал ее. Не традиционные достопримечательности, которые всегда показывают приезжим, а именно город, где он родился, вырос, учился, работал. Со всякими заповедными уголками, чем-то близкими и дорогими ему... Мы очень любили вечерами бродить по московским улицам. И что больше всего меня поражало, если хочешь, изумляло, покоряло: чуть ли не из каждого окна слышны были Володины песни...» (см. polit.kulichki.net/vv/).

Михаил Шемякин: «Володя ей обязан многим.

А мы все обязаны Марине тем, что он еще жил, потому что определенное количество лет – довольно большое – она его просто спасала от водки и от смерти...»

Она была благодарна Владимиру за отношение к ее сыновьям: «Он открыл им Россию. Если бы не он, им, может быть, никогда бы и не довелось ее увидеть... Володино влияние было колоссальным. Мои сыновья обожали его, если не сказать – боготворили. Он не был им отцом по крови, но они, может быть, даже сильнее, чем можно любить отца, любили его – как друга,

своего парня, как брата... Особенно любил его мой младший – Володька...» (А. Свистунов. М. Влади: «Мы играли нашу юность» // Советский экран. № 9. 1989). «Они тогда были маленькие и тянулись к Володе, как крошечные зверечки, ласкаясь и получая нежность и ласку, доброту и сердечность, – вспоминала Марина. – И только потом, позже, когда подросли, поняли, с каким человеком их свела судьба, великим человеком, которого они и поныне называют отцом. Хвастают, словом...» (С. Чесноков. Боль, горечь, любовь // Ленинградская правда. 3 марта 1989). *«Средний, Петя, не без его влияния увлекся игрой на гитаре. Тогда Володя подарил ему инструмент. С его легкой руки юношеской увлечение сына стало теперь его профессией... Володю любила вся моя родня, все мои парижские знакомые, как ни странно, даже те, кто никогда не был связан с Россией, с Советским Союзом ни в каком смысле, ни по языку, ни по политическим убеждениям. Его песнями у нас заслушивались...»* (Л. Плешаков. Я жив тобой...).

Марина Влади знала наизусть весь таганский репертуар. Особенно часто смотрела «Гамлета». Алла Демидова в своей книге «Высоцкий, каким знаю и люблю» описывает характерную сценку: «После антракта, перед началом второго акта, мы сидим с Володей на гробе, ждем третьего звонка и через щель занавеса смотрим в зрительный зал. Выискиваем одухотворенные лица, чтобы подхлестнуть себя эмоционально. Показываем их друг другу... В зале сидит Марина Влади. Володя долго смотрит на нее, толкает меня в бок: «Смотри, моя девушка пришла». После этого всегда играл нервно и неровно...» (М., СТД РСФСР, 1989).

Известный постановщик кинотрюков Александр Массарский, случайно оказавшийся на съемочной площадке картины «Плохой хороший человек», был откровенно поражен первой встречей с Мариной Влади: «Высоцкий в гриме фон Корена готовился к очередном кадре и о чем-то беседовал с красивой женщиной, лицо которой мне показалось очень знакомым, – так бывает, когда встречаешь артистов в обычной обстановке, без грима и в повседневной одежде. Я наблюдал, как она заботливо поправляет ему прическу, пытался вспомнить, где мы могли с ней встречаться, и понимал, что мы не знакомы. Она вела себя естественно, старалась не привлекать к себе внимание окружающих, никого не замечала вокруг и смотрела на Володю восторженным влюбленным взглядом. Она посмотрела в мою сторону, и я понял, что это Марина Влади. На ней было простое ситцевое платье, настолько скромное, что, когда по студии пошел слух о присутствии Марины Влади во втором павильоне и студийные девушки под любым предлогом заглядывали в декорацию, ожидая увидеть размалеванное «чудо», они

равнодушно скользили взглядом по лицу актрисы, на котором не было вызывающей косметики, и разочарованно уходили, не узнав ее.

Володя познакомил нас, и в это время его позвали к съемочной камере. Разговаривать с Мариной было легко, и вскоре мне стало казаться, что мы и впрямь с нею давно знакомы, но о чем бы мы ни говорили, она неизменно переводила разговор и все рассказывала или расспрашивала о Володе...» (см. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988).

Порой, когда Высоцкий бывал не совсем в форме, Марину использовали в качестве «неотложки», «скорой помощи», «спасательного круга». Ее разыскивали, где бы она ни была, – и она молниеносно прилетала. Художник по костюмам Г. Ганевская, работавшая на съемках фильма «Четвертый», вспоминает, как Влади в пожарном порядке вызвали из Парижа в Прибалтику, так как исполнитель главной роли запил и «не мог остановиться... Она была единственным человеком на свете, имеющим на него влияние, оказывающим немедленное воздействие. Марина тотчас же прилетела, бросив все свои дела. И принялась выручать его и, значит, нас... Он никогда не давал нам понять, что ему трудно или плохо. На лице у него не отражались следы многолетнего разрушения организма, он нес это внутри. А владение собой у него было просто колоссальное...» (см. Вагант. № 2–3 (51–52). 1994).

По негласной договоренности, в дни отсутствия Марины в Москве жены и подруги самих друзей брали «шефство» над Владимиром Семеновичем, «буйной головушкой». Римма Туманова, жена Вадима Ивановича, разбирала мешки с письмами поклонников, классифицировала, писала коротенькие «сопроводиловки». Ругательные цидулки, которых тоже хватало, поначалу показывала, а потом стала выбрасывать их к чертовой матери. Она же считала себя «главной кормилицей» Высоцкого: привозила из Пятигорска в «белокаменную» фирменные куриные потрошки, чтобы приготовить любимый Володин супчик, угощала его маринованным чесночком. «Марина, – считала Римма Васильевна, – относилась ко мне очень хорошо... Правда, только потому, что я была женой Туманова...» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988).

В Черногории на съемках фильма «Единственная дорога». 1974 г.

Жене Олега Халимонова Веронике иной раз тоже доводилось «дежурить у Володи на Матвеевской. У него бывали жуткие депрессии, он метался, не знал, куда деваться, рвался куда-нибудь уйти. И тут – говорит мне: «Я вспомнил: срочно надо на киностудию», – надевает курточку. А внизу машина. И если он в таком состоянии сядет за руль?! Я отвечаю обреченно: «Тогда я тоже с тобой поеду». Володя смотрит на меня: видит, что это серьезно: «Ну хорошо, я останусь. Господи, какая тоска!» Мне было так его жалко!» (см. Высоцкий: время, наследие, судьба // www.aviso.kiev.ua/vysotsky).

Во время гастролей театра в 1977 году в Марселе Высоцкий «ушел в пике». Его искали всю ночь напролет. Марина прилетела из Парижа. Несчастного Гамлета отыскивали только на рассвете. Алла Демидова вспоминает: «... она (Влади – Ю.С.) имела власть над ним. Он спал под снотворным до вечернего «Гамлета», а мы репетировали вариант на случай, если Высоцкий не сможет выйти

на сцену. И... так гениально он не играл никогда – ни до, ни после... Это уже было состояние не «вдоль обрыва, по-над пропастью», а – по тонкому лучу через пропасть. Он был бледен как полотно. В интервалах между своими сценами прибегал в мою гримерную, ближайшую к кулисам, и его рвало в раковину сгустками крови. Марина, плача, руками выгребала это. Володя тогда мог умереть каждую секунду...» (А. Демидова. Память взрывается болью // Комок.ru. 19–25 августа 2002).

«Марину, – рассказывал Даниэль Ольбрыхский, – я называл своей сестричкой». «Я знаю, – говорил он, – как ей приходилось трудно. Володя, приезжая в Париж, исчезал с Мишей Шемякиным – и еще хорошо, если дня на три...» (Д. Ольбрыхский: «Когда террорист-шизофреник схватился за ручку кабины пилота, я уложил его приемом дзюдо» // Бульвар. № 48 (422). 2003).

Исчезновения Высоцкий, естественно, практиковал и в Москве. Нередко с Володарским. Последний с улыбкой рассказывал об одном приключении, сегодня курьезном, а тогда... Это произошло во время съемок «Арапа». Эдуард Яковлевич живописал: «Я уже выходил из запоя. Вдруг появляется Высоцкий пьяный! И все начинается сначала. Мы сидим у меня дома, пьем. Володя смотрит на часы и говорит: «Через три дня Мариночка прилетает». Продолжаем гудеть. На следующий день Володя опять смотрит на часы и говорит: «Через два дня Марина прилетает. Надо бы ее встретить». На третий день: «Через два часа эта сука прилетит!» Естественно, мы ее не встретили. Фарида, моя жена, отвезла Володьку на Грузинскую, чтобы он был там, когда из аэропорта приедет Марина. Он вернулся к нам ночью в разорванной рубашке: «Вот, любимую рубашку порвала». Наутро появилась Марина, в леопардовой шубе, роскошная, волосы по плечам. И на пороге говорит Фариде: «Дай мне денег, я улетаю». Фарида говорит: «Ну ты посиди, отдохни, потом полетишь». Она хотела их помирить. Марина вошла. Села на кухне. На столе стояла бутылка коньяка. Она тут же себе налила, выпила. А мы совещаемся в комнате. Володя говорит: «Я слышу, как она пьет! Она выпьет последний наш коньяк!» Он встал, пошел на кухню. Протянул руку к бутылке. Марина тоже хватает бутылку. Идет молчаливая борьба. Он все-таки вырвал, победоносно вернулся в комнату, и мы ее прикончили. Марина говорит Фариде: «Так нельзя. У Володи спектакли, фильм, его нужно выводить. Надо что-нибудь придумать» (Н. Ртищева, И. Барышева, А. Головенко, А. Щуплов. Э. Володарский: «Как нас с Высоцким в Склиф везли» // Родная газета. № 35. 25 декабря 2003).

Короче говоря, Высоцкий вернулся на кухню и потребовал

водки. Марина сказала, что водка есть, но не здесь, а в Склифе. Друзья были уже такие хорошие, что последовали совету мудрой Марины. Приехали. А там все ребята знакомые из бригады реанимации, сообразили, что нужно делать. Первым делом увели куда-то Владимира Семеновича, сделали укол, повели в другую процедурную. Увидев Володарского, замогильным голосом сказали: «Беги отсюда, ничего здесь не дают». Знаменитый сценарист, недолго думая, вылез в окно – и сбежал. На следующий день ему позвонила Марина и пригласила на чай. Володарские приехали. Высоцкий сидел хмурый с фингалом под глазом, объяснил: санитар врезал...

Считать, что все поголовно млели и таяли при виде звездной пары, было бы безусловной ошибкой. Актер Станислав Садальский (Кирпич в сериале «Место встречи изменить нельзя»), подрабатывающий ныне на эпатажных скандальных воспоминаниях, откровенно гордится собой, вспоминая, как на съемках в Одессе он, ерничая, нахально вопрошал, в упор глядя на Марину Влади, что это, мол, за толстая тетка маячит там на съемочной площадке (см. Л. Кислинская. О бедном гусаре замолвите слово // Совершенно секретно. № 8. 2001). В своей книжке «Дебил-шоу» Садальский дополнял сцену такими деталями: «Марина Влади обратилась к Владимиру: «Долго мне здесь, как говну в воде, болтаться?» Все, естественно, знали, что это Влади, но мне захотелось выпендриться:

– Володя, скажите, а кто эта толстая тетка?

– Ты что, ох...? Это Марина Влади! – заткнул меня бард. (Простите, но Высоцкий выразился именно так)» (см. С. Садальский. Выпивавшие на кухне у Высоцкого друзья связали его... // Факты и комментарии. 23 октября 2002).

Евгений Шутов, сыгравший в этом фильме роль старшего следователя Панкова, заочно возражает «Кирпичу»: «Марина? Она очень естественная и добрая. Привезла из Парижа сигареты «Винстон» и всех нас угощала. Володе привезла джинсовый костюм, настоящий, это тогда очень модно было. Вообще-то Марина – женщина решительная и уважающая себя, свою личность... Они с Володией уехали из Одессы на далекие острова – Таити. Высоцкий должен был вернуться, наверное, недели через три-четыре. Смотрим, очень скоро он появился. В чем дело? Оказалось, в тех краях много алкогольных соблазнов, он и не выдержал... Из-за этого они и рассорились...» (Вагант. № 6, 8 (55, 57)).

Выступление перед рабочими КАМАЗа. 1974 г. Фото Н. Гривы

Бизнесмен Бабек Серуш, как и многие другие, считает, что «Марина... открыла ему дорогу на Запад. Володя увидел мир – и не глазами туриста, а глазами человека, который там жил. А это очень важно. Потом Марина, конечно, его дисциплинировала. Если у Володи случались срывы, загулы, – он старался, чтобы она не узнала об этом...» (см. Вагант. № 6 (июнь). 1990).

Открывала «дорогу на Запад» Высоцкому, конечно, Марина. Но реально «шлагбаум» находился в руках чиновников. Впервые они подняли эту полосатую палку перед Высоцким в апреле 1973 года.

«Перед выездом в загранку заполняешь кучу бланков...», – об этом Высоцкий знал давным-давно. И пошло-поехало: заявление-анкета, характеристика с места работы, справка из домоуправления, приглашение: «Я, нижеподписавшаяся, Марина-Катрин... приглашаю на полное материальное обеспечение своего мужа, Высоцкого В.С...» (представьте, каково ему это было читать. – Ю.С.) и т. д.

В конце концов, через четыре года, Высоцкому были дозволены многократные выезды к жене по «заявлению в произвольной форме». Как писал поэт, *«мне такое не мнилось, не снилось!»*.

По мнению кинорежиссера Станислава Говорухина, «это была красивая, длившаяся много лет духовная связь двух бесконечно талантливых людей. Марина пыталась замедлить его бешеный темп – вдвоем трудно так быстро нестись по жизни. Отчасти ей

это удалось. Во всяком случае, она продлила ему жизнь...» (см. Владимир Высоцкий. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988).

Аналогичной точки зрения придерживался еще один «математик» – режиссер киностудии «Беларусьфильм» Виктор Туров: «Я думаю, что Марина Влади минимум на шесть-восемь лет продлила ему жизнь...» (см. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: АльфаПресс, 1999). «Она своими приездами, своими связями спасала его, – считает и Борис Хмельницкий. – Если бы не она, он ушел бы намного раньше. Мы-то знаем...» (Е. Васенина. Б. Хмельницкий: «Почаще сидите за столом с умными людьми...» // Новая газета. 29 января 2001).

Даже Павка Корчагин с «рожей Шарапова» – Владимир Конкин рассказывал о Влади: «Она мне говорила, что показывала Володю лет за 5–6 до этого в лучших клиниках Парижа. Занималась его здоровьем, но врачи уже тогда предполагали, что он проживет МАКСИМУМ 6–7 лет. Он прожил 10» (В. Громов. В. Конкин: «Когда у Высоцкого не хватало аргументов, он... открывал свою луженую глотку» // Факты и комментарии. № 54 (1359). 25 марта 2003).

Вот уж никак не подозревал, что у Конкина такие напряженные и скверные отношения с арифметикой...

Весьма проникательным в оценке взаимоотношений Влади и Высоцкого был взгляд актера, режиссера и литератора Леонида Филатова: «Масштаб его истинный обнаружила только Смерть. Вот такой обрыв – бах! Думаю, этого не предполагал никто. Ни папа, ни мама, ни даже, рискну предположить, Марина. Потому что, как она ни русская, но все-таки «не наша». Поэтому понятие «слава» для нее в чем-то другом. Но когда она увидела это сумасшествие – как ахнула вся страна!..» (Н. Котова. Обрыв // Городской дилижанс. 20 июля 2000).

Валерий Золотухин высмеивал тех, кто пытался представить роман Высоцкого и Влади неким мезальянсом: «Что за ерунда! Лучшим подтверждением Володиных чувств является его любовная лирика. Глядя в потолок, ничего не испытывая, человек вряд ли напишет: «Двенадцать лет тобой храним...». Стихи – они всегда идут от сердца, из души. Другое дело, что любовь не вечна, и с годами страсть проходит. Высоцкий был чертовски обаятельным человеком, женщины его обожали, да и он – натура увлекающаяся. Марина многого не знала из его донжуанского списка, да и Володя, думаю, не подозревал, чем живет без него Марина...» (Л. Цыганова. В. Золотухин: «Дружба с Высоцким – это пожизненная честь и каторга» // Экономика и жизнь – Калмыкия. № 13. 03 апреля 2003).

Высоцкий был из ревнивцев-собственников. А может, и Марина давала тому повод? Не знаю.

Но наблюдательная женщина, жена актера Николая Гринько Айше Чулак-Оглы однажды заметила, как Марина «в перерыве съемок («Сюжет для небольшого рассказа». – Ю.С.) уговаривала кого-то по телефону взять ее сыновей в «Артек». В противоположном углу очень большой и длинной комнаты появился какой-то молодой человек. Марина говорила, не поднимая глаз. Когда юноша вышел, она, прикрыв трубку, спросила: «Кто этот парень?» Вот что такое настоящая французженка!» (см. Г. Видова. Характер у меня ужасный, поэтому спокойно играю гадких женщин // Сегодня. № 1031. 10 декабря 2001).

Влади рассказывала, что после смерти мужа ее преследует сон: «Мы ходим тут где-то, в прекрасном лесу, осенью, когда все очень красиво, тепло. Мы ходим и летаем в то же время. Это жутко приятно. И жутко, когда просыпаешься: жизнь совсем другая, нет Володи уже... Он часто возвращается ко мне, этот сон. Раз десять или пятнадцать это было... И еще один сон, что я встречаю его, а он вовсе не умер, постарел, правда...» (Ю. Поспелова. М. Влади: «Я никогда не занимаюсь своей карьерой, я занимаюсь своей жизнью» И Домовой. № 20. 04 апреля 1995).

* * *

Мариной Владимировной и восхищались, и, как водится, ненавидели ее, или, говоря чуть мягче, терпеть не могли. Юрий Нагибин, Нина Ургант, Лариса Лузина, Володарский, Шемякин. Нет-нет, никто, разумеется, не смеет отнять у них этого недоброго права.

Валерий Золотухин: «Лучшим подтверждением Володиных чувств является его любовная лирика. Глядя в потолок, ничего не испытывая, человек вряд ли напишет: „Двенадцать лет тобой храним...“» Фото Валерия Плотникова

Юрий Нагибин в посмертно опубликованных «Дневниках» злорадствовал: «Марина Влади проповедовала у нас на кухне превосходство женского онанизма над всеми остальными видами наслаждений. В разгар ее разглагольствований пришел Высоцкий, дал по рожке и увел...» (М.: Книжный сад, 1996).

Имела свои счета и претензии к Марине Влади и Нина Ургант. Она, скажем, с оттенком брезгливости помнит, как «Марина решила подарить Володе на день рождения трусы... длинные, до колен. «Зачем так унижать человека?» – спросила я.

Она рассмеялась: «Он пришел ко мне в таких в первую ночь...». Он всегда хотел ей соответствовать. Заработает 20–30 рублей и тут же ей отдаст. А она, как русская баба, хватить их и за пазуху. Вот такая она, великая французская актриса. Не люблю я ее...» (www.kulichki.com/vv/). По мнению Нины Николаевны, Марина «понимала, кто такой Володя Высоцкий... Она была типичная француженка, очень расчетливая, себе на уме. И в ее любви к Высоцкому был свой расчет...» (Н. Ургант. Жизнь – это путешествие от любви к любви // Амурский меридиан. № 22 (89). 30 мая 2001).

Ургант считает, что Марина Влади не так уж старательно стремилась уберечь мужа от пьянства. Актриса рассказывает: «...Я болела воспалением легких, ко мне из театра приходила медсестра Зиночка ставить банки... Володя заходит ко мне в комнату: «Ниночка, твоя медсестра может вынуть мне ампулу?» (Он тогда «подшивался» от спиртного). Спустил джинсы, а в верхней части ягодиц огромная воспаленная гематома. Я сразу позвала Зиночку, та посмотрела: «Надо срочно вытаскивать – иначе заражение крови!» Вытащила, обработала рану, зашила. И тут возвращается из магазина Марина, принесла какие-то продукты и шампанское. Я к ней: «Маринка, представляешь, Володьке пришлось ампулу вытащить! Что же делать?!» А она с радостью: «Вытащили? Тогда давайте выпьем шампанского!» Достает бокалы и наливает Володе. Зачем?! Я ее чуть не убила» (Н. Ургант. Пять утра, звонок в дверь. На пороге Миронов, Ширвиндт и хромой Гердт в чем мать родила... // Бульвар. № 35 (305). август 2001). Георгий Юнгвальд-Хилькевич подтверждал: «Марина... сама выпивала. Настаивала, чтобы он не пил, убеждала его, но в доме все время была водка...» (Д. Гусев. Инвалид, алкоголик, бабник? // Московский комсомолец. 28 апреля 2001).

Окончательно добил Нину Николаевну эпизод с Мариниными «сигаретками»: «Однажды я увидела у нее необычную сигарету. Захотелось попробовать, тогда же дорогие импортные сигареты можно было купить только за доллары. Попросила: «Марина, угости!» Она улыбнулась: «Ты не станешь это курить». – «Ну, мне хочется. Жалко, что ли?» – «Нет, не жалко – бери». Я сделала затяжку, тут же «поплыла» и отбросила сигарету». Потому что хоть и курильщица, но не наркоманка» (М. Садчиков. Н.Ургант: «Высоцкий был для меня просто Володи» // Труд. 23 июля 2002).

Михаил Шемякин, напротив, считает, что «самое большое несчастье в жизни Марины – это было узнать, что, кроме алкоголизма, Володя стал страдать еще и наркоманией. Шприцы она обнаружила у него случайно в кармане, когда он

«отключился» после выпитого, и это, конечно, был страшный день в ее жизни.

Она поняла, что это конец, потому что соединение наркотиков с алкоголем приблизило его кончину. Володя проклинал алкоголизм, от которого он безуспешно пытался избавиться. Мы с ним вместе подшивались, поскольку я сам тоже страдал запоями, и Марина, ожидая его и нервничая у телефона, тоже стала спиваться. Она подшивалась у того же врача...» (Е. Коросташевская. М.Шемякин: «Мы подшивались вместе с Высоцким» // Сегодня. № 110. 13 июля 2000).

Питерская актриса признает, что поначалу у Высоцкого и Влади был период безоглядной влюбленности. Марина его... «прихватила» – ну кто же откажется от такой красивой, сексапильной, к тому же знаменитой француженки? Нина Николаевна полагает, что «в ее любви был свой расчет: ей хотелось сделать Высоцкого ручным, домашним. Помню, как она самолетом везла из Франции ручки, задвижки, крючки, гвозди для их новой квартиры. Хотела свить с ним гнездышко. А он же принадлежал всем, не подчинялся никому...».

А некоторые, напротив, подозревали в прагматизме как раз Высоцкого. Частный переводчик Давид Карапетян вообще самоуверенно считает, что «жениться на иностранке подвигнул его мой пример. Он видел, что такое жена-француженка, сколько благ это сулит (моя Мишель много раз вытаскивала нас из всяких пьяных историй). И тоже решил попробовать...» (А. Амелькина. Высоцкий мечтал о многоженстве // Комсомольская правда. № 133/30 (22838). 26 июля 2002).

У Нины Шацкой были свои причины недолюбливать Влади едва ли не с первых дней знакомства. Ревность, что ли, сказалась, что не она «царица ночи»? Раздражение, что перед другой все мужики «кобелируют»? Обида за Люсю? Все вместе, наверное. Своему тогдашнему мужу Золотухину она выговаривала: «Бездарная баба, а вы ее облизываете все, просто противно, а ты больше всех унижался, как ты гнул спину... Я зауважала Высоцкого, он хоть не скрывает своих чувств, а ты все время старался спрятать их и оттого был еще меньше, жалким...» (В. Золотухин. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

Людмила Абрамова, естественно, не питала никаких теплых чувств в отношении к Влади. Но свою неприязнь проявляла как бы косвенно, говоря, что после шестидесятых «он перестал быть веселым, смешливым, может быть, оттого, что плохо себя чувствовал, или друзья, окружавшие его, уже не располагали к веселью. Рассказывал остроумные истории, но сам не смеялся. Однажды ехал в автобусе с другом и стал читать из газеты беседу

Брежнева с журналистом. Сидевшая около публики просила «сделать погромче», думая, что это радиоприемник, а Володя даже не улыбнулся...» (А. Шарунов, А. Щуплов. Струны вещице // Российская газета. 25 июля 2002).

В Париже. 1977 г.

Упоминавшийся ранее альпинист Леонид Елисеев тоже не особо жаловал Марину, то и дело сравнивая ее с Люсей Абрамовой. ««Пристегнутый» к Влади Володя не был тем рубахой-парнем с душой нараспашку, готовым первым оказаться там, где трудней и опасней, каким он был в горах. Невольно припомнился и другой характерный случай, когда Володя со Славой (Говорухиным. – Ю.С.) случайно встретили мою жену. Володя отобрал у нее большой чайник и понес, не стесняясь, по улице Горького. И так, с чайником в руках, появился на пороге моего дома на Неждановой. Теперь же словно что-то подломилось... Я... видел в ней причины, вследствие которых Володя не с нами, как раньше. А душевное признание мною Марины я ощущал бы предательством по отношению к матери Володиных детей. Мне ясно, что не было бы Марины – не было бы и застолья. Для всех очевидно, что многие считали за счастье пригласить мировую кинозвезду к себе в дом, на дачу, в ресторан... Прошло несколько лет (после 69-го. – Ю.С.). Мы встречались редко. В основном, в Доме кино. Володя всегда приходил с женой, был приветлив, но былой дружеской радости не проявлял – его сдерживали

невидимые вожжи Марины, которые я чувствовал...» (otblesk.com.).

Актрису Ларису Лужину также многое раздражало в Марине Влади. Например, то, что, когда последнюю спрашивали о песне «Она была в Париже», она, как правило, уклончиво отвечала: «Помоему, эта вещь была написана для кого-то из ваших артисток – кажется, для Тамары Семиной. Хотя, возможно, я ошибаюсь». Если зрители громко уточняли: «Для Лужиной», парижанка, поджав губы, резко закрывала тему: «Возможно» (см. О. Кунгурцева. Л. Лужина: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар. № 3 (377). Январь 2003).

Художник Михаил Шемякин, «друг-товарищ» Высоцкого, считает, что Марина просто ревновала его. «Она была оскорблена, что Володя написал песню «Французские бесы», в которой она отсутствует. Она собрала чемодан – и хлопнула дверью... Не забывайте, кем была Марина в те годы для всех русских ребят! Молодая колдунья! Которая сегодня для меня превращается в ведьму. Колдунья очаровывает, околдовывает Володю. Как мы смотрели на людей из сказочного Парижа! Марина была безумно красивой... У них была большая любовь – страсть...» (Резанов – Хорошилова. Черный волк // Комсомольская правда. 19 октября 1993). Ранее живописец рассказывал эту же историю примерно так же, но чуть подробнее и подобнее: «Володя вернулся в Москву и здесь написал «Французские бесы». И когда он утром – радостный! – прочитал это Марине, она сказала: «Ах, вот как! Я тут мучилась, а песня посвящена Шемякину?! И обо мне вообще ни слова! Вы негодяи...». Они поскандалили – Марина улетела в Париж. Володя бросился вслед за ней, прилетел – и сразу ко мне. Вот тогда он и спел эту песню...» (см. В. Перевозчиков. М. Шемякин: «Я уговаривал его не умирать...» // Работница. № 08. 1989).

«Она пыталась перенести на русского мужа свое трезвое – во всех смыслах – отношение к жизни, – анализировал «парижские» отношения Влади и Высоцкого Шемякин. – И считала, что именно рационализм, настойчивость, сильный характер ограждали Высоцкого от более раннего ухода. А он, умом понимая, где и кто его спасение, душой рвался в «Большой Каретный»...» (см. В. Дымарский. Меня сегодня бес водил по городу Парижу // Российская газета. 24 января 2003).

А чуть раньше он говорил: «Я знаю, что Володя всегда был благодарен Марине за то, что она действительно сначала спасала его от алкоголя, а потом, конечно, безуспешно, пыталась бороться... с его пристрастием к морфию. Таким образом он

пытался как-то себя поддерживать для того, чтобы работать. Но это, конечно, его убивало. И для Марины, и для всех нас это была большая трагедия. Я в своем первом некрологе сказал, что мы все должны быть благодарны Марине за то, что 12 лет она спасала его для нас, для творчества и для России...» (И. Меркулова. М. Шемякин. Горячие интервью // Эхо Москвы. 25 июля 2000).

Шемякин рассказывал, что у него есть прекрасная и достаточно характерная фотография Влади и Высоцкого, сделанная на ярмарке Фуа Детрон под Парижем: *«Они стоят рядом, практически одного роста. А по книге (Владимир, или Прерванный полет. – Ю.С.) получается, что она, такая великая актриса, с высоты своего положения и могучего громадного роста заметила, приютила и обогрела маленького советского человечка, правда, с большим необузданным талантом. Она мне всегда говорила: «Больше всего я боюсь, что после смерти из него сделают героя. Он же обыкновенный парень, и к тому же дикарь...»»* (М. Цыбульский «О Владимире Высоцком вспоминает Михаил Михайлович Шемякин» // v-vysotsky.narod.ru).

Жена Шемякина Ревекка также считала, что «Марина... ревновала... Володю только к Мише. А к нам с Дорой (дочь Шемякиных. – Ю.С.) она его отпускала спокойно. Было исключительно уютно: я лепила, стояла у станочка. А Володя лежал на диване... и читал...» (см. Вагант. № 1 (26). 1992).

Эдуард Володарский считал, что «последние два года дело шло к разрыву, он уже изнемогал под ее гнетом. Характер у Марины стальной – недаром все предшествующие мужья, когда о ней заходит речь, крестятся и плюются. Она сама рассказывала, как однажды повела Володьку к психологу, чтобы вылечить от запоев. Побеседовав с Высоцким, врач пригласил ее: «Мадам, дела вашего альянса довольно плохи, в представлении мужа вы являетесь собой огромную черную тучу». «Мадам» впала в бешенство: «Представляешь, какой идиот? Сказал, что я туча! Какая еще туча?!» (Т. Романова. А я все помню, я был не пьяный... // Огонек. № 25. 06 сентября 1999).

С Михаилом Шемякиным в Париже. 1978 г. Фото П. Бернара

Упрекая Марину Влади в излишней жесткости характера, «хищности», Володарский как будто и знать не хочет предсмертных слов своего друга: *«Я жив, двенадцать лет тобой и Господом храним...»*. И с усмешкой вспоминает о «молодеческих шалостях»: «...Мы с ним пускались в загул. Чудовищно куролесили по всей Москве. Нас Марина с милицией искала. Сидим, пьем. Вдруг телефонный звонок – вбегает хозяйка квартиры и говорит нам, как революционерам-подпольщикам: «Володя, Эдик, смывайтесь! Сюда Марина едет с милицией!». Мы смывались. Минут через пятнадцать врывается Марина и громовым голосом спрашивала: «Где он? Где этот мерзавец?!»... Но для нее искать его по друзьям было страшно унижительно. Несмотря на то, что она русская, но все-таки французская женщина. Притом артистка, и тогда очень знаменитая. Она с ним

какое-то время справлялась, и то в последние года три у них все шло к разрыву. Причем больше рвался он...» (Н. Ртищева. Морфий для поэта // Московский комсомолец. 25 января 1998).

Володарский частенько возвращался к этой теме в своих воспоминаниях: «В последние года три он вообще хотел с ней развестись. Высоцкий Марину боялся! Он хотел от нее слить... Наркотики тоже сыграли роль немалую в их разрыве... Влади могла перекрыть Володе кислород наглухо. Она показала себя абсолютной террористкой! Такая может переступить через что угодно...». И далее драматург упрекал «коллегу» по перу: «В той книге Влади все врет! Никаких «мерседесов» она Володе не покупала. Кроме курточек и джинсов, ничего ему из-за границы не привозила... Когда Влади приезжала в Москву, денег здесь вообще не тратила. Володька разбивался в лепешку, чтобы дом был полной чашей. Марина даже улетала обратно во Францию на деньги Высоцкого... Ее значимость за границей у нас сильно преувеличивали. Там она считалась средней артисткой. Правда, удачно снялась в «Колдунье». У Марины были достаточно тяжелые времена... Володя, когда ездил во Францию, возил через границу по 10–15 цветных телевизоров «Шилялис». Я лично помогал грузить их на таможне. В Париже эти телики почему-то пользовались бешеным спросом. Их продавали через комиссионки. На вырученные деньги Марина жила. Таможенники на эти манипуляции закрывали глаза... За франк она готова удавить кого угодно. Чисто французские дела...» (Б. Кудрявов. Э. Володарский: «О Высоцком врут все» // irrkut.narod.ru/skandal.htm).

Ну, тут Эдуард Яковлевич несколько погорячился, по-моему. Навряд ли «Шилялисы» могли служить главным источником существования активно востребованной западноевропейской актрисы.

Упоминавшийся уже Игорь Пушкарев придерживается прямо противоположной точки зрения. Он считает, что Марина попросту развратила Высоцкого своими диковинными заморскими подарками: «Мы все тогда жили более чем скромно. Иномарок ни у кого не было. А Высоцкому еще в 68-м году Марина стала привозить из-за границы первые машины-презенты. И друзья (видимо, Пушкарев себя, прежде всего, имеет в виду? – Ю.С.) стали отходить на второй план... Когда они сошлись, многие из нас не поверили в серьезность их отношений. После случившегося мы стали потихоньку отдаляться...» (Б. Кудрявов. Высоцкий выиграл на спор любовь Марины Влади...). Давид Карапетян также считал: «Она баловала его, задаривала подарками из бутиков, шмотками, которые ему не шли. Все началось с этих

безобидных вещей, но именно они его неузнаваемо изменили...» (Е. Сажнева. Д. Карапетян: «Я любил Высоцкого, как мужчина женщину» // Московский комсомолец. 24 января 2004).

Ну, если касаться материальных проблем, то тут, как писал поэт, *«есть множество мнений»*. «Деньги от Марины – это чистая иллюзия», – утверждал Валерий Янклович, один из импрессарио Высоцкого, которому как никому другому были доподлинно известно содержание бумажника и финансовое самочувствие певца.

Близкий Вадиму Туманову Юрий Емельяненко в свое время частенько навещавший дом на Малой Грузинской и вблизи наблюдавший семейную жизнь Высоцкого, имел свое мнение: «Он и любил ее, и, действительно, потом уже, под конец, и страх появился. Потому что для Володи Марина была как символ связи со всем миром, контактов и возможностей всяких, а ему без этого просто жить невозможно было... И Марина становилась все взрослее и мудрее, а Володя становился все более инфантильнее и ребячливее. Он не видел, кто рядом с ним, он сам себе создавал кумиров, сам в них влюблялся. И об этом мне постоянно говорила Нина Максимовна...» (см. irrkut.narod.ru).

Известный целитель из татарского села Старое Аракчино Ильдар Ханов, лечивший Хрущева, избавивший от геморроя другого генсека – Брежнева, помогавший с решением медицинских проблем Святославу и Девике Рерих, знал Высоцкого еще со студенческих лет. Он рассказывает, что «трагедию его жизни я и в самом деле видел уже тогда. Зло пришло от Марины Влади. И самое ужасное – я никак не мог это предотвратить...» (см. А. Белевцев. На берегу Волги строится храм всех религий // Экспресс-газета. 25 июня 2001).

Елена Садовникова, которая профессионально занималась «историей болезни» Высоцкого, сообщала, что у нее сохранилось несколько записок и письмо Высоцкого, в котором он откровенно ей признавался (при всей своей закрытости): «Наши отношения с Мариной напряжены, на грани разрыва, и мне это страшно горько...» (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

Известный администратор «Москонцерта» Нина Обухова, на чьи воспоминания уже приходилось ссылаться выше, прямо говорила, что Марина Влади «пыталась внушить ему ложный образ, стала для него кривым зеркалом. Как-то Саша Хоминский (питерский актер. – Ю.С.) приехал, давно не виделся с Володькой, они же такими друзьями всегда были. И вот он идет навстречу Высоцкому: «Привет, Володька!» А тот в кожаной кепочке, в модной дубленке, раз – и оборвал: «Владимир Семенович!» Сашка: «Вот так круто?» Высоцкий: «Да, я знаю себе цену»...

Влади загоняла его вконец: по 5 концертов в день играл человек. Деньги на нее зарабатывал. Надорвался. И все-таки в глубине души он оставался собой. Когда я выходила замуж, отозвал меня и сказал, глядя в сторону: «Нина, заводи детей. Дети – это так важно. Это такая опора – семья. Я знаю – я плохой отец (помолчал). Но я так их всех люблю» (М. Мелкая. В тени звезд советской эпохи // Смена. № 228. 13 декабря 2002).

С Михаилом Барышниковым и Мариной Влади в Нью-Йорке. 1979 г.

Бывший партнер Высоцкого по сцене Николай Губенко также весьма нелестно отзывается о Марине Владимировне: «Высоцкий много пил, но потом ушел из алкоголя на наркотики, к которым его приобщила Марина Владимировна и ее старший сын. Так что, когда после смерти Володи Марина стала говорить, что она была его ангелом-хранителем, это не совсем так. Конечно, ничего об этом нет и в ее книге, которую она написала в память о Володе. Но все окружение Высоцкого про роль Марины знает...» (О. Владимирова. Н. Губенко: «При нашей свободе с человеком могут сделать что угодно» // Нижегородская правда. № 77. 17 июля 2001).

Иосиф Кобзон, певец и депутат Госдумы (хотя, согласно иерархии, пожалуй, следует писать «депутат и певец») обвинил Влади во вранье: *«Да ее и близко там (на Ваганьковском кладбище. – Ю.С.) не было! И она еще пишет, что я какие-то пачки денег вытаскивал. Когда я ее встретил, сказал: «Ну, как тебе не стыдно?» Она мне говорит: «Иосиф, это же книга. У книги должны*

быть читатели!» (Н. Добруха. Как Кобзон поссорился с Мариной Влади // Комсомольская правда. 20 июля 2004). Самыми недобрыми словами поминал Кобзон сочинение Влади: *«Спекулятивная, вульгарная гадость!»* При этом говорил: *«Я не хону знать, что происходило в интимной жизни Высоцкого. В трусах он сидел или без трусов, пил он в это время или курил? Какое мое собачье дело? Он для меня – бог и кумир!»* (А. Николаев. И.Кобзон: «Найдите мои бордели – подарю!» // Столица-С. № 44. 30 октября 2002).

Первые, совсем еще робкие претензии к Влади сыновья Высоцкого высказали еще на девятинах памяти отца. И даже не к Марине. А к собравшимся на печальную тризну взрослым людям, которые, рассыпаясь в комплиментах к Влади, не сочли возможным вымолвить хотя бы одно доброе слово в адрес их матери. Старший сын, Аркадий, встав, сказал тихо и проникновенно: «Конечно, папа Марину очень любил. Марина очень любила папу. Но тут никто еще не говорил – ни в первый день, ни сегодня – про нашу маму. Хотя наша мама не «открыла ему мир» и не возила его по границам. Она – простой человек. Но она очень его любила. Тоже. И до сих пор его очень любит. И он ее очень любил. И поэтому странно, что друзья старые, которые и его, и ее знали очень давно, никто ничего не сказал. Хочу, чтобы за маму тоже выпили...» (Москва, Малая Грузинская, 28, стенограмма).

Сидевшие за столом взрослые несколько смешались, горестно поохали-поахали, как бы соглашаясь со своей промашкой, попытались утешить, а родительница Всеволода Абдулова робко заметила: «Я думаю, что много еще не сказано... Много прекрасного останется...». На том все и закончилось...

В свое время, после ухода Владимира Семеновича к Влади, Нина Максимовна Высоцкая попыталась наладить отношения сыновей с их отцом. «Она трепетно относилась к традициям семьи, – рассказывал Никита, – старалась их поддерживать. Даже хотела подружить нас с Мариной Влади. Но не получилось. А отец и не настаивал. Раза два-три мы общались с ней, пока он был жив. Несколько раз по телефону после смерти, и все. Запретного для нас с братом в их отношениях ничего не было. Просто не сложилось. Он, думаю, просто увидел, что мы к этому не готовы... Марина – главный персонаж его жизни, она сыграла большую роль, много для него сделала. Он ее любил. Благодаря ей он много ездил по миру, общался с интересными людьми...» (О. Рябинина. Н. Высоцкий: «Образ отца – это бешено несущийся автомобиль» // АиФ. Суперзвезды. № 2 (8). 20 января 2003).

После выхода в Советском Союзе книги «Владимир, или

Прерванный полет» между Мариной и родственниками Высоцкого возникли, мягко говоря, напряженные отношения. Первый скандал произошел в начале 1989 года во время пресс-конференции Марины Влади, посвященной презентации книги, в театре-студии «У Никитских ворот». Мероприятие продолжалось уже более двух часов. «Уставшие журналисты уже закрывали свои блокноты. Неожиданно со своего места поднялся молодой человек. Насколько мне удалось понять из сказанного Никитой Высоцким, – делился своими впечатлениями один из журналистов, – семья отказывалась признать недостатки поэта, о которых рассказала Влади. Вызвало недовольство и то, как Марина повествует о взаимоотношениях Высоцкого с семьей. Влади обвинялась в погоне за громким именем и деньгами. Сыновья Высоцкого покинули застывший зал.

– Я устала от всего этого, – горестно сказала Марина...» (А. Свистунов. Обида // Комсомольская правда. 4 марта 1989).

Спустя почти полтора десятка лет, Никита Владимирович скажет: «...Судиться с ней собирался не за творческое наследие отца, а за клевету на моего деда... Марина в своей книге... не очень хорошо отзывалась о Семене Владимировиче – написала, что он якобы «стучал» на своего сына... Это чудовищная клевета. После этого деда до конца дней травили звонками с угрозами, незнакомые люди писали ему оскорбительные письма. А ведь Марина ничего толком не знала о нашем деде... Да, дед был очень тяжелым, взрывным, темпераментным человеком. Безусловно, между ним и отцом могли быть и ссоры, и оскорбления, но я при этом не присутствовал... Меня... книга Марины возмутила...» (Е. Смирнова. Н. Высоцкий: «Я собирался судиться с Мариной Влади за клевету» // Факты и комментарии. № 32 (1337). 19 февраля 2003).

Марина Влади
Владимир,
или
Прерванный
полет

Книга Марины Влади вызвала неоднозначную реакцию у читателей

Книга Влади, словно топором, расколола надвое армию

друзей, товарищей, знакомых, коллег и поклонников Высоцкого, став непреодолимым водоразделом между неожиданно возникшими враждующими лагерями. Одни восхищались пронзительной исповедью музы Высоцкого, других мемуары вдовы повергли в шок. Ханжи, мало осведомленные о некоторых тщательно скрывааемых от посторонних деталях образа жизни Владимира Высоцкого, отказывались понимать: «Зачем все это нужно?!» Известная писательница Виктория Токарева назвала записки Марины Влади книгой-мстью: «Марина воздала всем своим обидчикам, главному герою в том числе. Я убеждена: все, что написано в книге, – правда. Высоцкий был алкоголик и наркоман. Но ЗАЧЕМ НАМ ЭТО ЗНАТЬ? Для нас, русских людей, Владимир Высоцкий – это Спартак, который вел рабов к свободе... Нам не нужна бытовая правда. Она становится неправдой. Но вообще книга Марины Влади – это образец высокой бульварной литературы. Художественной ценности она не представляет, однако оторваться невозможно. Я чуть не опоздала на поезд...» (С. Булашова, И. Корчагина. В. Токарева: «Зачем толкаться? Всем места хватит» // Неделя. № 52. декабрь 1989). Не по нраву пришлась книга Влади Ивану Дыховичному, он даже сказал, что она извинялась перед ним по поводу некоторых погрешностей в тексте: «Наверное, чем больше клюквы, тем большие деньги можно сделать на книжке... Да бог с ней, с Мариной..» (Т. Рассказова. И. Дыховичный: «Высоцкий не был артистом, но хотел им быть» // Неделя. 15 сентября 1997).

Любимов же высказался прямо: «Мне достаточно неприятны... мемуары Марины Влади. Так выворачивать наизнанку свою личную жизнь! Понятно, конечно, хочется, чтобы их книги покупали, хочется славы, скандала...» (В. Аплетаяев. Ю. Любимов: «Мне неприятны мемуары Марины Влади...» // Час. 30 января 2003).

Аркадий Высоцкий поначалу более-менее сдержанно относился к литературным упражнениям Марины Владимировны: «Многое из того, что написано Влади, – необъективно, жестоко по отношению к ныне живущим людям. Вообще, на мой взгляд, выступать с подобными оценками и трактовками, описывать личную жизнь известного человека довольно некрасиво, нескромно...» (Н. Гомцян. А. Высоцкий: «Напишу об отце, когда улягутся страсти» // Труд. 1 марта 1991).

Никита же был более категоричен в оценках «Прерванного полета»: «В то время, когда в Союзе вышла ее книга, мы просто не привыкли к литературе такого рода. Сегодня для меня было бы все равно, хоть напиши она, что я гомик, а мой брат – уголовник с тридцатилетним стажем. Но в то время, когда печатное слово

воспринималось как абсолютная истина, сразу же пошли наезды на родных и близких людей. Представьте, деду пишут: «Ты, старая сволочь, загубил сына...». Я думаю, она и сама в конечном счете поняла, что там масса ляпов, многое взято с чужих несправедливых слов...» (А. Павлов. Н.Высоцкий: «Во сне я о чем-то спрашиваю отца, но он в ответ лишь улыбается...» // Комсомольская правда. 3 декабря 1994).

«Я не судья Марине, – заявлял Никита Владимирович. – У нее был шанс пройти посередине. Если бы она прошла по этой грани, огромного количества грязи, сплетен, откровенной неправды об отце удалось бы избежать... Дело не в том, что мне не хотелось бы, чтобы люди знали, что отец пил. В нашей стране пьет каждый второй. А Высоцкий – один. Надо писать не о том, чем он похож на остальных, а о том, чем он отличался... В этой книге есть жуткие вещи о моем деду. Он так и умер с этим, оклеветанный. Отдавая должное Марине как женщине, которую любил мой отец, я считаю эту книгу скверной... При жизни отца я Марину видел пару-тройку раз. У нее была другая жизнь, которую я не понимал. Я с ней реально познакомился, когда отец умер. Тогда все были объединены этим горем, но с годами эмоции ушли в стороны, и люди разошлись. Я не думаю, что отец сильно переживал из-за того, что его дети не были близки с Мариной и ее детьми...» (А. Гавриш. Н. Высоцкий: «Уберите фамилию Высоцкий из воспоминаний об отце – и вы будете читать о скучном человеке, который был наделен диким количеством пороков» // Факты и комментарии. 25 июля 2000). С годами Никита Владимирович стал мягче, терпимее, что ли, но все равно неизменно повторял: «Если бы отец это прочел, он был бы в бешенстве» (Т. Хорошилова. Своя колея. 21 января 2005).

Старший сын Высоцкого Аркадий и вовсе признавался: «Я сохранил о ней (Марине Влади. – Ю.С.) самые прекрасные и замечательные воспоминания. Я с ней никогда не ссорился (? – Ю.С.). Я переписывался с ее детьми. Когда она привозила в Москву своего Вовку, я всегда ходил с ним на каток. И вообще, от Влади никогда не дистанцировался. Конфликт с Мариной Влади произошел не у меня, а у моего любимого деда Семена Владимировича Высоцкого... Конфликт, видно, был на почве каких-то непониманий, столкновений, амбиций. Дед мой воевал, был полковником, очень принципиальным человеком. Он не хотел, чтобы его единственный сын Владимир брал в жены «француженку русского происхождения». Мы с Никитой ни одного плохого слова о Марине не сказали (? – Ю.С.). Мы ее очень уважаем, мы читали ее великолепную (sic! – Ю.С.) книгу об отце, хорошо знаем ее биографию. Мы восхищены тем, как она подняла всю свою семью,

своих родителей и всех своих сестер тащила, родила сама троих детей и отлично их воспитала, дала всем образование... Ей очень тяжело в жизни пришлось. Она достойна настоящего глубокого уважения...» (см. А. Свиридов. 25 января – день рождения В.С.Высоцкого // Воронежская неделя. № 3. 19 января 2005).

В роли Жеглова в телефильме «Место встречи изменить нельзя». 1979 г.

Во внутрисемейных дразгах Михаил Шемякин неизменно был на стороне сыновей поэта: «Когда вышла Маринина книжка, моя жена позвонила ей и сказала: ты ври, но не завирайся...» (Резанов, Хорошилова. Черный волк // Комсомольская правда. 19 октября 1993). Но все же Михаил Михайлович признавал: «Женщин, конечно, в его жизни хватало, но любил он серьезно и сильно только одну – Марину Влади, хотя под конец его жизни отношения у них были довольно сложные...» (см. Треугольник Высоцкого // Аргументы и факты. № 47 (381). Ноябрь, 2002).

В свое время «Литературная Россия» чуть не полполосы отвела разгневанному открытому письму «В угоду сенсации», подписанному ветераном труда, инженером М. Алхимовой, преподавателем литературы К. Нестеровой и членом союза журналистов СССР В. Цветковой. Милые, возможно, женщины, оскорбленные в своих лучших чувствах, со «всей пролетарской

ненавистью» писали: «В любовь М. Влади можно было бы и поверить, если бы не унижающие достоинство ее покойного мужа натуралистические сцены, для которых автор не жалеет красок... Не пощадила М. Влади своего мужа и в чисто интимных подробностях... М. Влади отводит себе роль и этакого открывателя цивилизованного заграничного рая... Она... подчеркивает свою ведущую роль гида, знатока, спасительницы. Мысль, которая, можно сказать, подспудно навязывается читателю: это она, М. Влади, фактически создала Высоцкого... Непочтительнее всего, мягко говоря, Марина Владимировна отзывается о родителях Высоцкого, и особенно о его отце – фронтовике, офицере... Допустим, отец мог разговаривать с сыном как угодно резко. А разве в других семьях этого не бывает? М. Влади была желанным гостем в нашей стране. Русское гостеприимство ей довелось испытать не раз. А вот чем она ответила на это доброжелательство и открытость? Немало занимают автора проблемы продовольственного и промтоварного дефицита в нашей стране... Непонятное тяготение испытывает автор к самым «приземленным» темам – нашим расхлябанным дорогам, далеко не «эстетичным» общественным туалетам и, извините, толстым задам... Обидно...» (18 августа 1989).

Марина Владимировна аргументированно отвечала заочным оппоненткам: «...Милосердие заключается совсем в другом... Родным Володи, находящимся... в раздоре со мной, скажу: бороться надо не со мной, а с теми, кто греет руки и наполняет карманы на имени Высоцкого...» (А. Шахматов. М. Влади: «...Не надо делать ангела» // Книжное обозрение. 3 марта 1989).

Она была оскорблена тем, что все ее многочисленные письма к Высоцкому из квартиры на Малой Грузинской таинственным образом пропали. «Они всплывают иногда, – рассказывала она Эльдару Рязанову. – Бывает, что мы покупаем пачки моих писем. Когда Володя умер, многие вещи, к сожалению, исчезли из дома... Меня... обвинили, что я продала все рукописи Володи... Все, что было написано Володей, я сдала ЦГАЛИ (теперь РГАЛИ – российский государственный архив литературы и искусства. – Ю.С.). Все, кроме его писем, написанных им мне...».

Есть все основания согласиться с авторитетным и непредвзятым мнением критика Крымовой, сказавшей о Марине: «Она человек честный. Через многое ей пришлось пройти, и многое было под секретом. Она очень буквально и точно описала то, что ей довелось пережить. Это надежный источник...» (см. Н. Крымова. Работа Высоцкого – это было прекрасно! // Новая Сибирь. № 84 (3–283). 2 февраля 1998).

В меркантильности, в погоне «за длинным рублем», долларом

или франком Марину Влади мне, откровенно говоря, трудно заподозрить. Еще 27 февраля 1981 года между «гражданкой Франции де Полякофф Марина Катрин, проживающей – Франция, 10 АВ Марина Мэзон-Лаффит, корпус 4, кв. 41, гражданином Высоцким Семеном Владимировичем, Высоцким Никитой Владимировичем, Высоцким Аркадием Владимировичем...» был заключен договор о разделе наследственного имущества. В собственность Н.М. Высоцкой и ее внуков переходили «накопления в жилищно-строительном кооперативе «Художник-график» (7179 руб. 61 коп.)... и паенакопления в гаражно-строительном кооперативе «Художник-график» (1753 руб. 43 коп.). При подписании договора гражданка де Полякофф в возмещение полученного имущества (двух битых автомобилей) обязывалась выплатить определенные суммы наследникам и оплатить расходы по заключению договора...».

Вот так. Ни убавить, ни прибавить. Какие уж тут «Шилялись»...

Упоминавшийся выше конфликт Марины Влади с Эдуардом Володарским произошел вскоре после смерти Высоцкого. Камнем преткновения послужила та самая дача Владимира Семеновича. История некрасивая, дурно пахнущая, рассорившая многих ранее близких людей.

Строение нуждалось в официальном оформлении, так как до того хозяин участка «узаконил» дом в правлении кооператива, если помните, в качестве «архива и библиотеки». Руководство Моссовета пошло навстречу просьбе вдовы Высоцкого и приняло соответствующее решение о том, что дача в виде исключения будет передана его детям. «И вдруг Э. Володарский круто изменил позицию, – писали, обращаясь к общественности, авторы открытого письма – Марина Влади, Жанна Прохоренко, Всеволод Абдулов, Артур Макаров и др. – Началась возня, в которой Э.Володарский повел себя недостойно. Пошли споры, разборы в правлении кооператива, тяжбы... Сейчас от дома Владимира Высоцкого ничего не осталось. Лишь расписка-обязательство Э. Володарского выплатить некую сумму – стоимость строительных материалов. Выплачена она не была. Э. Володарский объявил, что опротестовывает свое обязательство. Не хотелось предавать все это огласке. Но коль скоро Э. Володарский выступил апологетом справедливого отношения к его умершему другу, мы сочли дальнейшее умолчание невозможным. Не ему выступать в этой роли...» (см. Прежде чем обвинять других // Советская культура. 6 февраля 1988).

В роли Дон Гуана в теленовелле «Каменный гость» фильма «Маленькие трагедии». 1979 г.

За «честь и репутацию столь известного и талантливого кинодраматурга» тут же вступились коллеги, среди которых были люди, хорошо знавшие Владимира Семеновича и даже сыгравшие какую-то роль в его судьбе. Среди них были таганские актеры Иван Бортник, Леонид Филатов и Николай Губенко, кинорежиссеры Александр Митта, Сергей Соловьев, Андрей Смирнов и Эльдар Рязанов, фотохудожник Валерий Нисанов и другие, назвавшие точку зрения Марины Влади «огульными

обвинениями» (см. «Советская культура», 5 марта 1988). Володарский в своих многочисленных интервью теперь вспоминает, как еще во время строительства дома Эльдар Рязанов его предупреждал: «Эдик, ты не знаешь Марину! Дело у вас кончится херово. Ни одно доброе дело не останется безнаказанным. И наказанным будешь ты!» А покойный писатель Юрий Трифонов якобы сразу после смерти Высоцкого ему говорил: «Эдик, разбери дом, хлебнешь такого! Ты еще не знаешь Марину». Звонил Юлиан Семенов: «Ты запомни, у нас участки неделимы, даже родственникам не разрешают это делать» (Б. Кудрявов. Э. Володарский: «О Высоцком врут все» // irrkut.narod.ru/pressa/skandal). На всякий случай Володарский к «обойме» славных имен добавлял и покойного Зиновия Гердта, который будто бы предупреждал его, что он плохо знает норов Марины. «К деньгам она относилась очень строго, за что Зяма Гердт называл ее Буржуазка. Зяма ее не любил...» (Н. Ртищева. Морфий для поэта // Московский комсомолец).

Потом сыновья Высоцкого поднялись горой встали на защиту «дяди Эдика» (см. Неделя. № 3. 1988). Жаль только, что, объясняя свой шаг, Никита Владимирович Высоцкий был как-то не очень убедителен: «Просто Эдуард Яковлевич вспыльчивый человек...» (см. О. Белова. Немузейный экспонат // Версии. 25 января 2000).

В общем, вся эта публичная перепалка, взаимные упреки выглядели неприглядно, вздорно, тошнотворно...

Тяжбы продолжались и позднее. Дошло и до судебных разбирательств. В конце декабря 2000 года Тверской межмуниципальный народный суд ЦАО г. Москвы рассмотрел иск сыновей Владимира Семеновича и их бабушки Нины Максимовны к региональной общественной организации «Творческое объединение «Ракурс», ЗАО «Общественное Российское Телевидение» о защите авторских и смежных прав. К ответу были призваны автор фильма «Владимир Высоцкий. История любви. История болезни» Солдатенков и, естественно, Марина де Полякофф. Истцы утверждали, что демонстрацией по ОРТ указанного фильма грубо поправлены их права наследников, указывая при этом, что Нине Максимовне принадлежит 1/5 доля авторского права, а Никите и Аркадию по 3/10. С каждого из ответчиков истцы требовали взыскать по 41 745 рублей в свою пользу. Однако в иске суд отказал...

Но, думаю, все упреки и претензии в адрес Марины Владимировны перечеркивает письмо ее мужа – Владимира Высоцкого, написанное им незадолго до смерти: «Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности. У меня впечатление, что я смогу найти выход, несмотря на то, чтобы я сейчас нахожусь в

каком-то слабом и неустойчивом периоде. Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и не больным. Главное – я хочу, чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты – единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги. Еще раз – я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо. Потом все станет на свое место, мы поговорим и будем жить счастливо... В. Высоцкий» (см. М. Влади. Владимир, или Прерванный полет...).

После 25 июля 1980 года у Марины Владимировны было две заветных мечты: установить на могиле Высоцкого вместо обычного памятника вросшую в землю глыбу гранита, в которую врезался бы осколок метеорита с брызгами от него по камню. И чтобы было выбито только одно слово: «ВЫСОЦКИЙ». «Это был бы памятник-символ, лаконичный, но говорил бы он гораздо больше, чем те, где хотели передать портретное сходство...» (см. Огонек. № 18. 1987). По просьбе Влади Вадим Туманов сумел отыскать в тайге нечто соответствующее идее Марины. Но увы... Мечта осталась красивой сказкой.

А вторая... Среди родни Высоцкого накануне похорон зашелестел шепоток, что Марина намерена увезти с собой во Францию сердце Владимира. Они не отступали от нее ни на минуту. Как утверждал Валерий Янкллович, она даже договорилась со знакомым фельдшером Игорем Годяевым, чтобы он вырезал сердце прямо в реанимобиле... В общем, организаторам похорон удалось успешно «похоронить» и эту Маринину мечту.

* * *

После смерти Высоцкого новым спутником жизни Марины Влади стал, по информации венгерского журнала «Фильм, театр, музыка» (№ 8 (август) 1982), сперва французский режиссер Жан-Пьер Сантие. Но совсем на непродолжительное время. А затем рядом оказался известнейший врач-онколог Леон Шварценберг, с которым она познакомилась в поисках лекаря-кудесника для смертельно больного Андрея Тарковского.

Марина по-житейски, очень просто, без затей объясняет возникшую близость с Шварценбергом: «Когда я осталась без Володи, мне было 42 года. Жизнь продолжалась, я ведь не умерла. И через какое-то время, то есть через три года я встретила человека, который совершенно другой. Он старше меня на 15 лет, он полюбил меня и смог помочь мне в ужасной трагедии, которую я пережила, потеряв Володю. Он дал мне

возможность жить и работать и чувствовать себя нормальной женщиной... Я стала работать как сумасшедшая. Все, что мне предлагали, брала, брала, брала... Я думаю, что никакой другой человек не мог бы мне помочь так. Очень многие люди его знают. Он большой врач, профессор-онколог, но он и гуманист тоже. Он очень крупный человек в смысле социальных проблем. Он был министром здравоохранения Франции. Он занимается политикой. Он – личность. И я очень горжусь тем, что я рядом с ним. Сейчас он защищает бездомных людей. Эти несчастные ломают двери пустующих домов и занимают их. Леон в гуще событий. Его бьют полицейские... Он очень храбрый человек. Считаю, что, живя с человеком таких высоких моральных качеств, я не оскорбляю Володю. Наоборот!» (см. Э. Рязанов. Эльдар-ТВ...).

После смерти Высоцкого Марина Влади еще дважды выходила замуж. На фото с четвертым мужем Леоном Шварценбергом

Марина, безусловно, пребывала в жуткой депрессии после смерти Высоцкого. Видя ее состояние, Шварценберг бросил все, ушел от жены и сына, оставил им свой дом и попросил Марину временно приютить его. Она согласилась.

Их связь обнаружилась случайно. В жизни Шварценберга

настали черные дни. Французская пресса на все лады стала обвинять врача то во взяточничестве, то в саморекламе за его приверженность идее эвтаназии (умерщвления врачом безнадежных больных по их просьбе). Влади как-то в радиоинтервью задали вопрос о ее отношении к «делу Шварценберга», и она неожиданно для слушателей объявила, что уверена в честности этого человека, так как с ним живет и хорошо знает его. Даже для Парижа это откровение стало шоком.

Российские же почитатели таланта Высоцкого долго не могли простить Марине Владимировне «измены» Высоцкому. Хотя профессор всегда вел себя максимально корректно. Во всяком случае, никогда не упрекал Марину, что в их доме на почетном месте висел портрет ее покойного мужа, что постоянно звучали его песни, что она перечитывала его старые письма. Для него не было откровением публичное признание Влади: «Без всякого сомнения, Владимир был самой большой страстью моей жизни. Конечно, я любила и других мужчин, но любовь-страсть – это он...» (В. Дымарский. Меня сегодня бес водил по городу Парижу // Российская газета. 24 января 2003). Увы, душевный покой Влади продлился не столь уж долго. Леон Шварценберг скончался осенью 2003 года, чуть-чуть недотянув до своего 80-летия.

Марина Владимировна говорила: «Я думаю, что всю жизнь была прежде всего женщиной, а не актрисой. Больше всего меня интересует собственная жизнь: мои дети, мои мужья. Но я ничем не жертвовала. Я родила детей, я долго их воспитывала, потом снова снималась. У женщин очень много обязанностей. Надо быть и матерью, и женой, и профессионалом...» (см. Г. Видова. М. Влади: «Характер у меня ужасный...»).

Вблизи своей усадьбы Мэзон-Лаффит она купила дома для своих сестер. Одно время рядом жили и ее сыновья. Петр снимался в кино, играл в театральных постановках отца – Робера Оссейна. Игорь, кроме лицедейства, увлекся живописью, классической гитарой. Самый младший – Владимир – стал фермером, купил ранчо в пустыне Чако (где-то на границе Бразилии и Парагвая) и занимался разведением коров. Естественно, всех их сопровождали современные молодежные проблемы – наркотики, автокатастрофы, гулянки, нечаянные дети, их болезни и прочее...

Не беру на себя смелость толковать, кому были адресованы строки Владимира Высоцкого, написанные в 71-м году:

А ты – одна ты виновата
В рожденье собственных детей!

Марина Владимировна сегодня увлеклась сочинительством. Кроме «Бабушки» и бестселлера «Владимир, или Прерванный полет» были опубликованы ее романы «Путешествие Сергея Ивановича», «Мой вишневый сад», сборники «Рассказы для Милицы», «От сердца к желудку», «Венецианский коллекционер» и другие. Она говорила: «Я вошла во вкус писательского дела. Похоже, это увлекло меня всерьез и надолго...» (А. Свистунов. М. Влади: «Мы играли нашу юность» // Советский экран. № 9. 1989).

Еще до знакомства с Высоцким она профессионально занималась вокалом, даже записала несколько пластинок вместе с сестрами. Скажу больше: у нее было даже несколько сольных концертов в прославленной парижской «Олимпии». В интервью польскому журналу «Фильм» она признавалась: «В песне я – женщина из плоти и крови, смеюсь и плачу, люблю и ревную. И в ней вовсе не деньги служат для меня вознаграждением...» (Артистическая семья. 10 февраля 1974).

Только в 1983 году, спустя четырнадцать с лишним лет, Влади вновь вернулась в театр, не скрывая, что сцена для нее имела куда большее значение, нежели съемочная площадка. В своей книге мемуаров «24 кадра в секунду» Марина Владимировна клянется: *«Я останусь актрисой до последнего моего вздоха».*

Играла Марину Цветаеву в спектакле «Пассаж», Раневскую в «Вишневом саде», в «Переходе» Ивана Морана. Была Гертрудой в «Гамлете». Поставила мемориальный моноспектакль «Владимир, или Прерванный полет» о Высоцком в знаменитом парижском театре «Буфф дю Нор». *«На сцене я снова объясняюсь в любви к человеку, который был гением и который подвергался страшным унижениям при советской власти, – говорила Марина. – Мой спектакль – это квинтэссенция того романа, который был у нас с Володи. Я испытываю привязанность не к России моих предков, а к стране, в которой жила с Высоцким в эти безумные годы... Я никогда не думала ставить эту вещь, но мне предложили сделать инсценировку мои друзья... Я попросила помочь мне режиссера Жан-Люка Тардьё. В России этот спектакль я показывать не собираюсь... Высоцкий мне по-прежнему снится. Часто...»* (Ю. Коваленко. Влади, или Непрерванный полет // Известия. 13 ноября 2006).

Она сознательно выбрала именно театр «Буфф дю Нор» для своего спектакля. Именно здесь Высоцкий после спектакля «Тимон Афинский» по Шекспиру в постановке Питера Брука впервые на Западе взял в руки гитару и стал петь для актеров и друзей...

Марина Влади в фильме «Пьющие кровь» по мотивам повести Алексея Толстого «Упырь». 1991 г.

Она активно снималась, в том числе и в Советском Союзе. У Станислава Говорухина – «В поисках капитана Гранта», Евгения Татарского – «Пьющие кровь». Можно вспомнить еще «Ветер над городом», «Сны о России»... («...*вот ведь парадокс и перегиб*» – все годы жизни с Высоцким она очень хотела сниматься у российских режиссеров, но, если не считать «Сюжета...», этого ни разу так и не случилось).

Не объясняя причин, Андрей Тарковский неожиданно отказался от своей идеи снять Марину в роли матери в фильме «Зеркало». Что особенно обидело Высоцкого, так это то, что режиссер даже не соизволил лично сообщить Марине или ему о своем решении. Марина, кстати, считала, что в выборе актеров не последнюю роль сыграла жена Тарковского Лариса и отвергла Влади именно она (см. Б. Кудрявов. Дочь Владимира Высоцкого не знает, кто ее отец // Экспресс-газета. № 4. 27 января 2003). Эту версию подтверждает Мишель Кан: *«Володя не просил его об этих пробах. Марина была счастлива. Но у нее профессиональный западный подход: «Андрей, – предупредила она, – если я тебе не подойду, то ты мне прямо скажи об этом, чтобы я напрасно не ждала». Но Тарковский промолчал, а через несколько месяцев прислал ее пробы обратно с курьером... Марина была уверена, что это происки второй жены Тарковского...»* (Е. Сажнева. Парижский

суслик // Московский комсомолец. 24 января 2005).

Потом Марина почему-то не вписалась в режиссерскую интерпретацию Иосифа Хейфица чеховской «Дуэли» («Плохой хороший человек»).

Потерпел фиаско еще один проект с участием Влади и Высоцкого – фильм «Вид на жительство». Режиссер Александр Стефанович рассказывал: *«Это была первая наша постановка с сокурсником по ВГИКу Омаром Гвасалия. Мы хотели сделать лирический фильм об эмигранте, вернувшемся на Родину. А в итоге вынуждены были снимать агитку о диссиденте, сбежавшем на Запад... Владимир Высоцкий и Марина Влади увлеклись этой затеей. Высоцкий даже написал специально песню «Гололед на земле, гололед». Фильм мог стать сенсацией. Но КГБ запретило их снимать...»* (М. Филимонов. А. Стефанович: «Алла – незначительный эпизод в моей биографии» // Экспресс-газета. № 05. 2000). Будем снисходительны к памяти Александра Борисовича: на самом деле «Гололед» был написан Высоцким еще в ноябре 1966 года, во время съемок фильма «Вертикаль». Автор лишь чуть-чуть подредактировал канонический вариант песни в 1971 году. И не более того. Хотя можно верить словам Стефановича, который рассказывал, что Высоцкий чуть ли не плакал, узнав о провале идеи «Вида на жительство»: «За что они меня так ненавидят?» В итоге главного героя сыграл начинающий актер Альбер Филозов, для которого эта роль стала звездной.

Потом некоторые чиновники Госкино прибегли к шантажу, заявив одному из режиссеров: мы согласны отдать роль Владимиру Высоцкому в телефильме «Федерик Моро», но при условии, если его партнершей выступит Марина Влади. Владимиру Семеновичу подобное условие показалось унижительным, и от роли он отказался.

А она так мечтала сниматься вместе с мужем! Это могло случиться, скажем, в фильме «Емельян Пугачев». На главную роль пробовался Высоцкий. Марине же режиссер-постановщик картины Алексей Салтыков предложил исполнить Екатерину II. Казалось бы, чего еще желать? Однако когда на роль Пугачева решили взять безопасного, но зато народного артиста Евгения Матвеева, Марина Владимировна проявила характер и отказалась от заманчивой роли российской императрицы. «Я мечтала об этой интересной работе, – рассказывала она, – но, увы, этот наш с Володей сон рухнул... Впрочем, как и многие другие...» (А. Свистунов. М. Влади: «Мы играли нашу юность» // Советский экран. № 9. 1989).

Был еще один мотив для отказа. Хотя *«были очень хорошие пробы, – замечала актриса. – Но нам отказали тогда в счастье*

совместно трудиться под надуманным предлогом: мне, иностранке, не могут платить валютой, хотя об этом с моей стороны не было и речи» (О. Сердобольский. Марина Влади примеряет корону // Вечерняя Алма-Ата. 9 ноября 1990).

Позже она дополнила «пугачевскую» историю некоторыми печальными деталями: *«Пробы у него были чудесные... Я делала только пробы костюмов. Но самое смешное, что я все-таки снялась в роли Екатерины, только у японцев, а он Пугачева так и не сыграл. Это большая потеря. Он был бы гениальным Пугачевым...»* (Л. Костанян. М. Влади: «Я хотела написать, почему Володя умер в сорок два года...» // Российские вести. № 25.24 июля 2002).

Сейчас она говорит, что «в Россию мне ездить больше не хочется», что «для меня могила Володи ничего не значит, он у меня все время – до конца жизни – в сердце... На этой могиле мне вообще не хочется бывать из-за того ужасного памятника, который на ней стоит. Это оскорбление Володиной памяти, который ненавидел именно такой стиль...» (М. Влади. В Россию мне ездить больше не хочется // Известия. 19 марта 1997).

В 1974 году вместе с Высоцким на студии фирмы «Мелодия» они записали два диска-гиганта. Тогда пластинки так и не вышли, хотя союзный министр культуры Демичев клялся-божился «ускорить процесс». А когда после смерти Высоцкого Марина стала интересоваться судьбой записей, то ее, вспоминал фотохудожник Валерий Плотников, попросту отшили: «А кто вы теперь такая? Так, вдова...» (см. Живая жизнь. М.: «Московский рабочий», 1988).

Руководитель ансамбля «Мелодия» Георгий Гаранян отлично помнит приезд в студию Владимира и Марины: *«Хотели мы записать две пластинки-гиганта: одну – целиком он, вторую – совместно с М. Влади... Вторую записать не успели. Но хотели., За неделю до смерти он звонил мне, мы вели разговор на этот счет...»* (А. Губер. Вернусь музыкой // Молодая гвардия. 4 февраля 1988). Его рассказ дополнял звукорежиссер фирмы «Мелодия» Игорь Вагин: *«Марина... на диванчике сидела... Ноги мне ее запомнились, такие красивые, в тончайшие чулки затянуты. Очень элегантно у нее получалось почесывать одну ножку другой. Я так понял, что у них тогда самая любовь была. Представляешь, моль огромная откуда-то вылетела и прямой наводкой к Влади. Высоцкий так ретиво ее от насекомого спасал, что даже аппарат нам снес «Штуцер 37». А работал Высоцкий очень легко. С Мариной, конечно, повозиться пришлось...»* (Е. Минина. Алла сваталась к Косте Кинчеву. Но пришлось выйти за Филиппа // Экспресс-газета. № 3. 2000).

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

МАРИНА ВЛАДИ

АНСАМБЛЬ «МЕЛОДИЯ»

Совместная запись Высоцкого и Влади 1974 года была выпущена на пластинке только в 1988 году

В конце 90-х годов Влади продала свой старый дом и переехала в Париж, на Монмартр. Объясняла просто: «Дом – это все. Я знала, что у меня есть дом, где мои дети, мама, но у меня были и другие дома: Россия, квартиры и коридоры, – где мы спали с Володей, – это тоже был наш дом. О чем говорить, когда ты имеешь возможность купить в 15 лет дом и можешь там поселить своих сестер, родителей, друзей и собак, – конечно, это здорово. У меня все это было. И вот недавно я решила отсюда уйти, так как это было слишком тяжело, да и дети разъехались. Решила вернуться в Париж, где я родилась...» (www.kurierweb.com/1-20).

Она, талантливая муза огромного дара Высоцкого, всегда придерживалась принципа: «Я кузнец своей судьбы. Но моя жизнь вовсе не такая удивительно счастливая. У меня очень много несчастий в жизни, которые связаны с бывшими счастьями... Я

никогда ничего не стыжусь...» (М. Влади. В Россию мне больше не хочется // «Известия», 19 марта 1997).

И гордилась тем, что: «Я умею любить. Это точно. Я умею любить потому, что отдаю все. Но и беру все тоже, конечно... Максималистка... Решение всегда остается за женщиной...» (см. Э.Рязанов. Эльдар-ТВ...).

Можно много рассуждать о взаимоотношениях Высоцкого и Влади, но меня почему-то крайне тронул рассказ фотохудожника Валерия Плотникова: *«Мне при съемке мешали волосы Высоцкого. Я попросил Марину: «Причеши Володю». Марина начала причесывать, и я вдруг увидел, что лицо у него стало детским, таким, каким бывают лица детей, когда их причесывает мама...»* (В. Желтов. Высоцкий с лицом ребенка // Смена. 27 октября 2004).

Татьяна Иваненко

*Все богини – как поганки,
Перед бабами с Таганки.*

Такой стихотворный экспромт дерзко начертал на стене любимовского кабинета толстым фломастером Андрей Вознесенский, наповал сраженный женской половиной труппы театра. Как рассказывал Вознесенский, «на заре театра Ю.Н. Любимов, обходя здание с министром культуры Е.А. Фурцевой и ее приближенными, ввел ее в свой кабинет и показал на только что оштукатуренные стены: «А здесь на стене мы попросим расписываться известных людей...». Разрумянясь от шампанского, министр захлопала в сухие ладошки и обернулась ко мне: „Ну, поэт, начните! Напишите нам экспромт!“» (А. Вознесенский. «Таганка» – антишьюрма И Театр. № 4. 1989). Он и написал эти строки поперек стены. Но, прочтя столь дерзкое признание, чиновная дама, вспыхнула и гордо удалилась, громко стуча каблучками. Автограф позже пытались смыть губкой, но он устоял. Первый секретарь Московского горкома партии В.В. Гришин, вызывая Любимова для очередной проработки, пошел дальше, заявив, что Юрий Петрович превратил свой рабочий кабинет в сортир, на стенах которого пишут кто во что горазд. Даже процитировал: «Там этот тип написал: «Все гражданки как поганки перед бабами с Таганки», оскорбив тем самым всех женщин Советского Союза...» (И. Корнеева. Что богини, что гражданки... // Российская газета. 21 апреля 2004). А Любимов только подтрунивал над поэтом: член Политбюро лучше тебя срифмовал.

Знаменитая стена с автографами в кабинете Юрия Любимова

Высоцкий с оценкой Вознесенским «таганских баб» был, в общем-то, согласен. И даже более чем. Но сердечных романов в театре старался все же по возможности не заводить. Хотя, как известно, нет правил без вопиющих исключений.

***

До недавнего времени для широкой публики Татьяна Иваненко была просто одна из актрис Театра на Таганке. Не ведущая, не звезда, но, безусловно, очень красивая, яркая, фотогеничная.

Проучившись год в Щукинском училище, Татьяна уверовала, что главным ее призванием является кинематограф. Ушла во ВГИК. Там стала любимой ученицей легендарного Бориса Бабочкина. Он звал ее в Малый театр. Но она упорно стремилась на Таганку. И в конце концов добилась своего.

Не обратить на нее внимания Владимир Семенович просто не мог. И вскоре, с осени 1966 года, их роман стал темой закулисных пересудов. Кинорежиссер Геннадий Полока припоминал, что за полгода до «Интервенции» Высоцкий стал ходить к нему в гости. «У него был роман с таганковской актрисой Таней Иваненко. Они ходили ко мне зимой смотреть хоккей...» (В. Иванов. Концерт Высоцкого для всей Одессы //

Совершенно секретно. № 9. 2004).

Лариса Лузина в те годы была близкой приятельницей Тани, и всячески старалась помочь влюбленной паре в разрешении непреодолимых квартирных проблем («Несколько раз они встречались у меня дома, а я на время уходила...»). Она считала: «Роман у них был красивый... У Володи была безумная любовь... в свое время он увел ее от мужа... Отношения между влюбленными складывались непросто: бурные ссоры сменялись великим примирением, обожанием. Как-то пришли к нам счастливые-пресчастливые, поклялись, что больше никогда не расстанутся. Я была искренне рада, поскольку очень любила эту пару. И вдруг трах-бах! – не проходит и двух месяцев, как среди ночи Володя заявляется... с Мариной Влади. Леша (тогдашний муж актрисы. – Ю.С.) давай меня будить: «Вставай скорее, к нам сама Влади пожаловала!» А я за это на Высоцкого разозлилась – словами не передать. Сработала женская солидарность: «Ну и что, если Влади? Не выйду к ним, и баста! Даже чистого белья не дам. Пусть на раскладушке как хотят вдвоем укладываются. И водку свою сами пьют – я даже не пригублю...». (О. Кунгурцева. Л. Лузина: «Я единственная женщина, которая не ответила Высоцкому взаимностью» // Бульвар. № 3 (377). 2003).

Давид Карапетян также весьма лестно отзывался о пассиве Владимира Высоцкого:

«...Была она хороша собой необычайно – создатель потрудился на славу. Сокрушающая женственность внешнего облика завораживала, вызвала неодолимое, немедленное желание выказать себя рядом с ней абсолютным мужчиной и раз и навсегда завладеть этим глазастым белокурым чудом.

Но не тут-то было... За хрупкой оболочкой ундины таилась натура сильная, строптивая, неуступчивая. Татьяна виделась мне пугающим воплощением физического и душевного здоровья, и по-армейски прямолинейная правильность ее жизненного графика обескураживала. Принципиально непьющая и некурящая, волевая и уверенная, – как разительно отличалась она от своих юных сестер по ремеслу, разноцветными мотыльками бестолково порхающих в свете рампы...» (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Между словом и славой. Воспоминания. М.: Захаров, 2002).

Даже Людмила Владимировна Абрамова признавала, что «самой умной из тех женщин, к которым Высоцкий был неравнодушен, оказалась Татьяна Иваненко... Я ею восхищаюсь и ей завидую...» (см. subscribe.ru). Со своей стороны, Иваненко не оставалась в долгу, говоря о редкостной красоте, уме, начитанности Люси.

Ее прекрасная головка была забита догмами и непреложными

постулатами школьной поры о повальном равенстве и братстве. Друзья Высоцкого предполагают, что именно холодноватая цельность притягивала его к Татьяне. Тем более что она сама без устали повторяла, что она любит своего избранника «как простого русского мужика», а не за имя и славу.

Владимир Семенович всячески старался помочь ей сделать кинокарьеру: упросил режиссера Карелова снять ее хотя бы в маленьком эпизоде в фильме «Служили два товарища». Затем уговорил Юнгвальд-Хилькевича занять Татьяну в фильме «Внимание, цунами!», для которого сочинял песни.

Уж не Иваненко ли имел в виду Павел Леонидов, когда писал: «Сколько у него было «Любовей»? Я знаю. О многих Ю. П. знает. Кое-кого из «Любовей» он даже в трупку на «подносы» брал...»?

Бывалым театрам Татьяна Васильевна запомнилась разве что ролью Женьки Комельковой в спектакле «А зори здесь тихие...», которую она играла на пару с Ниной Шацкой. А остальные были именно из разряда «на подносы», безымянные: 2-я придворная дама в «Галилее», плакальщица в «Пугачеве», подруга дома в «Мастере» и т. п. То ли из желания, чтобы Таня постоянно находилась рядом, то ли из стремления помочь ей подзаработать (да, наверное, эти причины объединялись в одно целое), Высоцкий привлекал ее в «таганские» концертные бригады.

Известно, например, выступление в 8-й «немецкой» спецшколе в 5-м Котельническом переулке. Высоцкий читал стихи, пел с Жуковой и Золотухиным песни из спектаклей, потом вместе с Иваненко читал «Римские праздники» из «Антимиров». Он – в центре внимания, солист номер один, даже аккомпанирует на пианино пантомиме Черновой. Успех оглушительный!..

Татьяна Иваненко.

Давид Карапетян: «...Была она хороша собой необычайно – создатель потрудился на славу»

«Иваненко, – считал Золотухин, – всем ему обязана...» (см. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

Однако, по свидетельству французской переводчицы Мишель Кан, с которой Высоцкий был знаком еще с 1967 года, именно Владимир Семенович был против того, чтобы Иваненко играла роль Офелии в «Гамлете». Якобы он пошел к Любимову и попросил снять Таню с роли, дескать, Влади будет неприятно видеть их вместе на сцене. Татьяна потом высказывала «шефу»: *«Кто здесь главный режиссер – вы или Высоцкий?»* (см. Е. Сажнева. Парижский суслик // Московский комсомолец. 24 января 2005). Мишель вообще удивлялась, что Татьяна предполагалась на роль Офелии: *«Если бы она была талантлива, то могла бы обидеться, уйти. Она же этого не сделала...»* (там же).

Один из организаторов нашумевших куйбышевских концертов Высоцкого в 1967 году Всеволод Ханчин вспоминал, «чтобы забрать у поезда театральный реквизит, нас провожает актриса Театра на Таганке Татьяна Иваненко...» (см. Четыре четверти пути. М.: Физкультура и спорт, 1988).

Татьяна, как и Высоцкий, воспитывалась в военной семье, с вполне предсказуемым уставом, нравами и устоями. Ее отчима,

которого она называла отцом, генерала Минченко (тогда, правда, еще полковника), безусловно, смущали «устные рассказы про любовные дела» «популярного актера из «Таганки»». Татьяна уговорила Владимира дать домашний концерт для своей родни, будучи совершенно уверенной, что так он непременно сумеет сломить ледок настороженности.

Невольным свидетелем и в определенной степени соучастником романа Иваненко и Высоцкого была чета Карапетян – Кан, жившая по соседству с Татьянинными родными. Таня и познакомила Давида и Мишель со своим Володей. Вернее, сначала с записями его песен. Молодожены были сражены ими наповал. Каждый их визит к Таниным родителям, вспоминает Карапетян, заканчивался общими посиделками. «Мишель создавала французский уют, Татьяна вносила русскую раскованность, Володя был гений, мне же доставалась роль провинциального ценителя...» (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Между словом и славой. Воспоминания. М.: Захаров, 2002). Как рассказывала сама Мишель, Татьяна очень хотела, чтобы они сблизились. Среди их друзей почти не было семейных пар, а общаться с кем-то из театра – давать повод для сплетен. Французенка несколько ошибается – об отношениях Владимира Семеновича и Тани на Таганке знали практически все – от Юрия Петровича Любимова до вахтерши.

Романы Высоцкого с Иваненко и Влади шли как бы параллельными курсами. Его сердце разрывалось напополам. И он ничего не мог с собой поделать.

Кремлевский вольнодумец и переходящий из рук в руки помощник вождей ЦК КПСС Георгий Шахназаров, в доме которого нередко гостевал Владимир (с гитарой и без), вспоминал, как Высоцкий, близко никого не подпуская к обсуждению своих личных проблем, вдруг затеял странный разговор, на ком ему жениться. «У меня, говорит, есть выбор – актриса нашего театра (не помню фамилию, которую он назвал) или Марина Влади.

– Володя, я тебе удивляюсь, женись на той, которую любишь.

– В том-то и дело, что люблю обеих, – возразил он, и мне на секунду показалось, что не шутит, действительно стоит перед выбором и ищет хоть какой-нибудь подсказки.

– Тогда женись на Марине, – брякнул я безответственно, – все-таки кинозвезда, в Париж будешь ездить...» (Г. Шахназаров. С вождями и без. М.: Вагриус, 2001).

Не доверяя самому себе, Высоцкий мучительно искал выход из лабиринта душевных хитросплетений. Художник Борис Диодоров припоминал:

«... Однажды Володя говорит:

– Как ты посмотришь, если я женюсь на Марине Влади?

Откровенно говоря, я был ошарашен. Ведь для меня (да и для всех) Марина Влади была звезда, «Колдунья!» (otblesk.com/vysotsky).

А между тем жизнь подбрасывала жизнелюбивому Высоцкому и иные объекты сердечных увлечений. Во всяком случае, литератор А. Щуплов в статье-исследовании «Скажи мне, кто твой сын, и я скажу, кто ты...» рассказывал о его мимолетном, но жарком романе с некой студенткой Школы-студии МХАТ, ради свиданий с которой знаменитый таганский Галилей и Хлопуша, не щадя живота своего, карабкался по водосточной трубе и карнизам общежития (см. saturday.ng.ru/deeds/2000-07-22). Опыт «Вертикали» помогал?

Марина Влади была права, когда просила не делать из своего покойного мужа икону, святого, ангела с крылышками.

Кинорежиссер Геннадий Полока вспоминал, как где-то году в 70-м он пригласил к себе домой гастролирующих в столице солистов (точнее – солисток) Кировского театра. «И ко мне приехали Высоцкий с Золотухиным. Все балетные звезды сидели высокомерные, хорошо одетые, устало развалиясь, лениво жуя бутерброды и о чем-то перешептываясь. Ну, знаете, люди, которым не о чем говорить, но надо сохранить позу значительности. Высоцкий пришел, посмотрел на них, на Золотухина, поерзал немножечко, не понимая своего положения: то ли они хотели, чтобы он запел, то ли они действительно не знают, о чем говорить. Я-то подумал, что они просто боялись его – просто сидеть и есть можно, но разговаривать при Высоцком – это неестественно... Но держали себя чрезвычайно высокомерно. Это продолжалось час. Все было съедено, и больше нечего было делать. Высоцкий рассказал один анекдот, потом какого-то московского балетного солиста изобразил, потом рассказал второй анекдот, они стали хохотать, потом повторил эти же анекдоты, но с другим ходом актерским. Они опять захохотали. Потом в третий раз рассказал эти же анекдоты голосом какого-то известного актера. Они уже были просто счастливы. Потом в темпе запел, потом в темпе рассказал про какую-то репетицию, потом в темпе разыграл что-то с Золотухиным, потом, не сбавляя хода, без паузы, спел, причем пел, в основном, комический репертуар. Те хохотали без передышки. И когда, отхохотавшись, они успокоились, Высоцкого в комнате не было. Вот такое общение с балетом... На лицах у них была благодать, какая бывает у набожных людей, когда им почудилось видение: что-то пролетело...» (Ленинград, 20 марта 1983).

Татьяна Иваненко и Владимир Высоцкий в спектакле Театра на Таганке «Павшие и живые»

Возвратимся все же к Татьяне Васильевне Иваненко. 15 октября 1968 года Валерий Золотухин в своем дневнике записывал: «Иваненко заявила Володе, что она уйдет из театра и с сегодняшнего дня начнет отдаваться направо и налево...». Следующая запись: «19 октября. Н.М. сказала, что «если эта сука И., шантажистка, не прекратит звонить по ночам и вздыхать в трубку, я не посчитаюсь ни с чем, приду в театр и разрисую ей морду – пусть походит с разорванной физиономией... Надо поскорее разбить его романы... Тот дальний погаснет сам собой, все-таки тут расстояние, а этот, под боком, просто срочно необходимо прекратить. Я узнала об этом от Люси совсем только что и чуть не упала в обморок...»» (В. Золотухин. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

Фамилия Татьяны мелькает в золотухинских дневниках достаточно регулярно. «Высоцкий в Одессе, в жутком состоянии... «Если выбирать мать или водку – выбирает водку», – говорит Иваненко, которая летала к нему. «Если ты не прилетишь, я умру, я покончу с собой!» – так, по его словам, сказал он Иваненко» (26.03.68). «Он опять с Иваненко» (21.10.68). «Как-то ехали из Ленинграда: я, Высоцкий, Иваненко. В одном купе... Зная, что друг зарплату большую получил и потратит на спутницу свою, которую в Ленинград возил прокатиться...» (05.11.67). «А Володя ушел с Татьяной, его встретил пьяный Евдокимов, обхамил Татьяну, она вернулась в театр...» (10.11.68).

Поначалу серьезной соперницы в Марине Влади Татьяна не видела. И напрасно. Но, почувствовав жар, полыхающий от безумного романа Владимира с «белокурой французской русалкой», Иваненко инстинктивно насторожилась и начала активно плести хитрую и цепкую паутину вокруг ускользающего из ее объятий возлюбленного.

«Были слезы, угрозы, все одно и все то же...» – бесконечное выяснение отношений с глазу на глаз, по телефону, публичные преследования по пятам. Мишель Кан в июне 69-го сообщала своему мужу Давиду: «Вчера нас удостоил своим визитом наш друг – знаменитый бард со своей экс-любимой. Поскольку тут была случайно гитара, он спел свои последние песни. Т. была очень-очень недовольна и кривлялась, как обычно: спой то, не пой другое; а кончилось тем, что она ушла на площадку, а он за ней, и там целый час они в очередной раз выясняли отношения, – все возмущались...».

Володя, утверждал Юнгвальд-Хилькевич, не мог оставить Таню, потому что продолжал любить ее, даже когда появилась Марина Влади. «Те страдания, которые вынесла эта девочка, достойны поклонения... Иваненко занимала в жизни Володи места не меньше, чем Марина. Если не больше. Володя, к сожалению, не признавал родившегося ребенка... Для меня Таня всегда была любимой женщиной Высоцкого. Однажды, сидя рядом с ней в театре, я попросил поцеловать ее в щеку. Она укусила меня под глаз и сказала: «Я, кроме Володи, никого не целую». Даже поцелуя не могла себе позволить. Гениальная девка! То, что она мне нравилась, я Володе говорил. А как может не нравиться женщина необыкновенной красоты – такая фигура, лицо, глазищи! Иваненко – одна из самых прекрасных женщин, которых я вообще в жизни встречал...» (см. Экспресс-газета. 12 июля 2001). Георгий Эмильевич считал, что «Таня – суперсамоотверженный человек. Одна из самых красивых женщин, которых я знаю. И одна из самых благороднейших по отношению к Володе. На мой взгляд, она доказала, что любила его больше всех остальных...» (Д. Гусев. Инвалид, алкоголик, бабник? // Московский комсомолец. 28 апреля 2001).

А потом Иваненко стала причиной размолвки старинных приятелей – Высоцкого и Кохановского. Игорь Васильевич считал: «...История эта выеденного яйца не стоит! Ну, выпили мы лишнего. Ну, поцеловались. Я потом Володе честно во всем признался. Она-то нас с Володей и поссорила. Ей почему-то все время казалось, что все ее хотят. Переоценивала свое женское обаяние и не стеснялась делиться своими фантазиями с Высоцким...» (А. Амелькина. Высоцкий мечтал о многоженстве //

Комсомольская правда. № 133/30 (22838). 26 июля – 02 августа 2002).

Хотя кто знает, может быть, Владимир Семенович просто сам искал повод для расставания с Иваненко?

Но, во всяком случае, Кохановский совершил роковую ошибку. Которой в свое время избежал известный актер, кинорежиссер и плейбой Михаил Козаков, как-то «положивший глаз» на Татьяну. Когда его предупредили, что это «женщина Высоцкого», Козаков счел за благо от своих амурных планов отказаться: тягаться с таким соперником было не то, чтобы трудно, но просто опасно (см. HighStyle. 15 марта 2001).

Геннадий Иванович Полока кроме достоинств понимал и недостатки Иваненко. На встрече с ленинградскими зрителями в 1983 году он проговорился: «Может быть, он бы женился на ней, но просто она была человеком нетерпеливым и форсировала события, а таких людей форсировать нельзя. Это не нужно, он нервный человек...».

С Игорем Кохановским, однокласником, однокурсником и другом. 1956 г.

Татьяна Васильевна, пожалуй, совершила примерно тот же

роковой промах, что и Людмила Абрамова: переоценила собственные силы и степень влияния на Высоцкого, попыталась им руководить, управлять. В кругу друзей Высоцкий не раз растерянно возмущался ее поведением и собственным бессилием, не зная, что с ней делать. Она, например, могла себе позволить резко оборвать разговор Высоцкого с кем-то из старинных приятелей, бесцеремонно скомандовав: «Хватит, пошли». Могла запретить ему петь. И в то же время была фанатично самоотверженна, когда кто-то злорадно комментировал срывы Высоцкого или пытался заменить ее возлюбленного в самых престижных ролях. В апреле 1969 года Любимов в «воспитательных целях» пошел на замену заболевшего Высоцкого на Бориса Хмельницкого в роли Галилея. Кто-то пытался передать Хмельницкому веник с лентой «Не в свои сани не садись». До того веник, правда, не дошел, но за кулисами стали перешептываться. Золотухин подозревал в организации этой пакости именно Татьяну.

Давид Карапетян считал, что «Таня Иваненко хотела воспитать Высоцкого под себя. Таня покупала ему подарки на свою отнюдь не гигантскую таганскую зарплату. Как-то, помню, мы отстояли многочасовую очередь за чехословацкими брюками по 11 рублей. Сама же Таня ничего не принимала от Высоцкого: гордость мешала. По-видимому, она смотрела на него глазами рядового члена коллектива таганской труппы. Она учила его правилам приличия: никогда не звонить друзьям и знакомым ночью без особой причины. Постепенно она присвоила себе право решать: когда ему петь в компаниях, а когда нет. «Включай магнитофон. Ты же хотел меня записать?» – возвращался как-то Высоцкий ко мне. Следом пробралась Татьяна: «Не надо тебе, Володя, петь». Он снова уступил ей. Приобнял меня, отодвинул от Татьяны – дальше в спальню, плотно закрыл дверь. И тут же, без перехода: «Какая женщина, Давид, если бы ты видел, какие у нее волосы! Марина!» (Е. Сажнева. Д. Карапетян. Я любил Высоцкого, как мужчина женщину // Московский комсомолец. 24 января 2004).

Татьяна Иваненко проявила фантастическую изобретательность, лишь бы попасть на ту самую легендарную вечеринку в квартире Макса Леона. И там вызвала для «выяснения отношений» Марину Влади на традиционный российский «ринг» – кухню. «Были произнесены какие-то напыщенные фразы, которые сейчас мне кажутся смешными, – вспоминает Иваненко. – Влади сказала, что от такого мужчины, как Володя, она не отступит, даже если придется лечь на рельсы. А я ответила, что не родился еще мужчина, ради которого это

могу сделать я... После этого я ушла...» (см. Т. Булкина. У Насти Высоцкой другая фамилия. Эту тайну хранили 20 лет! // СПИД-инфо. № 2. февраль 1998).

После бездарного и бессмысленного конфликта в доме корреспондента «Юманите» иначе как «актерка» Марина Влади свою соперницу не называла... Кстати, после окончательного разрыва с Высоцким Иваненко перестала здороваться с Мишель Кан, узнав, что ее старая подруга тесно сблизилась с Мариной Влади. Только в 1977 году, когда «Таганка» была на гастролях в Париже, кинулась к Мишель с объятиями, вручила номер телефона в отеле, просила позвонить. Но Владимир прямо сказал: не связывайся!

Лишь в конце 90-х прошлого века Иваненко отважилась на публичное признание своих отношений с Высоцким, в том числе сообщила и о существовании дочери Насти, отцом которой был назван Владимир Семенович.

Татьяна с гордостью говорила:

«У меня много свидетелей, что это Володина дочь... Это и его мама, и Люся, первая жена, и его дети, которые Настю называют своей сестрой, и все наши друзья. Почему я не дала дочери фамилию Высоцкого? Такой уж у меня характер, такой был у нас жизненный период. Хотя я, опять же, могу привести массу свидетелей, которые скажут, что Володя на коленях меня просил записать ребенка на его имя. Я не хочу уточнять мотивы, это происходило в тот период, когда он был женат на Марине Влади...» (см. Бульвар. № 56. 1998).

Правда, относительно «свидетеля Люси» есть определенные сомнения. Ведь сама Л.В. Абрамова как раз стремилась развеять легенду о том, что Высоцкий был отцом дочери Иваненко: «Если бы это было так, то Володя о ней заботился и не скрывал бы этого...» (subscribe.ru/archive/culture.rsc2000/200101/).

Рассказывают, после смерти Владимира Семеновича Татьяна Иваненко написала что-то вроде прошения в профком театра: «В связи с утратой кормильца прошу посодействовать...». Потом, правда, забрала свою цидулу...

Фотограф и издатель, ныне проживающий в Нью-Йорке, Валерий Нисанов в своих утверждениях категоричен: «Да нет у него никакой дочери. Пусть это утверждают такие, как Карапетян... Из-за Иваненко весь сыр-бор с Мариной и разгорелся. Да, у Володи была связь с Иваненко. Но мало ли с кем он мог жить? Высоцкий эту самую дочь не признавал. Если бы девочка была его дочерью, вряд ли Володя от нее отказался. Вся эта история раскрылась для Марины на похоронах. Услышав такую новость чуть ли не от самой Иваненко, вернувшись с

кладбища, она была очень возмущена: «Ужас! Что это за бляди! Сейчас все сразу станут Володиными женами!» Матом она ругалась всегда вовсю» (Б. Кудрявов. В. Нисанов: «Высоцкому подсыпали яд в шампанское!» // Экспресс-газета. 30 января 2004).

А вот Борис Хмельницкий, для которого роман Высоцкого и Иваненко, естественно, не был тайной за семью печатями, считает, что «Настя действительно очень похожа на Володю, и только это говорит мне, что она – его дочь. У Высоцкого было столько связей, что в них запутаться можно!» (Т. Булкина. У Насти Высоцкой другая фамилия...).

Иван Бортник также подтверждал наличие у Высоцкого дочери: «Однажды в половине четвертого утра хмельной Володька завалился ко мне с открытой бутылкой виски в руке и говорит: «Поехали к Таньке, хочу на дочку посмотреть». Приехали, звоним в дверь – никого. Решили, что Татьяна у матери, отправились туда. А рядом отделение милиции – тут-то нас и «загребли» менты: «О-о-о! – говорят. – Жеглов, Промокашка!» И в отделение. А Володька на лавку и сразу спать. Но в конце концов нас все же отпустили. Уже после его смерти Татьяна мне призналась, что была тогда дома и не открыла. «Ну и дура!» – заявил я ей. Ведь больше такого порыва у Высоцкого не возникало. А случилось это за полгода до его смерти...» (Н. Репина. Мулатка-аристократка соблазняла Промокашку // Экспресс-газета. 14 ноября 2003).

Владимир Высоцкий написал свыше 100 стихотворений, около 600 песен и поэму для детей (в двух частях), в общей сложности его перу принадлежит приблизительно 700 поэтических произведений.

Фото Валерия Плотникова

В одном из своих интервью (Экспресс-газета. № 44 (201). 1998) Татьяна Васильевна уверяла: «Я знаю одно – она (Марина Влади. – Ю.С.) хотела от него ребенка, но он был против. А я вот – родила...». Михаил Шемякин на сей счет высказался прямо: «Марина очень хотела от него ребенка, но Володя боялся, что ребенок может родиться нездоровым из-за его алкоголизма...» (О. Волкова. Почему Высоцкий не хотел ребенка от Влади // Собеседник. 25 января 2001).

Родилась Анастасия Иваненко 26 сентября 1972 года. Отчество она носит Владимировна... Валерий Золотухин считает, что «в отличие от своей матери... дочь Володи абсолютно не амбициозна. Она считает, что вообще не нужно ничего

афишировать. Это их внутрисемейное дело. «Зачем тебе все это надо, мама? – успокаивает она Татьяну. – Мне не нужна фамилия Высоцкого. Я обыкновенная женщина, я нарожаю тебе внуков...» (Л. Цыганова. В. Золотухин: «Дружба с Высоцким – это пожизненная честь и каторга» // Молодежная газета. 3 апреля 2003).

После смерти Высоцкого Татьяне Васильевне (Тате) на память остались строки возлюбленного: *«Как все это, как все это было / И в кулисах, и у вокзала! / Ты, как будто бы банное мыло / Устранялась и ускользала...»*. Эти поспешные и не вполне совершенные строчки словно стали отголоском старого прозаического наброска Высоцкого «О жертвах вообще и об одной – в частности». Главный герой новеллы – актер Владимир – именно в кулисах страстно признавался: *«Таня! Я вам звонил! Я так хотел вам сказать, что я вас люблю... Я вас люблю!»*.

Марина Влади, узнав после кончины Высоцкого об адюльтере и наличии у мужа незаконнорожденной дочери, вздохнула и сказала: *«Если это правда, пусть девочка носит его фамилию»* (см. Б. Кудрявов. Дочь Владимира Высоцкого не знает, кто ее отец // Экспресс-газета. № 04. 27 января 2003).

Сам Высоцкий признавался, что в течение всей сознательной жизни постоянно находился как бы между двух огней: первая любовная параллель – Люся Абрамова и Таня, вторая – Таня и Марина. Потом появилась третья – Марина и Оксана...

Оксана Афанасьева

*То была не интрижка –
Ты была на ладошке...*

Присутствие Оксаны Афанасьевой в жизни Высоцкого последних лет оказалось полной неожиданностью для многих и вызывает противоречивые толки. После смерти Владимира Семеновича Валерий Золотухин, который, казалось бы, был в курсе всех жизненных сует поэта, пишет в своем дневнике: «...Что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал... Ничего не знал... Ничего. Совершенно далек я оказался в последние годы от него...».

Говорят, Владимир Семенович называл ее своей последней любовью. Когда они впервые встретились в конце 1977 года, ему было под сорок, ей – вдвое меньше, восемнадцать. И он с ходу, как утверждает Оксана, «что называется, обалдел».

Как все случилось? Да по-совковски: родственница Оксаны, стоматолог, лечила зубы таганским звездам, а посему имела прямой доступ к театральным кассам. Естественно, и близкие тоже. Оксана вспоминает: *«Зашла в администраторскую в антракте, чтобы позвонить. Там сидел Володя, и администратор Яков Михайлович Безродный сказал: «Ксюша, это Володя Высоцкий. Володя, это Ксюша». Володя в это время разговаривал по телефону, но сразу повесил трубку. Почему-то мимо аппарата...»* (М. Райкина. Правда любви и смертного часа). Ах, «почему-то», Оксана... Лукавство, право. Она рассказывала: *«В тот день я вообще-то шла на другой спектакль, а его заменили на тот, что я уже видела. Могла уйти, но осталась из-за подружки. А Володя в тот день не играл – он просто заехал кому-то заказать билеты. «Куда вы после спектакля?» – спросил он. – «Домой». – «Не бросайте меня, я вас подвезу»».*

Оксана Афанасьва

Владимир Семенович тут же взял телефончик, предложил встретиться. Девочка не только самостоятельная, но и самолюбивая, Оксана долго сомневалась, идти ли ей на свидание. Ее сомнения возмутили подружку: «Ты что?! Да все бабы Советского Союза просто мечтают оказаться на твоём месте!». Я мысленно представила бесчисленное количество этих женщин – и пошла... С первой минуты разговора у каждого из нас было ощущение, что встретился родной человек. У нас было очень много общего во вкусах, привычках, характерах. Иногда казалось, что мы и раньше были знакомы, потом на какое-то время расстались и

вот опять встретились... Володя даже вспомнил, что бывал у моих родителей дома и знал мою маму...» (Л. Лунина. Высоцкая любовь // Карьера. № 7. июль 1999).

У театрального подъезда случилась забавная сцена. Неутомимый жуир Вениамин Смехов, усаживаясь за руль своих зеленых «жигулей», предложил: *«Ксюша, давайте скорее, я вас жду»*. – *«Нет, нас уже подвозят»*. – *«Кто?»* Она показала на машину Высоцкого. Смехов скис: *«Конечно, что мои «жигули» против его «мерседеса»!»* Обиделся, короче.

А вот на следующий же день Ксюша рассталась со своим мальчиком – потенциальным женихом Женей. Ее покорила колоссальная энергетика Высоцкого, умение подчинить своему обаянию любую аудиторию – будь то один или два человека или десяти тысячный зал какого-нибудь Дворца спорта. Оксана откровенно признает, что *«была безумно влюблена... Такое ощущение, что жизнь была заполнена только им... Мне было достаточно, что мы вместе. И хотя, конечно, были и чувства, и накал, и страсть, о том, что он меня любит, он мне сказал только через год. И для меня это стало сильнейшим потрясением, моментом абсолютного счастья...»* (там же).

Оксана утверждает, что она не была «театральной сырихой» и Высоцкий не был для нее божеством. У нее в доме, на Пушечной, в гостях у папы Афанасьева-Севастьянова, много писавшего для эстрады, часто бывали «властители дум» тех лет – Леонид Энгибаров, например, Лев Прыгунов, другие интересные творческие люди. Высоцкий же для девочки был загадочной, таинственной фигурой. О нем ходили всякие легенды. Она боялась, что чувства с ее стороны будут сильнее и искреннее, чем с его.

Судя по всему, Высоцкий был ужасно нетерпелив в проявлении душевных чувств. Когда Оксана не смогла прийти на «Гамлета», так как собралась на спектакль Эфроса на Малой Бронной, Владимир Семенович подрулил за ней после спектакля и пригласил поужинать. Поехали на «Грузины». Он попросил: *«Не надо называть меня «Владимир Семенович»»*. Он нежно ухаживал, угощал деликатесами. Было вино, хозяин жарил печенку, которая таяла во рту. Вкусно! *«Когда мы начали с ним жить и я в первый раз у него ночевала, мы утром встали, и я убрала постель. Для него это было потрясением. Клянусь. Он сказал: «Ты – первая женщина, которая убрала за собой постель...». Я же не знаю, как другие, но получалось, что они пользовались. А тут он вдруг понял, что я делаю это не потому, что он – Высоцкий, а человек, которого я люблю...»* (М. Райкина).

Володарский описывает Ксюшу такой: «Худенькая блондинка

невысокого роста, очень милый, застенчивый человек. Когда собирались друзья, она выходила довольно редко – то ли к своим занятиям готовилась, то ли просто пряталась. Может, побаивалась оравы пьяных похабников – каждый же норовил за ляжку ущипнуть. Не думаю, что в отношении Володьки вынашивала матримониальные планы: ничего хищного – такого, что в избытке есть в Марине, – я в ней не приметил...» (Т.Романова, Э. Володарский. А я все помню, я был не пьяный // Огонек. № 256. сентябрь 1999). Он же вспоминал: «Девочка ничего не знала про Володины наркотики. Ей кто-то об этом сообщил в день похорон. Она так бурно отреагировала, яростно. Готова была поехать ночью на кладбище, разрыть могилу и разорвать тело любимого на куски... Как тигрица, металась по даче и бросала нам с женой в лицо: «Вы – предатели, знали и молчали! Вы всегда меня не любили!» Действительно, я ее почему-то не любил буквально с первого дня знакомства... Володька говорил: «Не дай бог подохнуть. Ксюха одна останется, я же ей и отец, и любовник, и опекун...»» (Б.Кудрявов. Э. Володарский: «О Высоцком врут все» // irrcut.narod.ru/prensa/skandal).

Впрочем, по словам самой Оксаны, она «старалась отгородить его от иглы и «колес»... Ведь его подсадили на наркотики. Все началось на очередных гастролях Высоцкого в Горьком. Одна женщина-врач посоветовала свой рецепт, как выводить Володю из запоев хотя бы на время концертов. Она уверяла, что своего мужа-алкоголика приводила в чувство только с помощью таблеток и инъекций. Решили попробовать. Сделали один укол – помогло. Потом – второй, третий... Запоя нет, похмелья нет. Володя работает. Все вроде замечательно. Оставалось побороть только стресс и адскую усталость. Постепенно он стал принимать наркотики, только чтобы расслабиться, снять напряжение... Но потом состояние эйфории, энигмы сменялось глубокой депрессией и немощностью... Володя осознал, что превратился в раба «искусственного рая»... И это его убивало уже морально. Он сам мечтал избавиться от наркотического плена. И... безумно боялся за меня. Однажды он сказал: «Если я узнаю, что ты попробовала эту дрянь, я убью тебя собственными руками...»» (Е. Езерская. О. Ярмольник: «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс. 20 января 2000).

Валерий Янклович утверждает, что «последние годы Володя очень серьезно относился к этой девушке. Хотя меня тогда она немного раздражала... Но я видел Володино отношение: он принимал участие в ее жизни, вникал в ее студенческие дела... Конечно, она сыграла в жизни Высоцкого определенную роль...» (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

Когда Высоцкий познакомился с Оксаной ему было под сорок, ей – вдвое меньше

Бывший киносценарист и одновременно филер спецслужб (как первое, так и второе вызывает сомнения. – Ю.С.) Вадим Горский в своих странных, мягко говоря, записках «Луи Армстронг еврейского разлива» (Урал. № 8. 2000) цитирует якобы монолог Высоцкого: «Особенно боюсь – это, если я сдохну, – за... Ксюху. Я же ей и отец, и любовник, и ангел-хранитель... Мне нужно как можно дольше продержаться под своим крылом Ксюху. Это моя обязанность... Эта любовь, скажем, «опасная», скажем, даже... «роковая»... просто какая-то хворь из Гонконга. Она подтачивает мои силы, и я даже не пытаюсь сопротивляться. Эта любовь, как говорят, мне противопоказана. Но мы продолжаем любить тайком, воровски, блуждать в извилинах нашего чувства, болеть собой, болеть любовью, иногда даже не бывшей нашей любовью, а чьей-то чужой, только проявлявшей себя в нас. И если эта любовь будет продолжаться, какая бы она ни была – искренняя и реальная или лживая, покалеченная и грешная, – мы оба свихнемся. И от правды, и от кривды... Только при одном условии любовь может быть вечной – когда хотя бы один из любящих обладает такой силой воображения и ума, которые способны оживить и придать красок вакууму. Такой любви не

нужны свидетели, она питается собственными соками...».

Я не склонен безусловно доверять столь выпреним словам, за автора которых Горский выдает Владимира Семеновича Высоцкого. Даже поэт и служитель Мельпомены в быту избегает подобного «высокого штиля» – порой на сцене он от этого устает. Но тем не менее, как мне кажется, подобные идеи Высоцкого все же посещали.

Владимир Семенович по возможности старался возить Оксану с собой по всей стране – в Тбилиси, Минск, Питер, Среднюю Азию... Она откачивала его в Бухаре, когда 25 июля 1979 года у Высоцкого приключилась клиническая смерть: «Я ему дышала, а Толя Федотов делал массаж сердца...». Потом она вспоминала: «Когда Володя пришел в сознание, первое, что он сказал, было: «Я люблю тебя». Я чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире! Это было для меня очень важно. Володя никогда не бросался такими словами и говорил далеко не каждой женщине, которая была в его жизни...» (Е. Езерская. О. Ярмольник: «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс. 20 января 2000).

Друзья по-разному говорят об этой истории. Но Оксана Афанасьева утверждает, что кома случилась от передозировки, а не от жары. *«Мне позвонил... Валера Янкович. Сказал, что Володя неважно себя чувствует и что мне нужно привезти лекарства. Я взяла промедол и вылетела... Если бы их не привезла, он бы умер».*

Отовсюду он привозил ей подарки. Нэлли Белаковски (в девичестве Бродская), старинная московская знакомая, живущая в Германии, вспоминает: «Я думаю, что у Володи в Союзе была подруга – девушка очень миниатюрного размера. Говорили, что это какая-то актриса театра «Современник»... Не знаю, Володя своих тайн не открывал, потому что, я думаю, Марине это было бы неприятно. Он покупал этой девушке пальто, дубленку, еще какие-то вещи, советовался со мной. Но все это было очень маленького размера...» (В. Перевозчиков. Где мои 17 бед? // Совершенно секретно. № 1. 2002).

Оксана это подтверждает, говоря, что за два дня он накупил два чемодана шмоток. При знакомстве подруги представляли ее так: «Знакомьтесь, это Оксана, у нее семнадцать пар сапог». Она заказывала ему привезти из очередного заграничного вояжа то наперстки (и он накупил их штук 500), то шелковые нитки морковного цвета № 8 и так далее. Наследник Вячеслава Зайцева Егор, который учился с Ксюшей, очень гордился знакомством с любовницей Высоцкого.

Но самым главным приобретением Высоцкого стали обручальные кольца. У него возникла очередная идея фикс –

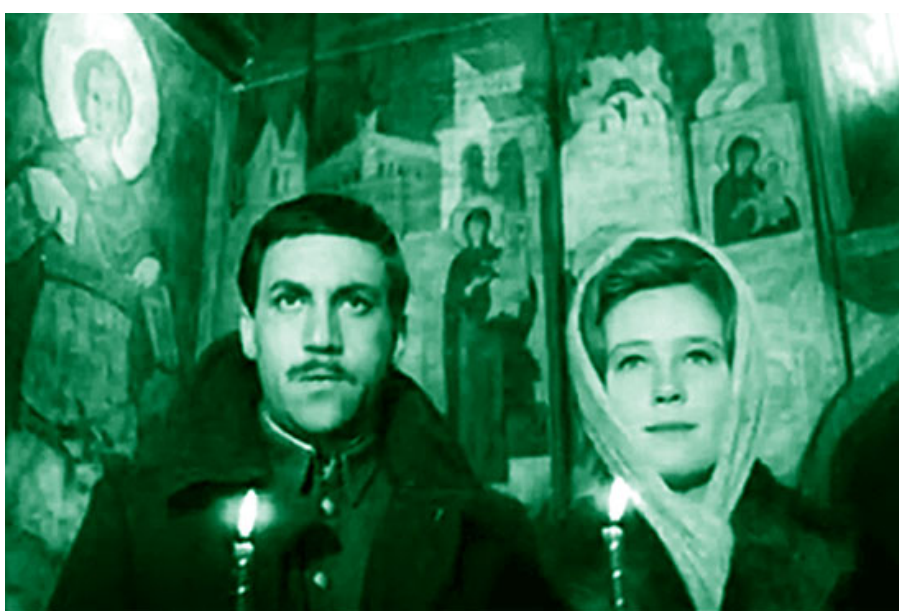
непременно обвенчаться. Они объездили половину московских церквей – и везде получали отказ. Оказывается, для венчания была необходима регистрация в загсе. Однако Высоцкий все же отыскал батюшку, который согласился совершить обряд, но просто не успел...

Неужто таким роковым образом действовала на Высоцкого разыгранная им на пару с Ией Саввиной сцена венчания в фильме «Служили два товарища»? Помните лихорадочный диалог в церкви: «Что вам угодно?» – «Нам угодно обвенчаться!» – «Как вы сказали?» – «Обвенчаться. И давайте, батюшка, поскорее... Делайте, что вам говорят, батюшка, а то ведь вас я пристрелю. В Божьем храме... Мы тут торгуемся, а там последние пароходы отчаливают! Я должен поспеть, ясно вам?»

И Владимир Семенович решил сыграть подобный эпизод в реальной жизни? Или просто в роли Брусенцова он и впрямь играл самого себя? Или это была его, когда-то прежде прожитая жизнь?

Легендарная женщина Элеонора Васильевна Костинецкая, дружбы с которой добивались богатейшие люди Москвы (она работала администратором знаменитого арбатского магазина «Самоцветы»), многое и многих в своей жизни видела – и богему, и нары. Вспоминает, как Высоцкий явился к ней дней за десять до смерти: «Накануне он позвонил: «Элеонора Васильевна, я могу завтра прийти?» Интересно, что он решил явиться в субботу, когда директор и его зам были выходными. А ведь с нашим заместителем главного, Ольгой Борисовной, он был в дружеских отношениях. Из этого я заключила, что он хотел как можно меньше привлечь внимания к своему визиту.

Пришел Высоцкий в сопровождении молоденькой девочки лет 18–19. Помню, она была одета в розовый костюм. И, глядя на нее, я тогда почувствовала жгучую ревность! Не женскую, нет. Просто для меня Высоцкий был таким драгоценным камнем, к которому не надо было прикасаться. Выглядел он не очень... Я еще его спросила: «Володя, у вас, наверное, был вчера веселый вечер. Не желаете ли рюмочку коньячку?» Но его спутница твердо сказала, что, если он выпьет, она с ним никуда не поедет. Тогда я принесла бутылку минералки, которую Высоцкий и выпил. После чего сказал: «Мне нужно купить обручальные кольца для одного приятеля и его невесты». Я поинтересовалась размерами. «Точно не знаю, – сказал Владимир Семенович. – Но примерно как на меня и вот на нее...».

С Ией Савиной в фильме «Служили два товарища». Сцена венчания

Я промолчала, лишь многозначительно посмотрела на него и позвонила в секцию, попросив принести лотки с обручальными кольцами. По моему совету он выбрал обычные тоненькие колечки, без всяких наворотов. После чего пригласил меня на концерт: «Я вам позже сообщу, где он состоится, – сказал Володя. – Но обещаю, что это будет лучшее выступление в моей жизни!» (М. Панюков. Э. Костинецкая: «Юрия Антонова хотели посадить на восемь лет!» // Экспресс-газета. 4 февраля 2003).

Костинецкая поведала, что видела эту девушку на похоронах Высоцкого: «Она сидела в партере, а вокруг нее было как бы выжженное пространство – никто поблизости не сидел... Уже много позже, когда я вернулась из тюрьмы, мой сын показал мне в журнале интервью с женой Леонида Ярмольника Оксаной, которая рассказывала, что Высоцкий предлагал ей выйти за него замуж. Вот тогда-то все и встало на свои места – я поняла, кто была та девочка в розовом...» (там же).

Сама Оксана считает, что это был эмоциональный всплеск. Она говорит, что Высоцкий требовал: *«Я хочу, чтобы ты была моей женой»*. Оксана отвечала: *«Ты – двоеженец, мы не можем с тобой венчаться»*. Он ходил в церковь, и в не в одну, но ему говорили: *«Пожалуйста, ради бога, только сначала приносите документы, что вы не женаты. Тогда мы вас обвенчаем»*. Уставшая девушка твердила ему: *«Володя, никому это не нужно, забудь»*. Но все же, по ее мнению, ему бы хотелось иметь нормальную семью.

«Ему нравилось, когда в доме уютно, когда есть еда, когда я что-то готовила. «Ну, давай кого-нибудь родим», – говорил он. «Ну, Володя, что это родится? Если родится, то одно ухо, и то глухое». Я так неудачно пошутила, что Володя даже офигел: «Ну и юмор у тебя». Но ребенка я никогда бы не стала от него рожать, потому что не была уверена, что от наркомана родится здоровый» (см. М. Райкина...). Как-то это не очень вяжется с предыдущими высказываниями Афанасьевой. Да бог с ними.

«Я б для тебя украл весь небосвод...», – когда-то пел Высоцкий. А теперь старался наяву творить для нее маленькие чудеса. Выстилал цветочный ковер из любимых Оксаной ландышей во всю комнату. Потом вдруг взял да нанял бригаду рабочих, чтобы они заасфальтировали ухабы возле ее дома на улице Яблочкиной... Оксана признавалась, что не была, в общем-то, бедной студенткой. Папа все-таки был известным литератором Афанасьевым-Севастьяновым, много писавшим для эстрады, а те годы его трудов вполне хватало на хлеб с маслом. Кроме того, были тетки, обожавшие племянницу.

Но с появлением в ее жизни Высоцкого она и вовсе перестала в чем-либо нуждаться. Во-первых, запретил ей пользоваться общественным транспортом. Задарил модной одеждой, обувью. На новоселье купил холодильник. Ну и так далее... Учил машину водить на Николиной Горе, даже хотел приобрести для нее машину – маленькую спортивную BMW, причем непременно красного цвета.

Они не слишком-то скрывали свои отношения. Ее подружки знали, с кем у Оксаны роман, он часто заезжал за ней в институт. Он ввел ее в свой ближний круг, сложившийся в последние годы. Об Оксане знала Нина Максимовна, она была представлена Севе Абдулову, Ивану Бортнику, Кириллу Ласкари. Познакомилась с Бабеком Серушем. Как-то в разговоре с Ксюшей Владимир Семенович обмолвился: «Ты понравилась Вадиму (Туманову. – Ю.С.). И вообще, тебя «приняли», что бывает очень редко...». Поначалу дружба Владимира Семеновича относились к ней как к очередной девушке, а потом, как она считает, это переросло в другое отношение: кто-то принял, кто-то – нет. «С Севой Абдуловым, – говорила Оксана, – у нас были самые нежные отношения, он – святой человек, я его обожала» (М.Райкина. Правда любви и смертного часа // Московский комсомолец. 17 мая 2005).

Но то были люди, которые не определяли атмосферу дома Высоцкого. А вот те, которые имели «постоянную прописку» на Малой Грузинской, ее раздражали. Она мчалась к Владимиру Семеновичу, когда он был в плохом состоянии, выходил встречать

ее, мог упасть в коридоре. А друзья хохотали: «Да ладно, он прекрасно себя чувствует! Это он при тебе начинает «понты гнать», чтобы ты его пожалела...».

Ревновала ли она его к поклонникам? Естественно. Оксана не отрицает: «Да, Володя любил женщин. Никогда не пропускал ни одну красотку, всегда акцентировал на таких внимание... Но при этом он не был неразборчивым... Володя никогда не был героем гуляющей богемы. Он тонул в море проблем и дел. Концерты, гастроли, кино, театр, друзья, мама, отец, первая жена, дети, Марина Влади, наконец. Ему практически не хватало времени и сил на самого себя. Те редкие свободные минуты, которые удавалось «украсть» для покоя и отдыха, мы проводили вместе...» (Е. Езерская. О. Ярмольник: «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс. 20 января 2000). И позже, став старше, добавляла: «У него все было обволакивающее. Дико харизматичный. Наверное, не было ни одной тетки, которая могла бы устоять. Володя был охмуритель абсолютно профессиональный...» (М. Райкина. Правда любви и смертного часа // Московский комсомолец. 17 мая 2005).

Но она не скрывала, что за пару лет их любви случались и шальные измены: «Ну, было пару раз. И для меня это было жуткой трагедией, когда я об этом узнала... Я даже уходила, он за мной приезжал, и все меня уговаривали вернуться. Вот первомайские праздники, и Володя должен приехать за мной. Жду его дома на Яблочкова. Нет. Звоню, подходит Янклович: «Не волнуйся, все нормально, мы тебе позвоним». – «А где Володя?» – «Он не может подойти». – «Я сейчас приеду». – «Нет-нет, не вздумай». такси, через 10 минут вхожу в квартиру – е-мое: столы грязные, посуда, бутылки – настоящее гулялово. Захожу в спальню. Там Даль саяш с какой-то бабой. Кошмар, вертеп, воронья слободка. Я хочу войти в кабинет, и вдруг оттуда выходит какая-то девка, мне знакомая – в рубашке, босая. у? зову во на кухню: «Ира, значит так: я сейчас уезжаю. приезду в половине третьего. 5 половине третьего в квартире должна быть идеальная чистота, помойка вынесена, и вас, блядей, не должно быть здесь даже духу». И уезжаю. Пошла на рынок. Через полтора часа звоню: «Все убрали?» – «Да». – «Хорошо. Можете спускаться». Я приехала – девственная чистота в квартире, девственно на постели спит Володя, в другой комнате спит одинокий Даль... Я Володе потом слова не сказала, он извинялся. И еще потом был неприятный эпизод...» (М. Райкина...).

Ревновала ли она его к поклонницам? Естественно... Лето 1980 года

В то же время, человек рискованный и отчаянный, Высоцкий мог неожиданно возникнуть в полутьме зрительного зала во время спектакля, даже зная, что в театре в этот момент присутствует Марина, и тронуть Ксюшу за плечо или дернуть за юбку: «Привет!» – при этом успев шепнуть ошеломленным зрителям: «Тихо, тихо, все в порядке, так надо, тихо...». «Когда Влади не было, – вспоминал Володарский о визитах Высоцкого на злополучную дачу, – привозил с собой Ксюху...».

Ревнивый до крайности, как всякий нормальный мужик, Владимир был способен на самые отчаянные поступки. Оксане запомнился случай, когда она вечером вышла из квартиры Высоцкого на Малой Грузинской и с ходу напоролась на пару подгулявших художников (в доме был Московский профсоюз графиков). Ребята грубо пошутили в адрес девицы. В это время из подъезда вышел Высоцкий с Лешей Штурминым (первым каратистом-профи Советского Союза), и, без всяких «разборок», кинулись на парней. Через мгновение все было кончено – бойцы (и с той и с другой стороны) стояли с оторванными руками, окровавленными...

В основном имя Высоцкого как театрального актера связано с Театром на Таганке. В этом театре он участвовал в 15 спектаклях («Жизнь Галилея», «Вишневый сад», «Гамлет» и др.). Более чем в 10 спектаклях исполнялись его песни.

Фото Валерия Плотникова

Знала ли о присутствии в жизни Владимира Оксаны сама Марина Влади? Тут мнения мемуаристов расходятся. Одни считают, что догадывалась, другие утверждают, что точно знала, третьи – категорически опровергают это знание и догадки. Тот же Володарский уверенно говорил, что Марине доброхоты таки рассказали об Оксане (см. Огонек. № 25. 6 сентября 1999). Униженная этим знанием, она якобы начала обвинять покойного мужа, что он женился на ней только затем, чтобы ездить за границу. А когда Володарский попытался возражать, взвилась: «Если бы он от меня ушел, то смог бы куда-нибудь выехать? Никогда!» (там же). Фотохудожник Валерий Нисанов говорил, что Марина возмущалась по поводу существования Ксюши (см. Б. Кудрявов. В. Нисанов: Высоцкому подсыпали яд в шампанское! //

Экспресс-газета. 30 января 2004).

Вадим Туманов рассказывал: *«На второй или третий день после Володиных похорон Марина звонит мне и просит срочно приехать. Дома за столом сидело... человек девять-десять. И вдруг Марина обращается ко мне: «Вадим, я считала тебя своим другом, а ты молчал, что у Володи здесь была женщина... Правда это или нет?» Об этом ей сказала одна из Володиных приятельниц. Я ответил: «Марина, во-первых, даже если бы это была правда, я все равно бы ничего тебе не сказал. Во-вторых, это чистая чушь, и тот, кто тебе это сказал, – он среди нас – это настоящая сволочь. И мне очень неприятно, что все это происходит, когда не время и не место об этом говорить, даже если бы что и было». Все молчали. Я повернулся и уехал»* (В. Туманов. Все потерять и вновь начать с мечты...).

Как утверждает В. Горский, Высоцкий признавался ему: *«Последнее время меня так и подмывает легализировать нашу тайную любовь, чтобы спровоцировать Марину. Я чувствую себя вроде тех ребят, которые, сознавая свои поступки, не могут успокоиться, пока не будут наказаны... Ее – суку! – даже и сейчас люблю, но, конечно, не так, как Ксюху. Правда, было бы несправедливо не признать, что Марина все-таки баба красивая, умная и добрая... примитивной добротой, но характер – просто катастрофа! Она меня затерроризировала слепой, животной ревностью созревшей самки – хотя сама не промах. Частнособственнические замашки у нее проявляются буквально во всем: в единовластии, в навязывании своей точки зрения, в стремлении овладеть моим сознанием, изгнать из него все остальные образы, захватить, заполнить его целиком. Подумай только – на что баба ум свой тратит! Ей не удастся изгнать образ Ксюхи из моего сознания. На свете есть кое-что еще, внутренний мой мир гораздо шире, чем единственное предложенное мне мерило, поэтому, естественно, ни со мной, ни с другими ее мужьями у нее не могло продолжаться долго. К несчастью, от этого недуга ее не излечил даже возраст... Марина неспособна принять истину, ее не устраивающую... Она имеет талант ставить их с ног на голову... Свои поражения постоянно приписывает другим, она не ошибалась, она не проигрывала, а только другие..»* (В. Горский. Луи Армстронг еврейского разлива // Урал. № 8. 2000).

Оксана долгие годы молчала о своих отношениях с Высоцким. Несколько лет назад заговорила: *«Всем своим существом я чувствовала, что стоит мне всего лишь час провести в обществе Высоцкого, и больше никто не нужен. Каждую минуту я настолько была готова отдать Володе всю себя, что ни времени,*

ни капризного желания встречаться еще с кем-то у меня не было, да и быть не могло... Володя же был энциклопедией! Безумно интересный человек. Думаю, ему со мной тоже было что обсудить...» (Е. Езерская. О. Ярмольник: «Часть меня умерла с Высоцким» // Городской дилижанс. 20 января 2000).

Марина Влади? Она была далеко, и Оксана воспринимала ее просто как родственницу, ее существование, в общем-то, никак не отражалось на их взаимоотношениях с Высоцким. Как говорила Афанасьева, *«не было такого: он днем со мной, а вечером уходит к ней»*.

Оксана постоянно сопровождала Высоцкого в его последние дни. Иван Бортник рассказывал: «Накануне он приехал ко мне со своей Оксаной... В каком-то вельветовом костюме, такой весь из себя. Только заходит: «Выпить нечего? А-а-а, есть!» – увидел все-таки бутылку, которую я спрятал под стол. Выпили. «Поехали ко мне», – говорит... Взяли мы таксюгу, приехали к нему – там уже Оксана... В общем, остался я у него. Утром, понятное дело: «Давай похмелимся». Я сходил в магазин, принес две бутылки. Оксана кричала. Ну, она уже себя Мариной Влади почувствовала, разбила одну бутылку...» (Д. Мельман. Исповедь Промокашки // Московский комсомолец. 17 апреля 2004).

Эх, зря не прислушался Владимир Семенович к словам посвоему мудрого бандита Горбатого из «Эры милосердия», который утверждал: «Кабаки и бабы доведут до цугундера!» Зря...

* * *

Как сложилась ее дальнейшая судьба? После июльского потрясения 1980 года Оксана взяла академический отпуск на своем факультете прикладного искусства. Потом в конце концов закончила институт, вышла замуж, скоренько развелась. А чуть позднее, где-то году в 82-м, первого мая, в одной развеселой компании она случайно встретилась с бывшим актером «Таганки» Леонидом Ярмольником, с которым была давно знакома. На следующий день поженились.

«С Ксюшей мы... познакомились в театре, – деликатно рассказывал Леонид Ярмольник. – Помню, она выкупала какую-то бронь, когда я ее увидел в первый раз... Подойти не мог в силу ряда причин... И в мыслях не было... А потом я увидел ее через полтора года... После смерти Володи Ксюша продолжала поддерживать отношения с театром, ходила на спектакли. Она любила театр. Он был частью ее жизни с эмоциональной точки зрения...» (Н. Боброва – Л. Ярмольник. Никто не изменит людей

// МК-бульвар. 10 февраля 2003).

Ярмольник, слава богу, ничуть не комплексует по поводу давнишних взаимоотношений своей жены с легендарным поэтом. «Об отношениях Ксюши с Высоцким мне рассказали потом. Да, два последних года жизни Владимира Семеновича Ксюша была тем существом, которое давало ему возможность жить, ощущать себя. Я и сегодня это говорю с опаской, потому что очень уважаю и люблю Марину Влади. Но так бывает в жизни. Никак не умаляю достоинств Марины и уверен, что у Высоцкого переплеталось чувство уважения и любви к Марине Влади и совершенно новая часть жизни, связанная с Ксюшей... Меня радует то, что мы сошлись с Владимиром Семеновичем во вкусах. Конечно, никогда в жизни не позволю себе проводить параллели в плане нашего сходства как актеров, да и сходства никакого и нет. Но Ксюша нас очень роднит. Значит, у нас чувство прекрасного совпадает...» (Н. Драбкина. В Москве есть все: Мавзолей, зоопарк, Ярмольник // Вечерняя Москва. № 12. 22 января 2004). Отвечая досуговой корреспондентке на вопрос «Что вам нравится в женщинах?», Ярмольник цитирует Владимира Семеновича: «На этот вопрос надо отвечать небольшой брошюрой, тогда, возможно, ответишь...» (Н. Голованова. Интрига игры на вылет // Персона. № 6–7. 18 августа 2001).

У Ярмольников родилась дочь. Ксения начала работать художником по костюмам в Союзгосцирке, шила костюмы для фигуристов. Сотрудничает со многими московскими театрами – МХАТом, «Современником», «Табакеркой», на Малой Бронной. Влюблена в свою работу (профессия кутюрье – фамильная, еще ее прадед – Илья Ильич Шнейдер – считался одним из лучших дамских портных Москвы, и его ателье в Камергерском переулке рядом со МХАТом знали все столичные модницы). На ее счету десятки спектаклей в самых престижных московских театрах – МХАТе и «Современнике», «Табакерке» и на Малой Бронной. Она признается (с некоторой долей кокетства): *«Мне на самом деле индустрией моды заниматься не очень интересно... Я реализуюсь в другом – как художник... Занимаюсь интерьерами...»* (Т. Хорошилова. О. Ярмольник: «Я хотела обвенчаться с Высоцким» // Российская газета. 5 ноября 2004).

В общем, наверное, счастлива. Носит известную фамилию Ярмольник. «Ради тебя я готова на все – и в огонь, и в воду, и на стриптиз... Ты самое дорогое, что есть в моей жизни...», – так говорит Ксения-Оксана, адресуя свои слова Леониду Исааковичу (см. Именнички // Собеседник. № 53. 2000). По мнению Эдуарда Володарского, «Ксюша... с годами только расцвела, стала роскошной женщиной...» (Т. Романова. А я все помню, я был не

пьяный // Огонек. № 256. Сентябрь 1999). По признанию самой Ксении (так ее именуют ныне): «...Ощущение, что Володя многое в моей судьбе предопределил, осталось...» (Л. Лунина. Высоцкая любовь // Карьера. № 7. 1999).

* * *

И напоследок.

В начале 2003 года – 65-летия Высоцкого – «Комсомольская правда» опубликовала анкету для читателей, один из вопросов которой был таким: «Если бы он развелся с Мариной Влади, то кто стал бы его четвертой женой?» В день рождения поэта газета подвела итоги опроса: «Оксана, последняя любовь, ныне супруга Леонида Ярмольника – 68 %, Алла Пугачева – 14 %, Мадонна – 18 %» (Если бы Высоцкий был жив // Комсомольская правда. № 14 (1553/22959). 25 января 2003)...